

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 2 (32), 2021

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2021

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 2 (32), 2021

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich, Candidate of Philological Sciences, Dean of the Second English Department

Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich, Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor at the Department of Russian Language and Teaching Methods

Popov Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences, Associate Professor

Sheremetyeva Anna Gennadevna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Philology

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 2 (32), 2021

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
"Иностранные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук,
декан второго английского факультета

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания»

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам, доцент

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

- Bayakhmetova A.A., Koval O.V.*
ON THE QUESTION OF WORD-FORMING POTENTIAL LEXICO-SEMANTIC
GROUPS OF DERIVATIVES WITH THE SUFFIX -EIQ WITH SUFFIX VALENCE 8
- Gimatdinova A.A., Fakhrudinova R.A.*
PEDAGOGICAL DESIGN OF THE DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES
IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY 14
- Karimov A.A.*
IDENTIFICATION OF NATIVE AND RECEIVED MEANINGS
OF HIEROGLYPHS 念, 讀, 看 (COMPARATIVE ANALYSIS OF JAPANESE AND CHINESE) 18
- Ushakova A.N.*
TRANSLATION OF BILINGUAL SPECIALIZED TERMINOLOGY TO ACHIEVE
SEMANTIC ADEQUACY OF LEGAL NORMS ON INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY 24
- Shamsieva Sh.Q.*
EUPHEMIZATION AND EUPHEMIC MEANS IN CHINESE AND UZBEK LANGUAGES 29

Literary Studies

- Ziyamukhamedov Zh.T.*
CLASSIC PLOTS OF CHINESE LITERATURE
AND THEIR REFLECTION IN THE NOVELS OF PU SONGLING 35

Russian Literature

- Liu Ziyuan, Miao Hui*
FEATURES OF THE CHRONOTOPE IN THE STORY OF I. BUNIN "THE CAUCASUS" 41
- Uccello Iris*
HISTORICISM AS A TOOL OF A LITERATURE THEORIST 44

Literary Theory. Textology

- Zhilyakov S.V.*
THE POETICS OF MEMORY IN LU XIN'S WORKS 47

Linguistics

- Kuznetsova S.V.*
ON THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCY
IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING FOR HIGHER EDUCATION 50
- Tokareva L.V., Krasnova O.A., Cheredinova O.V., Roman'kova M.N.*
PECULIARITIES IN USING SPECIFIC ABBREVIATIONS
IN THE WORK WITH MEDICAL AND PHARMACEUTICAL TEXTS 59

Germanic Languages

Taghiyev I.A.

PRESUMPTION OF INNOCENCE IN LINGUISTIC HUMOR
(UNINTENTIONALITY IN LINGUISTIC JOKES BASED ON LEXICAL-SEMANTIC AMBIGUITY) 64

Yakovleva S.L.

FUNCTION OF QUOTATIONS IN ARTISTIC DISCOURSE AND THEIR TRANSLATION IN FICTION 68

Applied and Computational Linguistics

Svetlichnaya L.E.

TYPOLOGIZATION OF TEXTS WITHIN THE FRAMEWORK OF AN IT PROJECT 72

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

- Баяхметова А.А., Коваль О.В.*
К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ
ГРУПП ПРОИЗВОДНЫХ С СУФФИКСОМ -ЕЦ ПРИ СУФФИКСАЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ..... 8
- Гиматдинова А.А., Фахрутдинова Р.А.*
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦОР В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА 14
- Каримов А.А.*
ВЫЯВЛЕНИЕ ИСКОННЫХ И ПРИОБРЕТЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИЕРОГЛИФОВ
念, 讀, 看 (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 18
- Ушакова А.Н.*
ПЕРЕВОД ДВУАЗЫЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПРАВОВЫХ
НОРМ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ..... 24
- Шамсиева Ш.К.*
ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ЭВФЕМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В КИТАЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ 29

Литературоведение

- Зиямухамедов Ж.Т.*
КЛАССИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НОВЕЛЛАХ ПУ СУНЛИНА..... 35

Русская литература

- Лю Цзыюань, Мяо Хуэй*
ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «КАВКАЗ» 41
- Уччелло Ирис*
ИСТОРИЦИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА 44

Теория литературы. Текстология

- Жиляков С.В.*
ПОЭТИКА ВОСПОМИНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУ СИНЯ 47

Языкознание

- Кузнецова С.В.*
О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ 50
- Токарева Л.В., Краснова О.А., Черединова О.В., Романькова М.Н.*
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР ПРИ РАБОТЕ
НАД ТЕКСТАМИ МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 59

Германские языки

Тагиев И.А.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЮМОРЕ
(НЕПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШУТКАХ,
ОСНОВАННАЯ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ) 64

Яковлева С.Л.

ФУНКЦИЯ ЦИТАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК..... 68

Прикладная и математическая лингвистика

Светличная Л.Е.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ В РАМКАХ IT-ПРОЕКТА 72

УДК 81'38

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ПРОИЗВОДНЫХ С СУФФИКСОМ -ЕЦ ПРИ СУФФИКСАЛЬНОЙ ВАЛЕНТНОСТИ

А.А. Баяхметова¹, О.В. Коваль²

¹ кандидат филологических наук, ассоциированный профессор Центра языковой подготовки,

² магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры теории языков и литературы
Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Казахстан

***Аннотация.** Вопросам образования производных придаётся большое внимание. Язык находится в постоянном развитии. Образование производных характеризуется тем, что одни слова являются, другие из одной лексико-семантической группы переходят в другую лексико-семантическую группу. Проблема изучения словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом -ец при суффиксальной валентности является актуальной. В современном языкознании понятие валентности приобретает определённую специфику. При изучении сочетаемости производных на -ец описываются лексико-семантические группы, переход из одной лексико-семантической группы в другую. Актуальность статьи обусловлена объектом настоящей статьи и изучением словообразовательного потенциала апеллятивов с суффиксом -ец и обусловленными переходами из одной лексико-семантической группы в другую. Объектом статьи является лексико-семантическая группа с формантом -ец, как один из продуктивных суффиксов в ходе образования слов в русском языке. Цель статьи – изучение словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом -ец при суффиксальной валентности. Новизна статьи объясняется выбором объекта исследования – лексико-семантические группы производных с суффиксом -ец, которые входят в группу перспективных направлений в области современного словообразования. Суффикс -ец проявляет высокую степень продуктивности в создании производных рассматриваемых лексико-семантических групп. Всякое производное в любом языке создаётся по определённой модели и является членом словообразовательного ряда. Изучение словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом -ец при суффиксальной валентности позволяет уяснить механизм сочетаемости суффиксов в русском языке.*

***Ключевые слова:** производные, апеллятивы, лексико-семантические группы, суффикс, формант, валентность.*

В лингвистике вопросы словотворчества всегда актуальны, так как язык постоянно пополняется новыми словами. Образование апеллятивов – это сложный устойчивый процесс. Некоторые производные создаются на базе уже имеющихся словообразовательных моделей. Словообразовательная модель – это структурная схема производных слов с указанием конкретных аффиксов. Настоящая статья посвящена изучению словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом -ец при суффиксальной валентности.

"Словарный состав любого языка находится в состоянии непрерывного развития, одной из закономерностей которого является пополнение лексики языка новыми словами" [3, с. 101]. Способы создания новых лексических единиц на материале уже существующих слов изучаются отдельной областью языкознания. Главная роль в построении новой лексической единицы отводится аффиксальным морфемам. Изучая процесс образования новых слов, необходимо предусмотреть выбор форманта. Н.С. Холодкова считает, и мы вполне с этим согласны, что "... выбор суффикса можно предусмотреть рядом правил, которые позволяют прогнозировать, какой именно суффикс следует использовать

при построении новой лексической единицы, а также при употреблении суффиксального имени существительного в речи" [7, с. 73]. «Суффикс – это словообразовательный элемент – часть слова, находящаяся между корнем и окончанием (флексией) и придающая определённое значение слову сравнительно с другими однокоренными словами» [6, с. 73]. В ходе образования нового слова суффикс продолжает находиться в структурной части слова в качестве его компонента, не выпадает из его состава. Образую новое слово, суффикс вводит его в определённую лексико-семантическую группу. "Словообразование – это процесс, механизм и результат образования вторичных (производных) слов, которые находятся между собой в типичных структурно-семантических связях", – пишет В.А. Горпинич [4, с. 63]. Для того, чтобы показать отношение между значениями производящей основы и значением создаваемого слова важно рассмотреть функцию суффикса. Важно учесть то, что суффикс доказывает, к какой лексико-семантической группе относится слово и как может объединиться по однородности или близости лексического значения, категорий. При помощи различных суффиксов могут быть образованы лексико-семантические группы слов. "Суффикс, являясь показателем лексического обобщения, может маркировать не только значения "предметность", "признак", "действие", но и более конкретные – "лицо", "живое существо" и т.д." [1, с. 13].

Суффикс *-ец* в результате сочетаемости с образующей основой образует производные, которые входят в лексико-семантическую группу **"конкретный предмет"; "живое существо"; "лицо"; "место"; "количество"; "абстрактное понятие"; "действие"**. Образующие основы в результате деления на морфы могут быть корневыми и в то же время характеризоваться наличием суффиксальных морфов (*суп – супец, хлеб – хлебец* и др.). Каждый суффикс в русском языке несёт определённую функциональную нагрузку, выступает как классификатор, относящий слово к той или иной лексико-семантической группе. Семантический объём, функциональная нагрузка каждого из суффиксов разные. Словообразовательный потенциал нами был исследован в рамках лексико-семантических групп. В русском языке функция суффикса связана с его использованием для того, чтобы показать отношение между значениями производящей основы и значением создаваемого слова. Образование слова строится по модели: *к-* + *-ец*, где *к-* – корень. Создавая новое слово, суффикс не только вводит его в определённую лексико-семантическую группу. Материалом для анализа словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом *-ец* при суффиксальной валентности послужил "Обратный словарь русского языка" (Советская энциклопедия, М., 1974), в котором собраны существительные на *-ец*, встречающиеся в следующих словарях русского языка: 1. "Словарь современного русского литературного языка" т.т. I-XVII, М.-Л., 1948-1964; 2. "Словарь русского языка" т.т. I-IV, М., 1957-1961; 3. С.И. Ожегов «Словарь русского языка» / под ред. Н.Ю. Шведовой.- М.: Русский язык, 1991.- 748с. 4. "Толковый словарь русского языка" / под ред. Д. Н. Ушакова, т.т. I-II М., 1935-1940.

Суффикс *-ец* в результате сочетаемости с образующей основой образует производные, которые входят в лексико-семантическую группу **"конкретный предмет"; "живое существо"; "лицо"; "место"; "количество"; "абстрактное понятие"; "действие"**. Формант *-ец* образует производные, обозначающие предметы по их назначению, материалу, качеству, а именно: **"название предметов хозяйственно-бытового назначения"**: *трезубец* "жезл, посох с тремя зубцами – атрибут бога морей в греческой и римской мифологии" (ССРЛЯ, т. XV: 874), *поставец* "в старину: род невысокого шкафа с полками для хранения посуды и других хозяйственных принадлежностей" (ССРЛЯ, т. X: 1522), *светец* "в старину: подставка для лучины, освещающей жильё, а также осветительный прибор из подставки и укрепленный в ней лучины" (ССРЛЯ, т. XIII: 330), *родословец* "родословная книга" (ССРЛЯ, т. XII: 1392), *тупец* "тупой нож или топор" (ССРЛЯ, т. XV: 1137); **"название видов пищи"**: *холодец* "то же, что студень" (ССРЛЯ, т. XVII: 340), *сырец* "не до конца выделанный или неочищенный продукт" (СРЯ, т. IV: 326), *липец* "липовый мёд" (ССРЛЯ, т. VI: 242), *смалец* "вытопленное внутреннее свиное сало" (ТСРЯ, 734), *сканец* "тонко раскатанная лепёшка в масле" (ТСРЯ, т. IV: 204); **"название напитков"**: *взварец* "напиток из пива, вина, мёда, сваренный с пряными кореньями" (ССРЛЯ, т. II: 285), *суровец* "квас, приготовленный из муки" (ССРЛЯ, т. XIV: 1212); **"название одежды, части одежды, головного убора"**: *чепец* "старинный женский головной убор в виде капора, обычно с завязками под подбородком" (ССРЛЯ, т. XVII: 845); **"название обуви, части обуви"**: *валенец* "то же, что валенок" (ССРЛЯ, т. II: 33); **"анатомические названия"**: *крестец* "кость из пяти сросшихся позвонков, примыкающих к костям таза" (ССРЛЯ, т. V: 1634), *соколец* "то же, что соколок (жила на передней ноге лошади, из которой ей пускают кровь при заболевании, а также вена, идущая к большому пальцу" (ТСРЯ, т. IV: 364), *сосец* "то же, что сосок" (ССРЛЯ, т. XIV: 351), *хвостец*,

"то же, что и копчик" (ССРЛЯ, т. XVII: 110), *палец* "одна из пяти подвижных конечных частей кисти руки, или ступни ноги у человека" (ССРЛЯ, т. IX: 55); **"название пород"**: *солонец*¹ "почва, содержащая значительное количество поглощённого натрия" (ССРЛЯ, т. XIV: 236), *серебрец* "старинное название платины" (ССРЛЯ, т. XIII: 689), *орлец* "камень тёмно-розового или красного цвета, красный кварц" (ССРЛЯ, т. XIII: 1032); **"название веществ"**: *пурганец* "рвотный порошок; слабительное" (ССРЛЯ, т. XI: 1693). Суффикс *-ец* со значением конкретного предмета редко употребляется в лексико-семантической группе **"название веществ"**, **"название одежды, части одежды, головного убора"**, **"название обуви, части обуви"**, **"название напитков"**; не употребляется в лексико-семантической группе **"часть конкретного предмета"**.

Суффикс *-ец* образует производные лексико-семантической группы **"живое существо"**, а именно: **"зооназвания"**: *сеноставец* "животное из отряда грызунов, ставящее к зиме у входа в нору стожки сена; пищуха" (ССРЛЯ, т. XIII: 650), *червец* "хоботное насекомое из отряда равнокрылых, питающееся соками растений" (ССРЛЯ, т. XVII: 848), *иноходец* "лошадь, бегающая иноходью" (ССРЛЯ, т. V: 369), *жеребец* "самец лошади, достигший половой зрелости" (ТСРЯ, 192), *рыбец* "промысловая рыба из семейства карповых, обладающая хорошими вкусовыми качествами" (ССРЛЯ, т. XII: 1606), *рябец* "то же, что и рябчик¹ (лесная птица семейства тетеревых с пёстрым оперением)" (ССРЛЯ, т. XII: 1651, 1657), *живец* "маленькая живая рыбка, насаживаемая на крючок для ловли крупной рыбы" (ТСРЯ, 193), *голец* "мелкая рыба из семейства карповых со слизистой кожей вместо чешуи" (ССРЛЯ, т. III: 210), *агнец* "устар. ягнёнок, барашек" (ССРЛЯ, т. I: 45), *птенец* "детёныш птицы" (ССРЛЯ, т. XI: 1636), *синец* "разновидность леща" (ССРЛЯ, т. XIII: 830), *ремнец* "летний червь, паразитирующий в теле рыб и водяных птиц" (ССРЛЯ, т. XII: 1213), *толкунец* "рой мошек" (ССРЛЯ, т. XV: 557), *скворец* "небольшая перелётная певчая птица из отряда воробьиных с коротким хвостом, прямым клювом и довольно большими крыльями" (ССРЛЯ, т. XIII: 923), *кольчец* "то же, что кольчатые черви, тип червей, всё тело которых разделено на кольцеобразные членики, сегменты" (ССРЛЯ, т. V: 1210); **"фитонимы"**: *красноголовец* "подосиновик" (СРЯ, т. I: 1500), *огурец* "овощное растение из семейства тыквенных с продолговато-зелёным съедобным плодом" (ТСРЯ, 445), *баранец* "растение, иначе называется скороспелка" (ССРЛЯ, т. I: 273), *звонец* "вредная сорная трава" (ССРЛЯ, т. IV: 1154), *воронец* "высокое лесное травянистое растение, с кистью мелких беловатых цветов из семейства лютиковых" (ССРЯ, т. II: 678), *типец* "то же, что *типчак* (многолетнее пастбищно-кормовое растение семейства злаков с узкими щитовидными серо-зелёными листьями и узкой метёлкой)" (ССРЛЯ, т. XV: 447, 455), *чабрец* "то же, что *чабер* (полукустарничек или кустарничек семейства губоцветных – травянистое растение, содержащее эфирные масла)" (ССРЛЯ, т. XVII: 736), *щербец* "обл. *чабрец*, семейство перечных, плоды которых имеют специфически острый вкус" (ССРЛЯ, т. IX: 997), *пестрец* "областное название гриба моховика" (ССРЛЯ, т. IX: 1092), *острец* "сорное многолетнее растение из семейства злаковых, употребляемое как корм" (ССРЛЯ, т. VIII: 1192), *шпорец* "полюй вырост у основания цветка некоторых растений, служащий вместилищем нектара" (СРЯ, т. IV: 729), *ржанец*¹ "спорынья" (ТСРЯ, т. III: 1358), *козелец* "название различных растений из семейства сложноцветных" (ССРЛЯ, т. V: 1115), *козлец* "название различных растений из семейства сложноцветных" (ССРЛЯ, т. V: 1115).

Одним из продуктивных суффиксов в образовании лексико-семантической группы **"лицо"** является суффикс *-ец*, который выступает в качестве продуктивного форманта для образования названий лиц по отношению к местности или национальной принадлежности. Производные с суффиксом *-ец* входят в лексико-семантическую группу **"лицо"**, а именно: **"качественно-оценочный признак"**: *глупец* "глупый человек; человек, совершивший глупый поступок или сказавший глупость" (ССРЛЯ, т. III: 152), *безумец* "человек, поступающий безрассудно" (ССРЛЯ, т. I: 364), *упрямец* "упрямый человек" (ССРЛЯ, т. XVI: 790), *стервец* "то же, что *стерва*² (подлый, отвратительный человек)" (ССРЛЯ, т. XIV: 851, 852), *храбрец* "храбрый человек" (ССРЛЯ, т. XVII: 432), *скупец* "скупой человек"; **"национальная принадлежность"**: *украинец* "народ, принадлежащий к группе восточных славян и составляющий основное население Украинской ССР; лица, принадлежащие к этому народу" (ССРЛЯ, т. XVI: 485, 486), *эстонец* "народ финно-угорской группы, составляющий основное население Эстонской ССР" (ССРЛЯ, т. XVII: 1927), *азербайджанец* "основная народность Азербайджанской ССР, тюрки" (ССРЛЯ, т. I: 64) и др.; наименования по отношению **"принадлежность к общественным и идейным течениям, партиям, учреждениям"**: *комсомолец* "член коммунистического союза молодежи" (ССРЛЯ, т. V: 1269), *нахимовец* "воспитанник нахимовского училища" (ССРЛЯ, т. VII: 623), *мичуринец* "последователь передовых и научных методов биологии и ведения сельского

хозяйства, обоснованных И.В. Мичуриным" (ССРЛЯ, т. VI: 1067) и др. Следует выделить лексико-семантическую группу **"принадлежность к месту жительства"**: *скандинавец* "группа народов (шведы, норвежцы, датчане и исландцы), населяющих скандинавский полуостров и ближайшие к нему острова и принадлежащих к этой группе народов" (ССРЛЯ, т. XIII: 894, 895), *канадец* "жители Канады, потомки переселенцев из Европы и США" (ССРЛЯ, т. V: 743), *зеландец* "основное население Зеландии" (ССРЛЯ, т. IV: 1184), *голландец* "основная народность Голландии" (ССРЛЯ, т. III: 211), *лапландец* "часть народа саами, живущая на Лапландском полуострове" (ССРЛЯ, т. VI: 62) и др. По мнению А.М. Бабкина и Е.А. Левашова: "Главным производящим суффиксом в названиях лиц по местности в русском языке был и остаётся суффикс *-ец* с его вариантами (*-овец, -инец, -нец* и др.)" [5, с. 7]. По данным "Словаря названий жителей СССР" нами выявлены производные на *-ец* со значением **"принадлежность к месту жительства"**; **"возрастная принадлежность"**: *старец* "старик (с оттенком почтительности, уважения)" (ССРЛЯ, т. XIV: 743), *юнец* "юноша, мальчик" (ТСРЯ, 915), *малец* "мальчик – подросток, парень" (ССРЛЯ, т. VI: 528), *хлопец* "юноша, парень (обычно в речи украинца или об украинце)" (ССРЛЯ, т. XVII: 205), *молодец* "молодой человек, удалец" (ССРЛЯ, т. VI: 1180); **"принадлежность к профессии"**: *отопленец* "специалист по устройству и обслуживанию отопления" (СРЯ, т. II: 697), *канатоходец* "артист в цирке, выполняющий упражнения на натянутом в воздухе канате" (ССРЛЯ, т. V: 746), *кузнец* "мастер по ручной ковке" (ССРЛЯ, т. V: 1796), *правоведец* "то же, что правовед (специалист по правоведению)" (ССРЛЯ, т. XI: 30), *продавец* "лицо, продающее кого -, что-либо" (ССРЛЯ, т. XI: 1023), *швец* "то же, что портной" (ТСРЯ, 893), *живописец* "художник, пишущий картины" (ССРЛЯ, т. IV: 116); **"принадлежность по роду занятий"**: *песнотворец* "создатель, сочинитель песен" (ССРЛЯ, т. IX: 1080), *краснорядец* "тот, кто торгует в красном ряду красным товаром" (ССРЛЯ, т. V: 1594), *чтец*¹ "тот, кто читает что-нибудь написанное, изданное" (ССРЛЯ, т. XVII: 1112), *хлебопашец* "тот, кто занимается хлебопашеством; земледelec" (ССРЛЯ, т. XVII: 183), *землепашец* "то же, что крестьянин; земледelec" (ССРЛЯ, т. IV: 1198); **"родственная принадлежность"**: *чужеродец*¹ "человек из чужого рода; не родственник" (ССРЛЯ, т. XVII: 1187); **"имущественная принадлежность"**: *своеземец* "мелкий земельный собственник на Руси в XI-XVI в.в. (ССРЛЯ, т. XIII: 427), *однодворец* "лицо из числа низшего разряда служилых людей в Московской Руси, владевших небольшим земельным участком на правах служилого поместья и впоследствии фактически приравненных к крестьянам" (ССРЛЯ, т. VIII: 689). Как утверждает В.В. Виноградов: "В современном языке продуктивны лишь образования на *-ец* (от основ существительных) со значением лица, характеризуемого отношением к какому-нибудь предмету" [2, с. 91]. Учёный писал: "В XIX веке происходило интенсивное образование имён лиц от основ русских фамилий общественных деятелей, основоположников философских и эстетических направлений, лиц, возглавляющих революционное движение, писателей, литературных героев и т. д." [2, с. 92]. Для современного языка характерно очень широкое и свободное образование имен лиц на *-ец* со значением **«качественно-оценочного признака»**, **«национальной принадлежности»**, **«принадлежности к месту жительства»**, **«принадлежности по роду занятий»**, **«принадлежности к общественным и идейным течениям, партиям, учреждениям»**. Суффикс *-ец* со значением лица редко употребляется в лексико-семантической группе **«родственная принадлежность»**, **«имущественная принадлежность»**, **«возрастная принадлежность»**, **«принадлежность к профессии»**. Мы попытались рассмотреть производные лексико-семантической группы **«место»**, а именно: **«название помещений»**: *дворец* «здание, отличающееся своим великолепием, назначением для жилища царствующей особы, главы государства, знатных, богатых людей» (ССРЛЯ, т. III: 598); **«топонимические термины»**: *останец* «обособленно стоящая возвышенность, представляющая собой уцелевшие от разрушения остатки более обширной территории» (ССРЛЯ, т. VIII: 1174), *студенец* «ключ, родник» (ССРЛЯ, т. XIV: 1096); **«названия со значением местоположения»**: *семяносец* «место возникновения семяпочки в завязке» (ССРЛЯ, т. XIII: 642), *колодец* «укреплённая срубом узкая и глубокая яма для получения воды из водоносного слоя» (ТСРЯ, 284), *путьец* «отверстие для вливания чугуна в форму при отливке, литник» (ССРЛЯ, т. XI: 1748), *крестец* «несколько сросшихся позвонков – место соединения костей таза с позвоночником» (ТСРЯ, 306).

Производные с суффиксом *-ец* относятся к лексико-семантической группе **«абстрактное понятие»**, а именно: **«название болезней, состояние человека»**: *гнилец* «гнилостное заражение или загнивание медового сота» (ССРЛЯ, т. III: 181), *нутрец* «болезнь половых органов у самцов животных, приводящая к бесплодию» (ССРЛЯ, т. VII: 1454), *родимец* «болезненный припадок у маленьких детей» (ССРЛЯ, т. XII: 1376), *мокрец* «мокрый лишай на конечности крупных домашних животных»

(ССРЛЯ, т. VI: 159); «**название цвета**»: *багрец* «то же, что багрянец (красный, багряный цвет) (ССРЛЯ, т. I: 239), *румянец* «розовая или красная окраска щёк, свидетельствующая обычно о здоровье, краснота от прилива крови к лицу» (ССРЛЯ, т. XII: 1567), *багрянец* «красный, багряный цвет» (ССРЛЯ, т. I: 239). Суффикс *-ец* со значением абстрактного понятия не употребляется в лексико-семантической группе «**название погодных и атмосферных явлений**», «**название отрезков времени**».

Производные с суффиксом *-ец* относятся к лексико-семантической группе "действие", а именно "**название действия как отдельного акта**": *развалец* "покачивание из сторону в сторону, перевалка при ходьбе" (ССРЛЯ, т. XII: 148); "**название результатов действия как отдельного акта**": *глянец* "блеск, лоск, блестящая поверхность ткани, кожи и др." (ССРЛЯ, т. III: 1053), *рубец*¹ "след на коже от зажившей раны" (ССРЛЯ, т. XII: 165), *распевец* "церковная песнь у последователей хлыстовства" (ССРЛЯ, т. XII: 677), *торец* "поперечный срез, сечение древесины перпендикулярное круговым её слоям" (ССРЛЯ, т. XV: 666). Лексико-семантическая группа «**количество**» представлена одним примером: *одинец* «о ком-, чём-либо, не имеющем себе подобных, единственном» (ССРЛЯ, т. VIII: 675). В результате суффиксальной валентности основным значением транспозиционного суффикса *-ец* является значение процессуальности. Производные с транспозиционным суффиксом *-ец* обозначают действия, не имеющие предела: *развалец*, *ударец*, *ознобец*, *угарец*, *разговорец*, *уговорец*, *раскатеци* т.д. Анализ семантической нагрузки суффикса *-ец* позволил нам выявить лексико-семантические группы производных.

Таким образом, приведённые примеры дают достаточные основания утверждать, что в зависимости от того, к какому морфу принадлежит финаль: корневному или суффиксальному, на уровне морфотактики различается корневая и суффиксальная валентность форманта *-ец*. При суффиксальной валентности слова образуются по модели *к-+-ец*. В ходе изучения словообразовательного потенциала лексико-семантических групп производных с суффиксом *-ец* при суффиксальной валентности были выявлены наиболее продуктивные лексико-семантические группы: «**лицо**», «**живое существо**», реже – «**конкретный предмет**», «**место**».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина, Т.И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования / Т.И. Вендина. – М.: Наука, 1990. – 163 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 639 с.
3. Гируцкий, А.А. Введение в языкознание. 2-е изд., стер. / А.А. Гируцкий. – Минск: Тетра Системс, 2003. – 288 с.
4. Горпинич, В.А. Морфотактика и морфонемика. Актуальные проблемы русского словообразования / В.А. Горпинич. – Самарканд, 1972. – С. 57.
5. Словарь названий жителей СССР / под ред. А.М. Бабкина, Е.А. Левашова. – М.: Русский язык, 1975. – 616 с.
6. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. – 960 с.
7. Холодкова, Н.С. О диминутивном суффиксе во французских существительных / Н.С. Холодкова // Филологические науки. – 1999. – № 6 – С. 73.

Материал поступил в редакцию 08.02.21

ON THE QUESTION OF WORD-FORMING POTENTIAL LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF DERIVATIVES WITH THE SUFFIX -EI WITH SUFFIX VALENCE

A.A. Bayakhmetova¹, O.V. Koval²

¹ Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Language Training Center,

² Master of Humanities, Senior Lecturer at the Department of Theory of Languages and Literature
A. Baitursynov Kostanay State University, Kazakhstan

Abstract. *Much attention is paid to the formation of derivatives. The language is in constant development. The formation of derivatives is characterized by the fact that some words appear, others from one lexico-semantic group pass into another lexico-semantic group. The problem of studying the word-formation potential of lexico-semantic groups of derivatives with the suffix -eu with suffix valence is relevant. In modern linguistics, the concept of valence acquires a certain specificity. When studying the compatibility of derivatives on -eu, lexico-semantic groups, the transition from one lexico-semantic group to another are described. The relevance of the article is determined by the object of this article and the study of the word-formation potential of appellatives with the suffix -eu and the conditioned transitions from one lexical-semantic group to another. The object of the article is a lexical-semantic group with the formant -eu, as one of the productive suffixes in the course of word formation in the Russian language. The purpose of the article is to study the word-formation potential of lexical-semantic groups of derivatives with the suffix -eu with suffix valence. The novelty of the article is explained by the choice of the object of research-lexical and semantic groups of derivatives with the suffix -eu, which are included in the group of promising directions in the field of modern word formation. The suffix -eu shows a high degree of productivity in creating derivatives of the lexical and semantic groups under consideration. Every derivative in any language is created according to a certain model and is a member of the word-formation series. The study of the word-formation potential of lexical-semantic groups of derivatives with the suffix -eu with suffix valence allows us to understand the mechanism of the compatibility of suffixes in the Russian language.*

Keywords: *derivatives, appellatives, lexico-semantic groups, suffix, formant, valence.*

УДК 378.147.227

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦОР В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

А.А. Гиматдинова¹, Р.А. Фахрутдинова²

¹ магистрант 2 курса, ² доктор педагогических наук, профессор
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия

Аннотация. Развитие современного общества выдвигает новые требования к подготовке будущих специалистов. Конкурентоспособность ВУЗа на рынке образования соотносится с необходимостью проектирования развитой цифровой образовательной среды. Проблема объекта исследования: особенности педагогического проектирования ЦОР и последующего его внедрения в образовательный процесс в ВУЗе. Цель исследования: определить основные этапы разработки ЦОР и внедрить его в образовательное пространство ВУЗа. Выводы и рекомендации: нами был разработан ЦОР на платформе LMS Moodle в системе электронного обучения К(П)ФУ для направления подготовки «Журналистика» для студентов бакалавров 1, 2 курсов ИСФНиМК К(П)ФУ. Данный ЦОР был внедрен в образовательный процесс и может в последующем быть использован для обучения студентов данного направления подготовки.

Ключевые слова: цифровизация образования, цифровой образовательный ресурс, платформа LMS Moodle, иностранный язык, журналистика.

Цифровое образование современного ВУЗа – это обновление результатов обучения, его методов и содержания [4]. ЦОР нацелен на повышение качества традиционного образовательного процесса [2], а также выступает в качестве инструмента, который способствуют формированию профессиональных компетенций выпускников [1].

При изучении иностранного (английского) языка использование ЦОР позволяет многократно повысить качество и объем полученных знаний, то есть эффективность обучения [6].

Профессия журналиста связана с реализацией коммуникативной компетенции, для более успешного формирования которой необходимо использовать в процессе обучения потенциал ЦОР.

На сайте К(П)ФУ представлен регламент разработки ЦОР в системе электронного обучения университета [3]. В соответствии с ним на платформе Moodle в системе электронного обучения университета нами был разработан ЦОР 1 категории по дисциплине «Иностранный язык» для студентов-бакалавров 1, 2 курса очной формы обучения направления «Журналистика» со следующими стандартными компонентами: метаданные, тематический план дисциплины, промовидео, элементы наполнения каждой из тем, а также промежуточный и итоговый контрольные блоки. ЦОР был разработан на основании УМК Cambridge English for the Media [7].

Для каждой темы ЦОР были разработаны следующие компоненты:

- теоретический материал в виде презентаций;
- интерактивные элементы контроля знаний для практических занятий или для самостоятельной работы обучающихся;
- интерактивные элементы контроля знаний (тесты);
- информационное обеспечение по теме;
- форум.

Студенты знакомятся с такими сферами медиа, как газеты, телевидение, киноиндустрия, маркетинг и радио и др. Представленные в УМК разнообразные аутентичные материалы помогают студентам разобраться в особенностях написания газетных статей, блогов и т.д.

На основании данного УМК сформулированы следующие разделы дисциплины для самостоятельной работы обучающихся:

Тема 1. What is journalism?

Тема 2. Newspapers and the writing process

Тема 3. Radio broadcast

- Тема 4. Magazine journalism
- Тема 5. TV journalism
- Тема 6. Film
- Тема 7. Journalism in the digital age
- Тема 8. Talking about advertising
- Тема 9. Marketing

Каждая из представленных тем содержит подтемы. К примеру, тема 2 включает в себя вопросы (Рисунок 1).

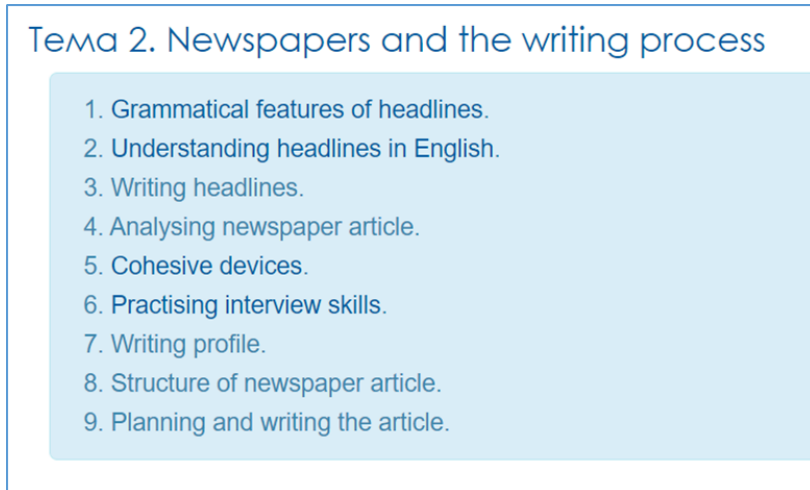

Рисунок 1. Перечень вопросов, рассматриваемых в теме “Newspapers and the writing process”

Теоретический материал для подтемы “Grammatical features of headlines” представлен в ЦОР в виде презентации (Рисунок 2).

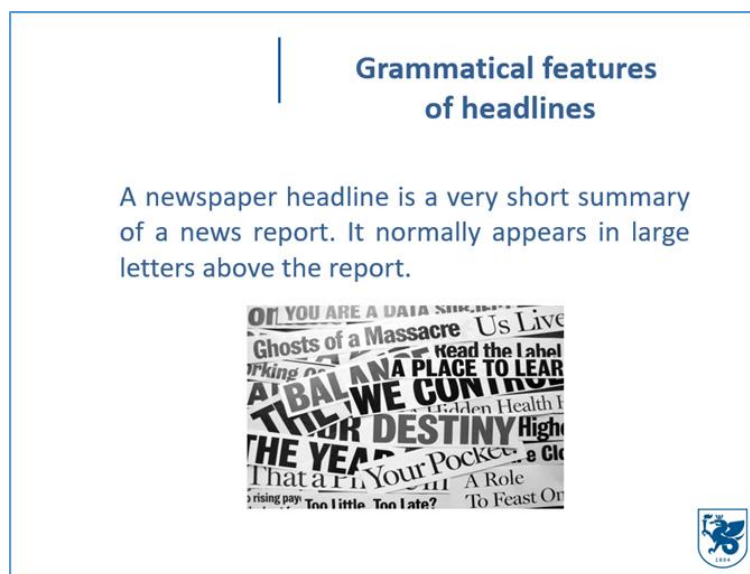

Рисунок 2. Пример оформления теоретического материала “Grammatical features of headlines”

Интерактивные элементы контроля знаний в виде материалов для практических занятий представлены на рисунке 3.

Задание 2.1.

a) Look at the following sentences and turn them into headlines

1. A very rare breed of bird has returned to the United Kingdom after more than 400 years.
2. A drunk driver caused an accident on route 95, which resulted in two people being killed.
3. The Australian Prime Minister is going to open a new hospital in Melbourne.

b) Write your own five headlines

c) What are these stories about?

d) What are the grammar and punctuation features of these headlines?

Рисунок 3. Пример оформления задания для практического занятия к теме “Grammatical features of headlines”

Тест по теме “Newspapers and the writing process” представлен вопросами на множественный выбор (Рисунок 4).

Put the steps for *writing a newspaper article* into a logical order

Research the story	Выберите... ▾
Conclude	Выберите... ▾
Brainstorm the topic (write down ideas connected to the article)	Выберите... ▾
Check your article for mistakes	Выберите... ▾
Plan (organise and paragraph your ideas)	Выберите... ▾
Write the main body of the article	Выберите... ▾
Write the introduction	Выберите... ▾

Рисунок 4. Пример оформления тестовых заданий по теме “Newspapers and the writing process”

Таким образом, весь представленный в ЦОР материал структурирован, что значительно облегчает студентам процесс его усвоения. Обучающиеся, последовательно осваивая все модули ЦОР, формируют, установленную программой дисциплины, коммуникативную компетенцию.

Данный ЦОР был успешно внедрен в образовательный процесс К(П)ФУ и может в последующем быть использован для обучения студентов направления подготовки «Журналистика».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьева, Ю.В. Электронные образовательные ресурсы в учебном процессе вуза: учебно-методическое пособие / Ю.В. Дементьева. – Гжель: ГГУ, 2017. – 126 с.
2. Лоцицкий, В.Л. Моделирование электронных образовательных ресурсов по истории: дидактическое обоснование структуры и содержательного наполнения / В.Л. Лоцицкий. – Минск: РИВШ, 2015.
3. Регламент разработки, регистрации и подготовки к внедрению в образовательный процесс цифровых образовательных ресурсов, онлайн- курсов в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» // URL: <https://kpfu.ru/open/dokumenty>
4. Сидоров Г. Цифровой университет: применение цифровых технологий в современных образовательных учреждениях / Г. Сидоров. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=192831>
5. ЦОР по дисциплине «Иностранный язык» // URL: <https://edu.kpfu.ru/course/view.php?id=4457>
6. Чаброва А.И. Использование ИКТ на уроках английского языка как средство интенсификации образовательного процесса / А.И. Чаброва // Инновационные педагогические технологии: материалы III Междунар. науч. конф. – Казань: Бук, 2015. – С. 183–187. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/183/8830>
7. Ceramella, N. Cambridge English for media / N. Ceramella, E. Lee. – Cambridge University Press. – 2008.

Материал поступил в редакцию 28.02.21

PEDAGOGICAL DESIGN OF THE DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

A.A. Gimatdinova¹, R.A. Fakhrutdinova²

¹ 2nd Year Master's Degree Student, ² Doctor of Pedagogical Sciences, Full Professor
Institute of Philology and Intercultural Communication
Kazan (Volga region) Federal University, Russia

Abstract. *The development of modern society puts forward new requirements for the training of future specialists. The competitiveness of the university in the education market correlates with the need to design a developed digital educational environment. The problem of the object of research: features of the pedagogical design of the Digital Educational Resources and its subsequent implementation in the educational process at the university. The purpose of the study: to determine the main stages of the development of the Digital Educational Resources and to implement it in the educational space of the university. Conclusions and recommendations: we have developed a Digital Educational Resources on the LMS Moodle platform in the e-learning system K(V)FU for the direction of training "Journalism" for bachelor students of the 1st and 2nd courses of Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications K(V)FU. This Digital Educational Resources has been implemented in the educational process and can later be used to train students in this field of training.*

Keywords: *digitalization of education, digital educational resource, LMS Moodle platform, foreign language, journalism.*

УДК 811.581

ВЫЯВЛЕНИЕ ИСКОННЫХ И ПРИОБРЕТЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ИЕРОГЛИФОВ 念, 讀, 看 (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А.А. Каримов,

кафедра китайского языка и литературы

Ташкентский государственный университет востоковедения, Узбекистан

Аннотация. Вопросы изучения иероглифики одинаково актуально, как для китайского, так и для японского языков. Основная проблема иероглифики состоит в том, что каждый иероглиф имеет определенное значение. Поскольку история развития иероглифического письма насчитывает не одно тысячелетие, то и значение у иероглифов приобрело исконное и приобретенное. Один из способов выявления исконных и приобретенных значений является сравнительное изучение иероглифов китайского и японского языков. Известно, что японский язык, перенявший иероглифическое письмо в древние времена практически сохранило её исконное значение. Поэтому сравнительное изучение двух языков, может дать хорошие результаты по выявлению исконных и приобретенных значений китайских иероглифов. В качестве исследуемого материала были выбраны три иероглифа 念, 讀, 看, которые могут передавать значение “читать”. Для достоверности и объективности выводов, мы провели анкетирование как среди специалистов китайского языка, так и среди японистов. Активно использовали китайские и японские словари иероглифов. Результаты сопоставления значений иероглифов показали, что из трех иероглифов только у иероглифа 讀 (讀) значение «читать» является исконным, а для остальных оно оказалось приобретенным. Учитывая то, что современный китайский язык стремится быть двухсложным, мы рассмотрели двухсложные слова, образованные от исследуемых иероглифов и передающих значение «читать». Результаты анализа подтвердили наши выводы. Двухсложные слова, образованные от иероглифов 念 *nian*, 讀 *du*, 看 *kan* и передающие значение «читать» в основном образованы при участии иероглифа 讀 (讀) *du*.

Ключевые слова: иероглифика, китайский и японский языки, значение иероглифов 念 *nian*, 讀 *du*, 看 *kan*, исконное и приобретенное значение, “читать”, синонимичный ряд, двухсложное слово, основное значение, оттенки значения, доминанта.

Введение. Лексические единицы любого языка с развитием общества могут приобретать дополнительные значения или утрачивать исконные и оставлять за собой приобретенные значения. Есть такие языки, которые опираются полностью или частично на иероглифическое письмо. Таковыми являются китайский и японский языки. Известно, что каждый иероглиф имеет свое значение, поэтому занимает особое место в словарном запасе языка. Структурно они совпадают со слогом, морфемой и простым словом. Поэтому значение иероглифов приобретает особую роль в синонимическом ряду как односложных, так и многосложных слов.

Цель и задачи статьи. Выявление исконных и приобретенных значений иероглифов может помочь нам уместно использовать их в письменном языке. Для этого мы выбрали три иероглифа 念, 讀 (讀), 看, которые могут передавать одно значение *читать*.

Метод исследования: Для подтверждения исконных значений мы решили провести сравнительный анализ иероглифов в японском и китайском языках. Потому что особенностью иероглифов, употребляемых в японском языке, состоит в том, что они в большинстве случаев сохранили свое изначальный смысл. В отличие от китайского языка, в котором тот или иной иероглиф со временем приобретает дополнительное значение, а в некоторых случаях и вовсе теряет первоначальное значение, оставляя за собой приобретенное значение. Поэтому сравнительное изучение употребления иероглифов в китайском и японском языках, может указать не только на исконное и приобретенное значения иероглифов, но и на правильный перевод или уместное их употребление.

Основная часть. Рассмотрим наиболее часто употребляемые три иероглифа 念, 讀 (讀), 看. В современном китайском языке все три иероглифа могут передавать значение *читать*. Однако

не всегда они совпадают в употреблении, иначе говоря, не всегда могут, заменят друг друга. Отсюда и неправильный перевод или употребление их на практике.

В китайском языке все три иероглифа практически можно употребить в одном предложении, например,

他喜欢念书. *Ему нравится читать (вслух) книгу (учиться).*

他喜欢读书. *Ему нравится читать (вслух) книгу (учиться).*

他喜欢看书. *Ему нравится читать книгу.*

Употребить мы можем, но при переводе следует быть осторожным. Так как контекст может повлиять на смысл предложения. На первый взгляд может показаться, что употребление иероглифов 念 и 读 практически одинаково. Но если мы обратим внимание на перевод данный нами, то можно увидеть, что 念 переведен как *читать вслух*. На практике мы очень часто слово *вслух* опускаем, но всегда подразумеваем. Надо признать, что иероглиф 读 наряду со значением *читать (в целом)*, тоже передаёт значение *читать вслух*. Кроме этого оба иероглифа могут переводиться, как *учиться (где-либо)*. Складывается впечатление, что 念 и 读 взаимозаменяемы. Но есть случаи, когда это версия не подтверждается. Приведем пример, когда они не могут заменить друг друга:

我现在还不能读“人民日报”. *Я сейчас ещё не могу читать “Женьминь жибао”.* Нельзя сказать по китайски: 我现在还不能念“人民日报”.¹

Иероглиф 看 больше имеет значение *читать в целом* или *читать просматривая*. Получается применение трех слов в одинаковом предложении в значении *читать*, не означает их полного или абсолютного совпадения. Для того, чтобы понять причину, ниже мы проведем сравнение этих иероглифов в японском языке. Чтобы выяснить исконные и приобретенные значения этих иероглифов.

1. Обратимся к употреблению этих иероглифов в японском языке. Известно, что японский язык в течении многих столетий в письме использует китайские иероглифы, большинство из них не только сохранили исконные значения, но и чтение. Но в нашу задачу входит лишь выявление исконных значений иероглифов. Вопрос, связанный с их чтением мы не берем, оно требует отдельного рассмотрения.

В словаре иероглифов японского языка иероглифу 念 нэн даются следующие значения: 1) *мысль; сознание; чувство*; 2) *внимание*; 3) *желание*. Нэндзурю – *иметь в мыслях; молиться про себя (не вслух)* [1]. Что интересно в японском языке этот иероглиф не имеет напрямую значение *читать*. Есть лишь намёк в слове нэндзурю на *чтение молитвы мысленно*.

В китайских словарях иероглифом 念 передают два слова с одинаковым чтением (nian четвёртым тоном) к первому приписывают следующие значения: 1) *скупать по кому-чему; все мысли были заняты одним*. Второе слово имеет следующие значения: 1) *читать (вслух)*; 2) *учиться* [2]. Надо признать, что, хотя словари и дают первым значением *скупать* и *в мыслях*, но с этим значением иероглиф 念 редко встречается в современном китайском языке в отдельности, только в составе других слов.

Здесь надо отметить, что мы провели анонимное анкетирование среди профессиональных преподавателей китайского языка, относительно употребления и значения выше перечисленных трех иероглифов. Что касается 念, то лишь один преподаватель упомянул значение *скупать по дому (по семье)*. Это указывает на то что, во-первых, в современном китайском языке слова и их значение склонны к трансформации и подстраиваются под социальные нужды носителей языка. Во-вторых, в односложном варианте, то есть сам, в отдельности иероглиф 念 уже практически в значении *скупать* не используется, а только в сочетаниях образуя сложные слова, например, 想念 *xiangnian скупать*, 眷念 *juannian вспоминать с нежностью*. Кстати преподаватель упомянувший значение *скупать* привел двухсложное слово (想念), в котором иероглиф 念 является лишь компонентом двухсложного слова. В-третьих, есть и субъективный фактор, связанный с преподавателями. Поскольку они связаны с учебной работой, то значение *читать вслух* и *учиться* для них актуальнее, чем значение *скупать*.

Японский язык более консервативен и старается сохранять исконные значения китайских иероглифов. Поэтому в японских словарях, да и в употреблении, иероглифы максимально сохраняют своё исконное значение, как и в случаи с иероглифом 念. Для подтверждения мы попросили ведущих специалистов японского языка перевести нам следующие словосочетания:

читать книгу, читать вслух текст, читать газету. Оба специалиста при переводе фраз не употребили иероглиф 念. Из выше изложенного понятно, что значение *читать* для иероглифа 念 может считаться приобретенным, а не исконным.

2. Перейдем к следующему иероглифу 讀 (読) японское чтение ДОКУ. В словаре японского языка отмечен значением *читать (вслух)* и *чтение (книг)*. В сочетаниях может иметь следующие значения: ёмиагэру 1) *прочитать вслух*, 2) *прочитать до конца*; ёмикири 1) *законченный* (о литературном произведении); 2) *пунктуация* [1].

Наши специалисты японского языка при переводе *читать книгу*, *читать вслух текст*, *читать газету* во всех трех случаях употребили иероглиф (讀) 読, приведем перевод:

本を読む – *читать книгу*

音読 – *читать вслух текст*

新聞を読む – *читать газету*

Надо отметить, что перевод двух фраз 本を読む – *читать книгу*, 新聞を読む – *читать газету* специалисты перевели одинаково. В третьем же есть незначительная разница, во фразе *читать вслух текст*, которая не может повлиять на исход наших заключений:

新聞を読む (*shinbun wo yomu*) *читать газету*

本を読む (*hon wo yomu*) *читать книгу*

テキストを読み上げる (*tekisuto wo yomiageru*) *читать вслух текст*.

В китайских словарях иероглиф 读 (讀) du тоже имеет значение: 1. *читать вслух*; 2. *читать что-то*; 3. *учиться, заниматься* [2].

Как видим значения иероглифа 讀 (读) почти полностью совпадают в японском и китайском языках. Разница лишь в том, что иероглиф в японском языке сохраняя в словарном запасе полное начертание 讀, все же использует сокращенный вариант (разнопись) 読. Который несколько отличается от сокращенного варианта в китайском языке 读. Что касается результатов анкетирования относительно иероглифа 读, то 50 % преподавателей отметили, что иероглиф употребляется в значении *читать вслух*. 35 % в значении просто *читать* и в значении *учиться (где-либо)*. А остальные указали на то, что вместе со значением *читать* и *учиться* в последнее время в интернет сайтах иероглиф 读 чаще употребляется как эквивалент иероглифу 看. Надо признать, что все преподаватели признают за иероглифом 读 значение *читать* – как основное значение. Именно так и употребляется иероглиф 读. В этом можно и не сомневаться. Примеры, которые приводят преподаватели, довольно часто употребляемые как в письменной, так и в разговорной речи. Поэтому можно смело сказать, что значение иероглифа 读 *читать* является его исконным и основным значением.

3. Третий синонимичный иероглиф 看 в японском языке имеет чтение КАН, в словарях он встречается со значением *присматривать*. В сочетаниях может передавать значение *видеть* [1]. Для специалистов японского языка, мы специально предложили для перевода фразу *читать газету*, поскольку 看 в китайском языке в значении *читать*, чаще встречается именно в этой фразе:

新聞を読む (*shinbun wo yomu*) *читать газету*

но в японском языке 看 такую нагрузку не несет.

В китайских словарях иероглиф 看 значиться под двумя чтениями kan в первом тоне и в четвёртом тоне. Здесь следует заметить, что в китайском языке изменение тона в слого семантически значимо. Если один и тот же слог имеет разные тона, то следует считать, что это разные слова, которые записываются одним иероглифом. Таким образом, 看 kan в первом тоне имеет следующие значения: 1. *надзирать, наблюдать*, например, 看仓库 kan cangku *сторожить склад*; 看果园 kan guoyuan *караулить фруктовый сад*; 病人得有人看着 bingren dei you ren kanzhe *за больным нужен уход*; 2. *взять под стражу*, например: 把犯人看起来 ba fanren kanqilai *взять преступника под стражу* [2].

看 kan в четвёртом тоне имеет значение: 1. *смотреть*, например, 看电影 kan dianying *смотреть кинофильм*; 2. *читать* 看书 kanshu *читать книгу*, просматривать 他正在看公文 ta zhengzai kan gongwen *Он сейчас просматривает бумаги*. 3. *смотреть, наблюдать*. 看问题要全面 kan wenti yao quanmian *на дело надо смотреть в целом*. 看国际形势的发展 kan guoji xingshide fazhan *следить (наблюдать) за развитием международной обстановки*. 4. *смотреть на кого-чего, считать кого-чего*. 这件事你看怎样? Ну как вы на это смотрите. 我看有必要声明以下. *Я считаю нужным заявить*. 5. *навещать, проведывать*. 看朋友. *навещать друга*. 看病人 навещать (проведывать) больного. 6. *относиться к кому-чему*. 另眼相看 по новому *смотреть (взглянуть) на человека*. 7. *лечить, обращаться к врачу*. 看病人. *лечить (осматривать) больного*. 你该去看大夫. *вам надо*

обратиться к врачу. 8. *смотреть за кем-чем, ухаживать за кем-чем*. 9. выражает значение попробовать. 你想想看. *подумайте-ка*. 10. *смотри (осторожно)*. 看别弄坏了! *смотри, не сломай!* [2].

Как видим в китайском языке иероглиф 看 имеет около десяти значений. Однако все они являются производными от основного значения иероглифа *смотреть* и даже значение *читать*, больше имеет значение *читать просматривая*. Например, *читать (просматривать) газету* 看报.

Следует сказать, что анкетированные, почти все первым значением поставили *смотреть*, а потом *читать*. И лишь один преподаватель на первое место поставил значение *читать*, при этом в скобках отметил *читать без звука (про себя)*.

Поскольку первое чтение иероглифа 看 kan в первом тоне в своем значении очень близок со значением этого иероглифа в японском языке, то можно предположить, что оно более древнее, чем второе чтение иероглифа в четвертом тоне. Однако чтение в четвертом тоне настолько часто употребляем, что первое чтение этого иероглифа осталось в ряду пассивной лексики, употребление которого встречается довольно редко.

我去医院看他的时候，他正在床上躺着看书呢。²

Когда я пришёл в больницу проведать его, то он в это время, лёжа на кровати, читал книгу.

Сравнение с японским языком и приведенные примеры – это явное подтверждение того, что значение иероглифа 看 *читать* не является исконным, а представляет собой приобретенное значение.

4. Возникает вопрос, слова, образованные при участии этих иероглифов 念, 读, 看, могут передавать значение *читать*? Приведем несколько примеров:

念叨 niandao *бормотать, читать нараспев, постоянно говорить*.

念经 nianjing *читать (или петь) молитву*.

Чтение молитвы это особое состояние человека, когда состояние простого чтения не может быть синонимичным ей. Видимо поэтому был выбран иероглиф с ключом 心 сердце, поскольку оно передает особое душевное состояние и действие человека.

读解 dujie – *читать и понимать*

读书 dushu – *читать (книгу), учиться*

读错 ducuo – *читать неправильно*

复读 fudu – *перечитывать, повторять*

朗读 langdu – *читать, читать вслух*

诵读 songdu – *читать вслух*

阅读 yuedu – *читать, чтение*

拜读 baidu – *читать, зачитывать (вежливая форма)*

宣读 xuandu – *зачитывать, огласить*

熟读 shudu – *читать и перечитывать (что-то до тех пока не выучить)*

Приведенные выше примеры показывают, что и в двухсложных словах, образованных при участии слова – иероглифа 读 значение *читать* намного больше и ярко передают различные оттенки действия *читать*. Это подтверждает, что иероглиф 读 несомненно является доминантом в образованиях и синонимическом ряду слов со значением *читать*.

看错 kancuo – *прочитать неправильно*

看懂 kandong – *понимать прочитанное или увиденное*

看完 kanwan – *дочитать, досмотреть*

看书 kanshu – *читать (книгу)*

Двухсложные слова, образованные при участии слова – иероглифа 看, для которого значение *читать* является приобретенным, могут употребляться в современном китайском языке, но оттенки, передаваемые им, не так широки как в случае с двухсложными словами, образованных иероглифом 读. Видимо поэтому изучающие китайский язык на вопрос какие слова вы знаете со значением *читать* на ряду с 读 указывают слово 看 и производные от него.

Выводы. В результате сравнительного анализа иероглифов 念, 讀 (读), 看 в китайском и японском языках можно прийти к следующим выводам:

- что все три иероглифа 念, 讀 (读), 看 в современном китайском языке могут употребляться, в значении *читать*. Однако в японском языке лишь только один иероглиф 讀 (読) может выражать значение *читать*.
- значение *читать* для иероглифов 念, 看 в китайском языке является приобретенным, чем их исконные значения, которые сохраняются до сих пор в японском языке.
- исконные значения иероглифов полностью не исчезают. Они переходят в пассивную лексику или служат материалом для образования новых сложных слов, близких с их исконным значением.
- исконные значения иероглифов почти полностью совпадают в двух языках, кроме приобретенных значений.
- основное значение иероглифа 看 (kan в четвертом тоне) в китайском языке, все же *смотреть*, а значение *читать*, можно считать производным от основного значения.
- анализ двухсложных слов, образованных от исследуемых трех иероглифов и передающих значение *читать* в различных его оттенках показал, что двухсложные слова, образованные от иероглифа 读, шире и ярче отображают все оттенки значения *читать*. А сам иероглиф 读, несомненно, является доминантом в образованиях и синонимическом ряду слов со значением *читать*.
- новизна настоящей статьи заключается не только в том, что в установлении исконных и приобретенных значений иероглифов, применяется сравнительный анализ иероглифики китайского и японского языков. Но и в том, что таким способом можно выявить доминанту синонимического ряда слов.

Примечания

¹ 杨寄洲, 贾永芬. 1700 对近义词语用法对比. 北京. 北京语言大学出版社, 2009, 364 с. Yang Ji Zhou, Gu Yong Feng . Prakticheskoe ispolzovanie 1700 parnix sinonimov. Pekin. Beyszin yuyuan dasyue chu banshi. 2009. 354 s.

² 杨寄洲, 贾永芬. 1700 对近义词语用法对比. 北京. 北京语言大学出版社, 2009, 754 с. Yang Ji Zhou, Gu Yong Feng. Prakticheskoe ispolzovanie 1700 parnix sinonimov. Pekin. Beyszin yuyuan dasyue chu banshi. 2009. 754 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Feldman-Konrad N.I. Yaponsko-russkiy uchebnyy slovar ieroglifov. M. izd. «Russkiy yazik».1977 g. s.680. Feldman-Konrad N.I. Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs. M. ed. "Russian language" .1977 p.680
2. 汉俄词典. Kitaysko – russkiy slovar. Pekin. izd. Shanu inshuguan. 2006 g.s.1250. Chinese-Russian dictionary. Beijing. ed. Shanu inshuguan. 2006 p. 1250.
3. Karimov A.A. Ieroglificheskoe pismo yaponskogo yazika i osobennosti yego usvoeniya.[Hieroglyphic writing of the Japanese language and features of its assimilation.] // “Yaponiya va Uzbekiston madaniyatini qiesiy o‘rganish: intellektual va moddiy boyliklarini izlab topish imkoniyatlari” mavzuidagi xalqaro ilmiy anjuman materiallari.(2014 yil 14-15 noyabr.). Toshkent . ToshDShI– 2014. 189-192 bet.
4. Karimov A.A. Otnositelno strukturi i chteniya ieroglifov, ispolzuemix v yaponskom yazike (na primere imenix slov).[Regarding the structure and reading of the characters used in the Japanese language (for example, nominal words)] // Materiali konferensii yaponovedov. fevral 20. 2019. TashGIV.
5. 杨寄洲, 贾永芬. 1700 对近义词语用法对比. 北京. 北京语言大学出版社, 2009. 1641 с. Yan Szi chjou, Gu yun fen. Sravnitelnyy svod upotrebleniya 1700 sinonimicheskix par. [Comparative use of 1,700 synonymous pairs.]Pekin. izdatelstvo Pekinskogo universiteta yazikov. 2009 g. 1641 s.
6. Elektronniy kitaysko-russkiy i rusko-kitayskiy slovar Trainchinese. com.
7. Karimov A.A. Nekotore osobennosti prepodavaniya yazikov Dalnego Vostoka. [Some features of teaching the languages of the Far East.]// “Sharq tillari va adabiyoti fanlarini o‘qitish metodikasining dolzarb masalalari” mavzusidagi Respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi materiallari. (2009 yil 16 dekabr). Toshkent. ToshDShI, 2009 y. 22-26 bet
8. Karimov A.A. Metodicheskie osobennosti prepodavaniya fonetiki i ieroglifiki kitayskogo yazika i ix zakreplenie. [Methodological features of teaching phonetics and hieroglyphics of the Chinese language and their consolidation.]// Materiali nauchno-prakticheskoy konferensii «Aktualnie voprosi kitaavedeniya: filologiya, filosofiya, istoriya, ekonomika i politika» (12 noyabrya 2014 g.). T. «Uzbekistan». 2014 g. s.20-25.
9. Karimov A.A. Vzaimosvyaz kultur Dalnego Vostoka i Sentralnoy Azii. // v knige prof. Imai Masaxaru “Obshchestvo i kultura sovremennoy Yaponii”. [Interrelation of cultures of the Far East and Central Asia. // in the book of prof. Imai Masaharu “Society and Culture of Modern Japan”. Tsukuba (Japan). Publishing House "Dzisyu" 2008 page 2-8.]Sukuba (Yaponiya). izd-vo «Dzisyosya»2008g. str 2-8

Материал поступил в редакцию 09.02.21

IDENTIFICATION OF NATIVE AND RECEIVED MEANINGS OF HIEROGLYPHS 念, 讀, 看 (COMPARATIVE ANALYSIS OF JAPANESE AND CHINESE)

A.A. Karimov,

Department of Chinese Language and Literature
Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan

Abstract. *The study of hieroglyphics is equally actual for both Chinese and Japanese. The main issue of hieroglyphics is that each hieroglyph has a certain meaning. As the history of the development of hieroglyphic writing has more than one millennium, hieroglyphs' meaning also has acquired a primordial and acquired. In current article, in order to identify the original and acquired meanings, we propose a method for the comparative study of Chinese and Japanese characters. This approach has not been put forward before. It is known that the Japanese language, which adopted hieroglyphic writing in ancient times, practically retained its original meaning. Therefore, a comparative study of two languages can give good results in identifying the original and acquired meanings of Chinese characters. As the studied material, three characters 念, 看, 讀 were selected, which has the meaning "to read". For the reliability and objectivity of the conclusions, we conducted a questionnaire among both Chinese language specialists and Japanese specialists. Actively used Chinese and Japanese dictionaries of hieroglyphs. The results of comparing the meanings of the hieroglyphs showed that among these three hieroglyphs only the hieroglyph 讀 (読) has primordial meaning of "to read", but for the rest it turned out to be acquired. Considering that the modern Chinese language tends to be two-syllable, we examined two-syllable words formed from the studied characters and transmitting the meaning of reading. The results of the analysis confirmed our findings. Two-syllable words formed from the characters 念 nian, 讀 du, 看 kan and transmitting the meaning to read are mainly formed with the participation of the character 讀 (读) du.*

Keywords: *Hieroglyphics, Chinese and Japanese languages, the meaning of the characters 念 nian, 讀 du, 看 kan, the original and acquired meaning, read, synonymous series, two-syllable word, main meaning, shades of meaning, dominant.*

УДК 80

**ПЕРЕВОД ДВУЯЗЫЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ ПРАВОВЫХ
НОРМ ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

А.Н. Ушакова, магистр кафедр компьютерного права и информационной безопасности
Высшая школа государственного аудита
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель: **Ю.М. Батурин**, доктор юридических наук, член-корреспондент
РАН (Москва), Россия

***Аннотация.** Показывается, что лингвистический перевод текста с одного естественного языка на другой имеет много общего с процессом юридического толкования нормы права или положения договора, а, следовательно, оба механизма не только совместимы, но и взаимодополняемы в ходе подготовки международно-правовых документов. Это позволяет приступить к поиску эффективной процедуры достижения семантической адекватности перевода двуязычных правовых текстов, содержащих сложную научно-техническую терминологию, с использованием механизма юридического толкования. На основе правил процедуры возможно сформулировать алгоритм достижения семантической адекватности обсуждаемых текстов, по которому программисты могли бы составить программу автоматического эквивалентного с приемлемой точностью перевода с одного языка на другой. Статья является частью более широкой работы по проблеме достижения семантической адекватности перевода специальных терминов в переговорах по международной информационной безопасности – тематике, насыщенной множеством сложных терминов, которые в силу исторических и культурных различий понимаются сторонами переговоров по-разному.*

***Ключевые слова:** перевод, адекватный перевод, буквалистский перевод, полноценный перевод, эквивалентный перевод, семантическая адекватность, толкование, контекст, компьютерная безопасность.*

Цель статьи – показать, что лингвистический перевод текста с одного естественного языка на другой имеет много общего с процессом юридического толкования нормы права или положения договора, а, следовательно, оба механизма не только совместимы, но и взаимодополняемы в ходе подготовки международно-правовых документов. Статья является частью более широкой работы по проблеме достижения семантической адекватности перевода специальных терминов в переговорах по международной информационной безопасности – тематике, насыщенной множеством сложных терминов, которые в силу исторических и культурных различий понимаются сторонами переговоров по-разному.

Переводчик является посредником, а на переговорах – активным посредником, который не только пытается сблизить смыслы, вкладываемые в терминологию и текст сторонами переговоров, но стимулирует творческий потенциал сторон, заставляя их посмотреть на привычный смысл термина с необычных для них ракурсов. Это позволяет осуществлять перевод не на языковом, а на когнитивном уровне. С.А. Королькова отмечает, что переводчик часто не является специалистом в предметной сфере, и его преинформационный запас недостаточен для восприятия смыслов в полном объеме, и «для преодоления этого диссонанса профессиональный переводчик стоит перед необходимостью осуществлять информационно-поисковую деятельность для пополнения недостающей информации по предметной сфере, формирования собственного двуязычного корпуса текстов и, в том числе, создания собственного терминологического тезауруса в соответствующей предметной сфере» [6, с. 321]. Так и делается при подготовке к переговорам, когда имеется достаточный запас времени. Но в ходе переговоров необходимо использовать способы перевода, реализуемые в реальном масштабе времени. И в этом ему может помочь неоднородный состав участников переговоров.

Участники переговоров, допустим, дипломат, инженер, юрист, в зависимости от своего профессионального мышления деформируют смысл терминов, а, следовательно, и текста, однако, это лишь помогает переводчику через ассоциативные связи расширять зону общего понимания, дистанцироваться от исходного текста и корректировать свой же перевод, приводя его к «стыковке смыслов».

С.А. Королькова предлагает когнитивную структуру алгоритма перевода [6, с. 326], суть которого состоит в том, что «билингвальная текстовая деятельность может быть разделена на два этапа: текстопонимание и текстопорождение» [6, с. 325]. Первый знаменует собой осмысление исходного текста и создание его *интерпретации*, что предполагает «уяснение для себя», т.е. восприятие «до перевода» с ориентацией переводчика на исходный текст. Второй этап – непосредственно порождение текста перевода и последующей автокоррекции, что является переориентацией ментальности переводчика на «разъяснение для другого».

Представляется, что С.А. Королькова очень близко подошла к сути дела. Остается лишь немного подкорректировать этот алгоритм. Вспомним, что юридическое толкование (толкование права) включает два элемента: уяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для себя»; разъяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для других» [1, с. 290]. Легко видеть, что структура толкования точно совпадает с когнитивной структурой алгоритма перевода по С.А. Корольковой. За единственным исключением – использованием на нижних ярусах алгоритма понятия «интерпретация», синонимичного юридическому понятию «толкование» и философскому «герменевтика». Если мы вынесем «интерпретацию-толкование» в основной (верхний) ярус алгоритма, а интерпретацию на уровне (ярусе) осмысления назовем, например, «прочтением», то у нас появятся основания обогатить когнитивный переводческий механизм дополнительными правилами, давно применяющимися в праве, но в силу разносторонности неведомые в теории перевода.

Согласно ч.1 ст.31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., «договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте». Следовательно, смысл в толковании, а значит, и при переводе, ищется через контекст, который устанавливается, в первую очередь, той областью техники, которая связана с той или иной проблемой международной безопасности (например, программирование, техника связи, микропроцессоры и т.д.). Информационная безопасность сложна. На международных переговорах по информационной безопасности профессиональная деформация предлагаемых текстов и их неадекватное понимание неизбежны. Но если видеть аналогию между процессом перевода с одного языка на другой и процессом юридического толкования, то можно использовать не только правила, наработанные переводчиками, но и выработанные многовековой практикой правила юридического толкования, основой которого является контекст. Его активно формируют участники переговоров, каждый со своей профессиональной точки зрения. Как это происходит, хорошо сформулировал С.А. Дубинко: «Любой текст обладает информационной неполнотой (в тексте все содержание сообщения никогда не выражено эксплицитно, он лишь в той или иной степени индуцирует это содержание), и коммуниканты сами достраивают его до необходимой полноты, декодируя скрытые смыслы на основе энциклопедической и ситуативной информации, фоновых знаний, импликаций, пресуппозиций, подтекста» [5, с. 49].

Теперь, классические определения перевода, такие как определение Л.С. Бархударова: «Перевод является межязыковым преобразованием или трансформацией текста на одном языке в текст на другом языке» [2, с. 167], – можно дополнить, например, таким: «Перевод является межязыковым когнитивным преобразованием структуры текста на одном языке в адекватную структуру текста на другом языке в соответствии со стратегией перевода, обеспечивающей достаточную степень адекватности при помощи процедуры толкования с использованием контекста».

Поэтому цель исследования теперь можно конкретизировать следующим образом – найти эффективную процедуру достижения семантической адекватности перевода двуязычных правовых текстов, содержащих сложную научно-техническую терминологию, с использованием механизма юридического толкования. (Заметим, что первым ввел понятие «стратегия перевода» Х.П. Крингс [8, с. 119]). Задача осложнена научно-технической терминологией, которая в странах с разной технической культурой несет в себе различающиеся смыслы, но облегчается тем, теория перевода как наука близка к инженерной мысли. Любой процесс перевода является, с точки зрения науки, строго структурированным. Один подход к видению структуры текста полностью исключает другой. А это значит, не только способы перевода, но и результаты работы будут различаться у специалистов, строго придерживающихся определенных направлений [10].

Когда мы говорим об «адекватности» перевода, то, как правило, подразумеваем «полноценность» перевода, т.е. полное соответствие смысла исходного языка смыслу перевода. Адекватность перевода заключается в том, чтобы при переводе сохранить смысл и правильность формы языка оригинала. В своей работе «Основы общей теории перевода» А.В. Федоров один из первых дал определение

«адекватности» перевода (авторский термин – «полноценность» перевода) как «исчерпывающий пере­дачи смыслового содержания подлинника и полноценного функционально – стилистического соот­ветствия ему» [9, с. 187].

Что касается неадекватного перевода, то он имеет различные степени несостоятельности, начиная с небольших стилистических неточностей и заканчивая более серьезными ошибками – искажением смысла переводимого текста. Самые распространенные ошибки при переводе – это букваль­ный перевод, и вольное толкование содержания оригинального текста, которое несёт в себе большие несоответствия между исходным языком и языком, на который выполняется перевод, или так называе­мый *вольный перевод*. Эти две крайности при переводе являются исторически сложившимися, са­мыми распространенными видами переводов [3, с. 10].

Существует три варианта перевода: буквальный, аутентичный и смысловой. Буквальный пе­ревод – это перевод, в котором грамматические структуры на языке оригинала преобразуются в бли­жайшие эквиваленты грамматических структур на языке перевода. Аутентичный перевод конвенцио­нален: если стороны на переговорах пришли к варианту, в котором тексты (оригинал и перевод) при­знаются равнозначными, т.е. имеющими одинаковую с юридическую силу, тогда считается, что они эквивалентны. Но юридическая равнозначность (аутентичность) не означает равнозначности (адек­ватности) смысловой. Задача поиска смысла остается и после признания текстов аутентичными. Для поиска этого смысла и нужна стратегия, конкретизируемая в процедуре, и смысл ищется через контекст.

Для демонстрации динамики поиска разберем английскую фразу: «From the table of my memory I'll wipe away all trivial fond records». Эти слова принадлежат Гамлету (Шекспир, «Гамлет», акт I, сцена 5). Автоматический переводчик предложил такой перевод: «Со стола моей памяти я сотру все тривиальные любовные записи» (Яндекс, Гуггл-переводчики). Казалось бы, в плане компьютер­ной безопасности можно предложить такой перевод: «Я удалю из памяти моего компьютера все фай­лы примитивной любовной переписки». И мы ошибемся. Это буквалистский перевод, и он не имеет смысла. Необходим более детальный разбор через толкование и контекст. И поиск смыслов будет достаточно длительным, ведь известно более 30 переводов «Гамлета» на русский язык. Сократим эту процедуру, взяв только классические переводы.

Великий князь Константин Романову (К.Р. – поэтический псевдоним Константина Констан­тиновича), поэт, переводчик, драматург и президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, вкладывает иной смысл данной фразы: «С памяти страниц сотру я все заметы пустые» (К.Р.). Перевод сделан в 1899 году. Продолжим наш поиск перевода: «Со списка памяти сотру пустые вздорные заметки» (Анна Радлова, 1937 г.). «Похожий вариант у Михаила Лозинского: «С таблицы памяти моей все суетные записи сотру» (1933 г.). Корней Чуковский называл его – «идеальный под­строчник», т.е. буквалистский перевод, доведенный до идеальной точности (юридически говоря, аутентичный). Но давайте прибегнем к толкованию, для этого вспомним сюжетную линию Гертруды и Клавдия, возникают новые смыслы, как у Андрея Кронеберга в давнем переводе 1844 года: «С страниц воспоминанья все пошлые рассказы я сотру» или в признанном наиболее поэтическим пере­воде Бориса Пастернака: «Я с памятной доски сотру все знаки чувствительности» (1933 г.) У Пастер­нака возникает самый точный смысл: «Я отключу все свои чувствительные точки, чтобы отомстить».

Данный литературный пример показывает, как через контекст и толкование меняются смыслы одной и той же фразы. Это иллюстративное, упрощенное изложение толкования и поиска правильно­го перевода. Но мы вправе сделать вывод, что для правильной трактовки важно использовать опи­санный алгоритм перевода (толкование + контекст). И второй вывод: поиск адекватного смысла но­сит циклический характер.

Возвращаясь к терминологии информационной (компьютерной) безопасности, отметим, что в лингвистике существует два основных подхода к пониманию термина: термин как особая лексиче­ская единица и термин как любая лексическая единица, выполняющая особую функцию (Г.О. Вино­кур) [4, с. 5]. Обобщая совокупность лингвистических аспектов этого понятия, можно заключить, что термин – это функциональная лексическая единица, выполняющая номинативную функцию. Первое, на что обращает человек не знакомый с лингвистикой, это множество схожих терминов, которыми пользуются для обозначения стратегий любой деятельности, в том числе и при толковании правовых норм.

Для термина характерна точное соответствие с определенным понятием, его нельзя рассмат­ривать вне смысла этого понятия. Однако многие термины, за которыми закрепился тот или иной

смысл, могут менять смысловое содержание в зависимости от той отрасли, в которой они употребляются. Чтобы правильно понять смысл и перевести термин, необходимо также знать морфологию его построения, основные типы терминов-словосочетаний, их структуру, особенности и специфику употребления. Для того, чтобы найти правильный перевод термина необходимо владеть информацией о структурно-семантических особенностях терминологических единиц в сфере «информационная безопасность» ориентироваться в тематическом поле переводимого текста, а также выработать переводческую стратегию во избежание субъективного понимания значения [7, с. 204].

В качестве примера неочевидных для перевода специальных словосочетаний разберем несколько компьютерных терминов: Clipboard, to surf, Cuckoo egg, Melt down. Автоматические переводчики дают буквалистский перевод, не имеющий смысла. В результате эмпирического экспресс-опроса людей, владеющих английским языком, в том числе носителей языка, был получен следующий результат:

- 1) Clipboard – «Доска желаний» (неправильный перевод);
- 2) to surf – использовать интернет для поиска нужной информации, рассекать киберпространство (неточный перевод);
- 3) Melt down – сбой в системе, резкий скачок нагрузки с последующими вытекающим выходом из строя (правильное значение);
- 4) Cuckoo egg – вредоносное внедрение в компьютерную систему по аналогии с троянским конем (очень неточный перевод).

Обратившись к специалистам, получаем следующий перевод:

- 1) Clipboard – буфер для вырезанного текста, ячейка для информационного обмена;
- 2) To surf – не просто гулять по интернету, а переходить с сайта на сайт по гиперссылкам;
- 3) Cuckoo egg – файл, по объему маскирующийся под искомый, но содержащий другую (неверную) информацию, возможно, несущий вирус. Примерно правильное значение получено как результат совершенно иного контекста. Здесь контекст отсылает к «кукушкиному яйцу»: кукушка подкладывает свои яйца для высживания в гнезда других птиц;

4) Melt down – сбой в результате перегрузки. Интересен сложный контекст. Происхождение данного термина производно от термина Chernobyl racket – пакет, который серьезно нарушает работу сети (параллель с Чернобыльской аварией). Отсюда аллюзия, ведущая к метафоре melt down – результат «чернобыльского пакета», которая в контексте чернобыльской аварии связывается с ее причиной – расплавом активной зоны реактора.

Наработки показали, что искомая процедура последовательного приближения к адекватному по смыслу переводу будет состоять из ряда шагов, таких, как разбиение текста на ключевые фрагменты и далее их различные профессиональные толкования с переводом на другой язык на каждом шаге и обратно. После формирования начальной «области согласия» в каждом новом цикле вновь используется толкование, причем на том языке, на котором представлен текст. Представляется, что алгоритм будет не столько сложным, сколько длинным, с циклами, в которых меняется последовательность профессиональных толкований. На простых примерах можно показать сходимость подобной процедуры к варианту перевода адекватному по смыслу исходному тексту.

Выработка стратегии перевода сложных научно-технических понятий, в частности, в области информационных технологий, в ходе международных переговоров, правил процедуры, ведущей к поставленной цели в реальном масштабе времени возможна. Более того, на основе правил процедуры возможно сформулировать алгоритм достижения семантической адекватности обсуждаемых текстов. А это означает, что по данному алгоритму программисты могли бы составить программу автоматического эквивалентного с приемлемой точностью перевода с одного языка на другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Общая теория права. В 2-х томах. Том 2 / С.С. Алексеев. – М.: «Юридическая литература», 1981, С. 290–316.
2. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: «Международные отношения», 1975. – С. 275.
3. Бибихин, В.В. К проблеме определения сущности перевода. Тетради переводчика под ред. проф. Л.С. Бархударова / В.В. Бибихин. – Москва, Директ-Медиа, 2014. – 10 с.
4. Винокур, Г.О. История русского литературного языка / Г.О. Винокур. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 184 с.
5. Дубинко, С.А. Категория качества перевода: адекватность и буквализм. – Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Выпуск 1 / С.А. Дубинко. – Минск: БГУ, 2013. – С. 45–53.
6. Королькова, С.А. Когнитивная структура алгоритма письменного перевода. / С.А. Королькова // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 3 – С. 319–328.
7. Поендаева Д.С. Лексико-семантические особенности перевода англоязычных научно-технических терминов сферы «Информационная безопасность» на русский язык / Д. С. Поендаева // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XVI Международной научно-практической конференции "Лингвистические и культурологические традиции и инновации", Томск, 11-13 октября 2016 г. – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 201–206.
8. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М.: «Международные отношения», 1974. – С. 216.
9. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М.: Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 187 с.
10. Чекалина, А.А. От теории к стратегии: эквивалентность и адекватность перевода / А.А. Чекалина // Бюро переводов «Навигатор», 2019. – Режим доступа: <https://navigator-msk.com/articles/adekvatnost-perevoda> (дата обращения 27.02.2021).

Материал поступил в редакцию 28.02.21

**TRANSLATION OF BILINGUAL SPECIALIZED
TERMINOLOGY TO ACHIEVE SEMANTIC ADEQUACY
OF LEGAL NORMS ON INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY**

A.N. Ushakova, Master at the Department of Computer Law and Information Security
Higher School of State Audit of
Lomonosov Moscow State University,
Research Advisor: **Yu.M. Baturin**, Doctor of Juridical Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Russia

Abstract. *It is shown that the linguistic translation of a text from one natural language to another has much in common with the process of legal interpretation of a rule of law or treaty provision, and therefore both mechanisms are not only compatible but also complementary in the preparation of international legal instruments. This allows us to start searching for an effective procedure for achieving semantic adequacy in the translation of bilingual legal texts containing complex scientific and technical terminology, using the mechanism of legal interpretation. On the basis of the rules of the procedure it is possible to formulate an algorithm for achieving semantic adequacy of the texts under discussion, by which programmers could compile a program of automatic translation from one language to another with an acceptable accuracy. The article is part of a broader work on the problem of achieving semantic adequacy of translation of special terms in international information security negotiations, a subject rich in many complex terms that are understood differently by the negotiating parties due to historical and cultural differences.*

Keywords: *translation, adequate translation, literal translation, value translation, equivalent translation, semantic adequacy, interpretation, context, computer security.*

UDC 80

EUPHEMIZATION AND EUPHEMIC MEANS IN CHINESE AND UZBEK LANGUAGES

Sh.Q. Shamsieva, Lecturer at the Department of Chinese Philology,
Independent Researcher
Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan

Abstract. *Not every event in language occurs on its own, it does not occur directly. The factors and causes of an event will be the units of expression. These are the units that serve to manifest these events. The euphemisms that are the object of our study are also linguistic units that serve the occurrence of the euphemism phenomenon. Determining which language units in Chinese and Uzbek can come as euphemisms in speech allows us to draw conclusions about the lexical reserve of the two languages.*

Keywords: *speech sounds, affixal homonymy, lexical synonymy, phraseological antonymy, intertextuality, linguoculture, euphemism phenomenon.*

It is known that Uzbek is an agglutinative language and the smallest unit of this language is sound. Chinese also belongs to the isolated languages in which the phenomenon of agglutination is present according to the typological classification. The smallest unit of this language is also a sound, but in Chinese, there are many cases where a sound becomes a single word. In linguistic research, for example, 邵军航 Shào Jūn Hángнинг “委婉语研究” known For example, in the time of Chin Shi Huangdi, the word 正 “zhēng” in the word 正月 zhèngyuè zh ongyuè was pronounced in the first syllable from the fourth syllable instead of the word zhèng zhèng in order not to express the emperor’s name directly. Or in the expression of female genitals, the word “屌 bī” is called putonghuada bi, but in southern China the tone is changed to 鼻 or bī bī. In some areas it is also called 北 běi.

In Uzbek, euphemisms do not look like Chinese (a one-sound word becomes a euphemism), and in Uzbek, a single sound becomes a word. Therefore, we did not give examples of the Uzbek language.

The second type of euphemism in Chinese and Uzbek is lexical. That is, a group of words perform a euphemistic function in different speech situations. The reason we call these types of units lexical means is that they are lexical units or lexemes. It is also our aim to distinguish euphemisms that combine under the name of lexical units from euphemisms that are generalized under the term phraseological unit.

In dissertations and monographs done before our study, lexical euphemisms, which are expressed verbally, have also been studied by the term morphological means. For example, in the work of the Chinese linguist Shao Jun Hua (邵军航) “Based on the phonetic, semantic, lexical, syntactic, etc. means of language, euphemistic means are divided into phonetic means, semantic means, lexical means, and so on. If the basis of phonetic means is a phonetic change, the semantic means include the person or object, the words that describe it. Grammatical means are divided into syntactic and morphological means. Syntactic means include negation, denial, interrogation, and morphological means include words. Of course, each researcher chooses a particular point of view based on the goal he or she has set for himself or herself. 邵军航 The reason why we studied the units we have learned as lexical euphemisms under the term morphological means is probably due to the fact that they are based on the study of word groups in the morphology section.

Some of the so-called lexical euphemisms are not only words formed to perform a euphemistic function, but also perform a euphemistic function with a corresponding meaning in a particular speech situation. Such euphemistic expressions arise through. The methods of meaning transfer and irony. A number of words in Chinese and Uzbek become euphemistic words as a result of metaphorical meaning transfer. For example, in Chinese, the euphemisms 鸡鸡 jī jī (rooster) and 小鸡鸡 xiǎojī jī (rooster) are softened to mean "adult and young boy's genitals." In Uzbek, the euphemistic occurrence of this concept is given by the word nightingale

(a whistle is heard – Abdualim. The old man laughs in his brain: – That nightingale is singing, we have gone to the fire. The Uzbek euphemistic expression includes the suffix and indicates that the genitals belong to the child.

Among the lexical devices that have a euphemistic meaning in the metonymic method, the unit “birǐ” meaning “lower part” in Chinese can be specified, as this unit is used instead of the unit “底部” meaning “buttocks”.

屁股 бирлиги ўрнида қўлланади. 从办公椅上抬起你得底部，去与客户面对面交流。Cóng bàngōng yǐ shàng tái qǐ nǐ dé dǐbù, qù yǔ kèhù miànduimiàn jiāoliú In Uzbek, the same part of the human body is called the buttocks, but according to the requirements of cultural speech, the euphemistic pronoun is used instead. For example, Muhaad, who had just started to have seizures, was in critical condition and was in intensive care. He had a constant diarrhea and a strong cold in his intestines. He drank only water and medicine. The back of the needle was punctured. (Ulugbek Hamdam. Balance)

Unlike Chinese, Uzbek uses a back euphemistic word instead of the word kot, which is used for very rough expressions. For example, It seemed that Masumov himself had already arrived and destroyed such documents. Yes. He did so. He always cleans his back (A. Namozov. Stranger).

In contrast to Chinese, Uzbek uses the back word in the euphemistic function instead of the word kot, which is used for very rough expressions. For example, It seemed that Masumov himself had already arrived and destroyed such documents. Yes. He did so. He always cleans his back (A. Namozov. Stranger).

According to one study of Chinese euphemisms, another study of Chinese euphemisms states that 六合板 liùhé bǎn liùhé bǎn (universe) 板子 bǎnzi bongzi, comfortable) 长生板 coffin (made in advance) 吉祥板 jíxiángbǎn coffin impressively refers to the concept of a coffin. It's said to have performed a euphemistic function in a metonymic way.

The metonymy of this euphemism is that the coffin is usually made of wood, and in such contexts the connection with the board gives rise to the notion of a coffin. If the speaker gave the concept of a coffin directly through the word coffin, the contextual concept would be clearly expressed. In Uzbek, the same concept is expressed by the word medicine, because implicit euphemism occurs when the drug is called a drug. For example, A person changes, Nadulya. Igna ber. Give more than medicine, give more. "More?" Need more money for more, good guy. "Have I ever been indebted to you?" Get the medicine yourself and get out of here. You get the money in the evening. Just tell me where you are. "Stand here," Nadya went into the bathroom and locked the door. After a while, he handed the powder in five cellophane bags: – That's it (Tahir Malik. Satan); In a matter of minutes, it became clear “what a mess” the film was. Mardona looked at Zaynab secretly, wondering if she would stop. The young woman, who was bathing in a source of pleasure under the influence of the drug, did not turn off the TV. (Tahir Malik. Satan) Since the word medicine in these examples is of the nature of slang, the implicit is strong, and the euphemism remains in its background.

as well as euphemisms in Chinese, in different dialects, depending on their regional location. If we take the word toilet, southerners express it with the words 茅房 máofáng, 茅室 máoshì, while northerners use the word 后院 hòuyuàn. There are also several variants of this concept in Chinese, such as 卫生间 wèishēngjiān, 洗手间 xǐshǒujiān, gèngyīshì 更衣室 化妆间 huàzhuāngjiān. The Uzbek language also has different euphemistic meanings of the word toilet. M. Mirtojiev says that such euphemistic task is performed by foreign words. We can also add the word gold.

Lexical euphemisms related to appearance are also similar in Chinese and Uzbek. For example, the Chinese often use the concept of obesity not directly with the word 肥胖 féipàng (fat), but instead with the words 富态 fùtài (full) or 丰满 fēngmǎn (full, full):

虽然现在贾玲长得比较富态，不过深受网友喜爱的她最近被曝出，年轻时原来也是一位美女。”(was revealed to be a girl). Also compare: 她腰下围了一条饰带，那柔软扭曲的丰满体和娇羞柔媚的动作神态，都隐约透出一种女性的诱惑 her seductive actions mislead only women).

It should also be noted that during the Tang Dynasty, the word 体胖 tǐpàng (fat) was not a euphemism for expressing the beauty of the body. But for today's society, such a view is not appropriate, the word 骨感 gǔgǎn (meat and bone, very thin, body) indicates beauty. Obesity therefore requires a euphemism. The euphemisms 富态 fùtài (full) or 丰满 fēngmǎn (full, full) are used for obese women, and 康杜 kāngdù (healthy, energetic), 个大 gèdà (influential, wealthy) for obese men. This linguocultural approach is particularly prevalent with regard to women, with the aim of not conveying an unpleasant opinion or attitude to the listener.

Uzbek linguoculture also has lexical tools that serve to soften and express the concept of obesity. Therefore, when such a quality of a person is expressed, it is clearly called full, full, full, not fat or obese. For example, Yes, she was a handsome girl. The legs are long, neither full nor thin, average (O. Umarbekov. Summer rain); About noon Wasiq came to me. His full face was smiling. (O. Umarbekov. On the way) Gulchehra's legs were not like that. He was full, his knees were small, round, no matter what he wore – high-heeled shoes, slippers, chippings clung to him. (O. Umarbekov. It is difficult to be human). This synonymy is further complemented by the phraseological adjectives from the full, from the full. She knows her mother well. He died at the hospital at the age of three. His mother was a white, full-bodied woman (O. Umarbekov. Boboyongoq); A woman came into the room from the crowd and interrupted the director. – Here is Sojida opa, the class teacher of 9 "A" (Tahir Malik. Goodbye childhood).

In some cases, the speaker uses words that reinforce the sign in front of the lexical medium that comes in the euphemistic function in order to express the softened meaning more clearly. For example: He was very full, had a belly, wore a white shirt, white pants, and shaved his beard (Tahir Malik. Devona). This sentence has a long word before the full word in the euphemistic function, which served to more precisely express the meaning of “obese”.

H. Kadyrova, who studied Abdulla Kadyri's mastery of euphemisms and dysphemisms, writes that in the works of the writer the words-euphemisms (in our opinion, lexical-euphemisms) denote the person ("big", adulterous, not honest, watery, "crazy" mad, lazy, grandfather, barishnakhon, margin, tutash, "flirtatious", "pharaoh's daughter"), representing biomaterial (garbage, dung, hilt), representing the physical condition of a person (pregnancy, pregnancy, heavy, double, tumsa, "red groom"), human behavior There are manifestations of relationship defects (pickpocketing, bribery), alcoholism (drugs, poisons, "obi surx", obirahmat, aksakal).

Some of the lexical euphemisms cited by the researcher (e.g., biomaterials (garbage, dung, hilt)) have not lost their euphemistic function today, they are used as euphemisms in medical and colloquial language. Some of them were euphemistic for the linguistics of Abdullah Qadiri's time (for example, adulterer, lizard, lilac, barishnakhon, marja, tutash), all of which are now considered very rude words; some of them were portable and occasional for that period (e.g. ("Big", "flirt", "pharaoh's daughter", "red groom") are also euphemistic units. indicates

Most euphemisms in Chinese are structurally similar to a simple lexeme at first glance, but in the same position as a compound. The units in these compounds were a separate euphemistic medium in ancient Chinese, and in modern Chinese they are morphemes of the compound.

Lexical euphemisms of this content can also be found in Chinese. For example, the concept of "double" is given by the slightly softened word 有了 (have, exist).

The occurrence of realities. For example, according to a Chinese researcher, the most feared animal in ancient China was the tiger, so the word 老虎 lǎohǔ (tiger) was tabooed. When the Chinese spoke of the tiger, they did not call it by its direct name, but by another name, for example, 白额 báié (white forehead), 大

虫 dàchóng (large animal), 山猫 shānmāo (mountain cat). Naturally, tigers are almost non-existent in the Uzbek-populated area. Therefore, there was no need to taboo the name of this animal in the life of the Uzbek people. On the contrary, scorpions are common in the areas where our people live, and the people have suffered a lot from scorpions. This is one of the reasons why the word "scorpion" is tabooed among the people. As a result of the tabooing of the word scorpion, nameless, horseless, donkey euphemisms appeared in the vernacular, and the same euphemisms are still actively used in some regions. So, the tabooing of the Chinese words 老虎 lǎohǔ (tiger) in Uzbek and their replacement by euphemisms is related to realities.

Most of the euphemisms in Chinese and Uzbek are phraseological euphemisms. The origin of phraseological euphemisms stems linguistically from the lexicalization of phrases. For example, in modern Chinese, the concept of "touching the ground" is intertwined with the phraseologism 出门 chūmén (leaving the house). Instead of 结婚 jiéhūn (to marry), the euphemistic phraseologism of 终身大事 zhōngshēndàshi meaning "lifelong work, work" is used.

These phraseologies were originally used in their own sense in speech as a syntactic structure in the form of a free compound, a lifelong work of leaving home. It was later based on the bride's departure from the house where she was born and raised, and began to mean "marriage" in a figurative sense. It should be noted that this phraseology was not originally deliberately formed by linguists as a euphemistic phraseology, but because the semantics of the same phraseology did not explicitly express the concept of "touching the ground", linguists began to use it in speech for euphemistic purposes. The phraseology which expresses the concept of "marriage", was originally a syntactic structure in the form of a lifelong work or a lifelong work – a free combination. It later became phraseological as a result of the lexicalization of the syntactic unit. In our study, we preferred to use the term euphemistic phraseology in relation to phraseologies that perform such a euphemistic function.

We have seen that the phenomenon of euphemism in Chinese and Uzbek occurs with lexical and phraseological units. There is another similarity of euphemisms in these languages. We found that a similar euphemism can be expressed in both Chinese and Uzbek by using a particular linguistic unit in the opposite sense, and that the driving force of the euphemistic content is irony. That is, the speaker uses a word or phraseology that saturates the rudeness of a language unit that does not fit into the cultural fabric, saturating it with satire, which reveals a negative tone. The Chinese linguist (shào jūn háng) (邵军航) says that it is an antonymic tool, and proves his point as follows: When it is not possible to express some words directly, we use its opposite. Euphemisms can be formed in this way. Antonymous euphemisms are the use of the opposite word in the speech process. For example, if the euphemism for fire is 走水 (zǒushuǐ – the water is gone), the funeral comes with the word 白喜 (báixǐ – white happiness), the clothes worn by the dead are 寿衣 (shòuyī – life clothes), the grave (寿穴 shòuxué – life cave) unclean place is given by the word 卫生 (wèishēng – hygiene).

The word "beshik" in the Uzbek language can also be used sarcastically to soften the unpleasant meaning of "coffin". For example: They wrapped it in a piece of cloth, put it in a "cradle" and put it in the last place ... (O. Hoshimov. Inscriptions in the frame of the notebook).

Note also the following examples

1. 叫起两个香公，将酒饭与他吃饱，点起灯性独，到后园一株大柏树旁边，用铁锹掘了个大穴，倾入石灰，然后抬出老尼姑的寿材(shòucái – coffin)
2. 我便再加十两银子，两匹段头，与你老人家做寿衣 (shòuyī – shroud, clothes of the dead). hérú?
3. 如今且先买几匹细布与他做寿衣 (shòuyī – shroud, clothes of the dead) 要紧，再先买下木头，其外便临期也还不退。
4. 钱子武是中午十二点钟赶到的，这时越本立已经进了太平间 (tàipíng jiān – morgue) 的冰箱，冻成冰坨子了。
5. 万一的希望也都失望了，当我走到医院的时候，我最忠实而又最良好的伴侣她已经被白布包着躺在太平间 (tàipíngjiān – the morgue) 了!

In the study of lexical-phraseological euphemisms in Chinese and Uzbek, of course, attention should be paid to their relationship of form and meaning. Our observations show that there are close, similar forms of euphemistic means between Chinese and Uzbek languages, or the softening of a concept for both languages into a common, cultural connotation. It turned out that a certain rude concept can be euphemized by a phraseology in Chinese, a word in Uzbek, or euphemized by a phraseology or word in both languages.

The importance of such comparative analyzes can be seen in the fact that in the translation from Uzbek to Chinese, from Chinese to Uzbek, they serve to accurately and clearly convey the realities of the two peoples.

Among the synonymous euphemisms in Chinese and Uzbek are a number of euphemisms related to pregnancy, marriage, sexual life. We will not dwell on them here, as we aim to analyze the euphemisms associated with this content in more detail in the following chapters. Perhaps we cite phraseologies that are close to this and have a common euphemistic content in Chinese and Uzbek. Ch. According to Zhang, the meaning of "prostitute" in Chinese is the word xiǎojiǎ 小姐 xiǎojiě (miss), (woman standing on the street), 站街女 ànmónǚ (massager), 洗头妹 xītóu mèi conjugation. In recent years, xiǎojiě xiǎojiě (miss) has evfeme, which is used in the sense of "prostitute". Now no girl wants to miss her nickname (except when the word miss comes with a surname). See the example from the newspaper: ě "tiānshàng rénjiān" dēng yè 55nghuì tíngyè , jǐngfāng huò 557 míng xiǎo jiě. ("北京“天上人间”等夜总会停业，警方获 557 名小姐。 (《京》，2010 年 5 月 13) ”).

In Uzbek, this concept is expressed by the night butterfly euphemistic phraseology. For example, more than 70 moths were caught in two nights in Tashkent. (uznews.uz) In Uzbek, prostitutes, especially those who go out at night in search of a client, use the word night, while those who engage in prostitution use the word butterfly. According to Kadyrova, in the early twentieth century, the word meaningless was also an expression of "prostitute." In our view, the euphemistic nature of these meanings was only a verbal or occasional condition. Not specific to the permanent layer of the tongue. Nowadays, the word "prostitute" is used as a softened expression of "prostitution" (- One of my concubines had an affair with a stonemason in the observatory): Should they all be locked up in a chordevor as one pervert? The woman is also a man (Tahir Malik. Devona).

In Chinese and Uzbek, a concept is also represented by phraseological euphemisms. For example, in Uzbek, the Chinese phrase 寻花问柳 [xúnhuāwènliǔ] (looking for a flower and a grove), 眠花卧柳 [miánhuāwòliǔ] (sleeping under flowers under a willow) is a euphemistic phrase.

Meaning between euphemisms expressing a common meaning in Chinese and Uzbek languages 1) pure lexical meaning; 2) pure phraseological meaning; 3) occurs in the form of lexical-phraseological semantics. In this sense, in Uzbek and Chinese there is a concept of "giving to the ground", which can be realized through various euphemistic means. For example, in Uzbek it is possible to euphemize by lexical means of transmission, in Chinese it is euphemized by the words 结縲 jié lí , In both languages, the euphemism for the concept of "giving to the ground" by lexical means is an example of lexical meaning.

At the same time, in Uzbek the phraseology of handing over to the owner, in Chinese with the phraseology 出门 chū mén (leaving the house) has a common meaning – the expression of the concept of "giving to the ground" reveals a pure phraseological meaning.

The euphemisticization of the dysphemetic notion of "marriage" in the Uzbek language through the phraseology of the Chinese word 终身大事 zhōngshēndashi (to work for a lifetime) leads to lexical-phraseological meaning.

In Chinese and Uzbek, there is also a euphemism for conjugation and speech. For example, "the Chinese use the expression 心灵美 xīnlíngměi (spiritual beauty) to express the unattractiveness of appearance, and thus try to emphasize one's inner beauty." The Uzbek language also has such combinations as spiritual beauty, inner beauty, which in the phrase "a person should be spiritually beautiful" refers to the concept of "even if it looks ugly."

Euphemisms also occur through folk sayings, aphorisms. This form of euphemism differs from lexical and phraseological euphemisms in that a holistic idea is a euphemistic manifestation, not a meaning or concept. Because proverbs and aphorisms are grammatically formed units that express content. This aspect of Uzbek proverbs is shown in the study "Euphemization of folk proverbs in the Uzbek linguocultural environment and their linguopoetics." For example, the writer Abdullah Qadiri does not explicitly state that a person is born and dies in the same manner as he was born, but gives it on the basis of a euphemistic proverb from Salih Mahdum: He thought that the proverb was a very correct word, and his neck stiffened and he walked away (A. Qodiri, the scorpion from the altar) ". It is understood that the proverb "He who enters with milk, leaves with soul" was used to express the rude idea that "a man's habit remains when he dies" in accordance with the etiquette of communication.

In Chinese and Uzbek, euphemisms occur within lexical and phraseological units. In these languages, along with separate euphemistic units, there are words that perform a euphemistic function with a specific meaning. There is a synonymy between the form and meaning relationship of euphemistic units in these languages.

REFERENCES

1. Солнцева, Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков / Н.В. Солнцева. – М., изд. «Наука», 1985. – 503 с.
2. 邵军航：委婉语研究，上海：上海交通大学出版社 2016 年，第 55 页
3. Qalandarov, Sh. Euphemization of folk proverbs in the Uzbek linguocultural environment: Filol.fan.b.fals.d-ri diss. avtoref / Sh. Qalandarov. – Fergana, 2019. – P. 14.
4. Moxovikova N.S. Funktsionirovanie evfemizmov kitayskogo yazyka v zerkale russkogo yazyka (na materiale tematicheskoy gruppy smert) // Filologiya i kultura. Philology and Culture. 2015. № 1 (39). – С. 54
5. Qodirova, X. Abdullah Qadiri's mastery of euphemism and dysphemism. Filol.fan.nomz. ... diss. author / X. Qodirova. – Toshkent, 2011. – Б. 14.
6. Chjan Chan. Evfemizatsiya in Russian and Chinese: lingvokulturologicheskix and lingvopragmaticheskix aspects: Diss. ... cand. filol. science. – Volgograd, 2013. – p. 49.
7. 李国南.2001。词格与词汇[M]。上海：上海外语教育出版社
8. Mirtojiev M.M. Semantics of the Uzbek language. – B. 126.
9. Odilov Yo.R. Uzbek language enantiosemita: filol.fan.d-ri. ... diss. – Toshkent, 2016. – Б. 59-67.
10. <https://chinese-russian.ru/news.php/?news=175>

Материал поступил в редакцию 03.02.21

**ЭВФЕМИЗАЦИЯ И ЭВФЕМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
В КИТАЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ**

Ш.К. Шамсиева, преподаватель кафедры китайской филологии,
независимый исследователь
Ташкентский государственный университет востоковедения, Узбекистан

***Аннотация.** Не каждое событие в языке происходит само по себе, это не происходит непосредственно. Факторы и причины события являются единицами выражения. Это единицы, которые служат проявлению данных событий. Эвфемизмы, являющиеся объектом нашего исследования, являются также языковыми единицами, служащими возникновению феномена эвфемизма. Определение того, какие языковые единицы в китайском и узбекском языках могут выступать в качестве эвфемизмов в речи, позволяет сделать выводы о лексическом резерве этих двух языков.*

***Ключевые слова:** звуки речи, аффиксальная омонимия, лексическая синонимия, фразеологическая антонимия, интертекстуальность, лингвокультура, феномен эвфемизма.*

УДК 80

КЛАССИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В НОВЕЛЛАХ ПУ СУНЛИНА

Ж.Т. Зиямухамедов, кандидат филологических наук, доцент
кафедра Китайской филологии, факультет Китаеведения
Ташкентский государственный университет востоковедения, Узбекистан

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу особенностей отражения классических сюжетов китайской литературы в сборнике Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо». Автор подробно анализирует особенности творчества Пу Сунлина в разрезе того периода времени, в котором жил и творил автор. Подводя итог исследованию, автор делает общий вывод о том, что в новеллах Пу Сунлина широко использованы наиболее часто встречающиеся сюжеты китайской литературы: встречи со сверхъестественным, чудесное исцеление, а также наказание за неподобающее поведение или образ жизни.*

***Ключевые слова:** классическая китайская литература, сюжет, сборник, сверхъестественное, лиса, автор, студент, новелла, сборник.*

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем, что творчество Пу Сунлина, одного из широко известных китайских писателей XVII века, немало известно в России, как и в Китае, а также в других странах Азии, в том числе, и в Узбекистане Пу Сунлин является одним из любимых писателей. Кроме того, в силу весьма значительных отличий классической китайской литературы от русской или узбекской литературы и литературы стран Европы, знакомство с произведениями Пу Сунлина даст возможность не только пролить свет на особенности китайской литературы XVII века, но также и понять характерные черты китайского менталитета означенного периода времени. Также необходимо отметить тот факт, что в произведениях Пу Сунлина, включенных в состав сборника «Описание чудесного из кабинета Ляо», нашли свое отражение многочисленные классические сюжеты китайской литературы более ранних периодов, талантливо переработанные автором и органично встроенные в его новеллы. Соответственно, представляется целесообразным охарактеризовать особенности отражения классических сюжетов китайской литературы в сборнике Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо», датированного периодом 1640-1715 гг.

В качестве основных материалов исследования послужили русскоязычные переводы отдельных новелл из сборника Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо» на русский язык, выполненные В.М. Алексеевым. Также был использован ряд статей русскоязычных и узбекскоязычных авторов, в которых, так или иначе, упоминается творчество Пу Сунлина в разрезе классических сюжетов китайской литературы. Однако, необходимо отметить, что творчество Пу Сунлина крайне мало изучалось в русскоязычной лингвистике, филологии и литературоведении. Отдельные аспекты исследования произведений Пу Сунлина можно обнаружить в трудах таких авторов, как: В.М. Алексеев [1], А.Р. Аликберова [2], И.А. Алимов [3], Ю.А. Ершова [4, 5], Т.А. Логинова [7], Ж. Зиямухамедова [6] и др.

Основным методом исследования послужил аналитический. Также был использован сравнительный метод и метод обобщений.

Переходя к анализу особенностей отражения классических сюжетов китайской литературы в новеллах Пу Сунлина, вошедших в сборник «Описание чудесного из кабинета Ляо», необходимо несколько слов сказать о самом авторе.

Пу Сунлин, годы жизни которого датируются 1640-1715 гг., был китайским новеллистом и автором широко известного в Китае сборника «Описание чудесного из кабинета Ляо». Автор творил

под псевдонимом Ляо Чжай. Принято считать, что перу Пу Сунлина, помимо вышеупомянутого сборника, принадлежат также и многие стихи.

Вместе со своими друзьями Ли Симэем и Чжан Лию, которые также были достаточно известными в анализируемый период времени, Пу Сунлин основал поэтическое содружество, все члены которого старались беззаветно служить изящному слову и постоянно нравственно совершенствоваться [2, с. 73]. Необходимо отметить, что Пу Сунлин был крайне образованным человеком, что наложило отпечаток на его творчество. Так, например, его слог отличался изящностью и витиеватостью, что, кстати, представляло собой значительную трудность для переводчиков, работающих над переводами его произведений на другие языки и над их адаптацией для читателя. Кроме того, Пу Сунлин прекрасно знал множество произведений китайской литературы прошлых периодов и современности, что серьезно сказалось на его творчестве с точки зрения отражения в нем наиболее известных и расхожих сюжетов китайской литературы [2, с. 74].

Далее представляется целесообразным кратко остановиться на наиболее значимых классических сюжетах китайской литературы. Во-первых, необходимо отметить, что китайская литература относится к одной из наиболее древних литератур, поскольку история ее существования измеряется тысячелетиями. За этот период в китайской литературе сложилась достаточно стройная жанровая система, а также система сюжетов, которые, тем или иным образом, повторяются во множестве произведений, начиная с наиболее древних времен и вплоть до анализируемого периода времени. Также нужно упомянуть о том, что в основу китайской литературы на одном из наиболее ранних этапов ее развития легли мифы и легенды, которые нашли свое отражение в том числе и в творчестве Пу Сунлина, о чем более подробно будет сказано далее.

Одним из наиболее расхожих сюжетов можно назвать многочисленные приключения, которые в том или ином виде встречаются в большинстве классических китайских произведений, например, в романе «Троецарствие» (XIV в.), «Речные заводи» (XIV в.), «Путешествие на Запад» (XVI в.) и др. [9]. Перечисленные романы входят в «золотой» фонд китайской литературы и можно с уверенностью предположить, что Пу Сунлин был хорошо знаком с ними. В каждом из этих произведений речь идет о странствиях и приключениях, причем герои на протяжении того, как разворачивается ткань повествования, встречаются с мудрецами, монахами, фантастическими существами и т.д.

Сборник Пу Сунлина, в который входит порядка 400 новелл, изначально имел название «Рассказы о бесах и лисицах» [2, с. 79]. Такое название было дано неспроста, поскольку бесы и лисицы, а также многочисленные добрые и злые духи – это наиболее часто встречающиеся в новеллах Пу Сунлина существа (помимо людей – главных героев произведений). Они вступают в различные взаимоотношения с человеком, чаще всего мучая, искушая, соблазняя и убивая его, а в редких случаях – помогая.

Интересно отметить, что лисица-оборотень представляет собой весьма распространенный персонаж китайского фольклора; ее образ часто встречается в притчах, рассказах, романах, эпосах и других видах литературных произведений. Так, например, уже в произведении «Канон гор и морей», который был написан, по оценкам специалистов, примерно в пятом веке до нашей эры, можно встретить описание существа, которое похоже на лисицу и которое имеет девять хвостов. И.А. Алимов в процессе исследования образа лисицы в китайской литературе, говорит о том, что в сборниках «Записки из марка» (220-589 гг. н.э., период Шести династий) и «Обширные записки об удивительном» (618-907 гг. н.э.) имеются объяснения, в которых подробно рассказывается о том, какое влияние возраст лисицы оказывает на имеющиеся у нее возможности использования волшебных чар [3, с. 250].

В анализируемом сборнике Пу Сунлина содержится множество рассказов, в которых идет речь о лисицах и их чарах, причем в подавляющем большинстве произведений лисицы-оборотни преследуют молодых людей-студентов. В качестве примеров таких рассказов можно назвать следующие: «Лисья чары», «Смешливая Иннин», «Лис выдает дочь замуж» и т.д. Как правило, в произведениях Пу Сунлина лиса является к молодому человеку, обратившись в молодую девушку необычайно красоты. Далее развитие сюжета может идти по двум направлениям, а именно: лиса либо оказывает студенту помощь, причем эта помощь может быть очень разной, либо же она вредит ему, постепенно высасывая всю его жизненную силу и энергию и в некоторых случаях доводит человека до смерти [3, с. 252]. Пу Сунлин отводит особое внимание описанию внешности лисиц, говоря о них (в образе девушек) как о редких красавицах, внешность которых очаровывает, завораживает и заставляет буквально потерять голову, например, «Лицо блистало красотой, в мире не встречаемой» (новелла «Лис выдает дочь замуж») [7, с. 36].

Также необходимо отметить тот факт, что во всех новеллах Пу Сунлина, в которых встречается образ лисицы-оборотня, описывается, что они крайне быстро и просто готовы вступить в сексуальную связь с мужчинами, поскольку, в соответствии с древними легендами, именно в процессе интимной близости лиса может овладеть энергией ци, которая представляет собой жизненную силу мужчины [4, с. 154].

В данном случае можно предположить, что, подчеркивая готовность лисы-оборотня вступить в интимную связь с героем произведения, автор дает читателю понять, что речь идет о фантастическом, сказочном существе, которому чужды нормы морали того общества, о котором повествует автор. В тот период времени для приличной китайской девушки было немыслимо настолько легко и просто согласиться на близость, тем более, вне брака. Такое поведение мгновенно ставило на девушке печать легкодоступной, после чего шансов вернуться в нормальное общество и устроить свою судьбу у девушки не было.

Однако в отдельных новеллах автор повествует о том, как лиса наказывает человека за непотребное поведение. Например, в произведении «Лиса наказывает за блуд» [8, с. 59] речь идет о том, что блудливый студент охотно пользовался любовным зельем, и, одновременно, страдал от лисы, которая портила его вещи и бросала в суп грязь. Как-то раз лиса бросила в суп любовный порошок, этот суп поела жена студента и начала приставать к гостю, в то время как мужа не было дома. Гость, оказавшийся честным человеком, не поддавался женщине, после чего она устыдилась своего поведения и от стыда удавилась своим поясом. Служанке удалось вернуть женщину к жизни, и когда жена рассказала мужу о том, что произошло, он осознал, как неправильно вел себя все это время, и занялся исправлением своего поведения, после чего и лисица перестала куролесить.

Помимо лисиц-оборотней, произведения Пу Сунлина изобилуют другими фантастическими существами, среди которых можно назвать «чудесных супругов» (бесов женского пола, различных духов и т.д.). Интересно, что зачастую этих, казалось бы, отрицательных персонажей, автор наделяет множеством положительных черт, основными из которых можно назвать верность, бескорыстие, великодушие, преданность, готовность оказать помощь и т.д. Данный прием тем более интересен, что в древней китайской мифологии вышеозначенные персонажи изображаются в отрицательном ключе, причем исключения из этого правила крайне редки, буквально на уровне статистической погрешности.

В отдельных новеллах Пу Сунлина любовь «волшебной супруги» представляет собой вознаграждение, которое дается герою за ряд его положительных качеств, которые он демонстрирует по мере того, как разворачивается ткань произведения. Нередко волшебная дева сама приходит к герою произведения, прямо говоря о том, почему именно она пришла к герою, например: «Я так уважаю вас за вашу тонкую и высокую образованность...»; «Мне жаль вас, такого бедного...» [8, с. 48-61] и т.д. Далее такая волшебная героиня оказывает главному герою разнообразную помощь: она исправляет его судьбу, переписывая ее, ограждает его от опасностей, угрожающих его жизни и т.д. Зачастую в произведениях Пу Сунлина также присутствует мотив наказания главного героя за его распутную жизнь в прошлом, причем мотив наказания может обозначаться уже в самом начале произведения, часто еще до момента знакомства с будущей «чудесной женой» или «волшебной девой».

В новеллах Пу Сунлина, относящихся к более позднему периоду времени, реалистическое начало начинает превалировать над фантастическим. Так, например, жену молодого человека может похитить не князь, а просто богатый человек, причем предлог может быть более чем благовидным, например, уплата большого долга мужа. Можно говорить о том, что в более поздних произведениях Пу Сунлина конфуцианская идеализация, свойственная писателям анализируемого периода времени, постепенно ослабевает, практически сходя на нет в отдельных новеллах [1, с. 103]. Тем не менее, автор не хочет полностью исключать дидактическую составляющую композиции каждого отдельно взятого произведения, педалируя идею о том, что каждый поступок, вне зависимости от того, хороший он или плохой, добрый или злой, благородный или низменный, – ведет к соответствующему воздаянию: добро за добро, зло за зло и т.д. [5, с. 155]. В этом прекрасно прослеживаются ценности конфуцианства, основной из которых является идея о том, что каждое действие человека ведет к определенным последствиям.

Отдельные новеллы Пу Сунлина очень просты по сюжету. Например, в новелле «Товарищ пьяницы» [8, с. 70] речь идет о студенте, к которому стал приходиться лис-оборотень и пьянствовать вместе со студентом. Студент был небогат, и лис начал подсказывать ему, как раздобыть денег на рисовое вино, причем все предложенные лисом способы (подобрать деньги, лежащие на дороге, откопать клад, купить подсолнухов и дорого продать их во время засухи) не сопряжены с каким-либо

нечестивыми деяниями. Новелла заканчивается тем, что «...когда Чэ умер, лис больше уже не появлялся». В данном произведении также можно обнаружить тот постулат конфуцианства, о котором уже было сказано выше. Интересно, что лис не осуждает студента за пьянство, более того, он помогает ему оплатить пагубную страсть. В новелле не говорится о том, из-за чего умер Чэ, однако, можно предположить, что его сгубило пьянство.

Необходимо также несколько слов сказать об активном употреблении «говорящих» имен в новеллах Пу Сунлина. Так, например, в эпизоде с наречением героя именем, автор никак не объясняет, почему ребенку сначала дали имя Мэн, а потом переименовали его в Умэна. В русскоязычной версии этой новеллы имеется комментарий В.М. Алексеева, в ином случае у читателей, не владеющих китайским языком и знакомых с китайской культурой, не было бы возможности узнать о том, что имя главного героя является «говорящим». «Мэн» в китайской традиции означает «неистовый, неукротимый». Для того, чтобы мальчик перестал безобразничать, учитель переименовывает его в «Умэна», что в переводе с китайского означает «Не смей неистовствовать». В данном случае необходимо вспомнить о том, что в азиатском фольклоре существуют богатые традиции нарекать героев «говорящими» именами, имеющими магическое значение. Так, например, множество историй, в которых так или иначе поднимается тема «счастливых имен», имеются в героическом эпосе огузов «Китаби дедем Коркуд ала лисани таифеи огузан» («Книга моего деда коркуда на языке племени огузов»), в узбекском героическом дастане-эпосе «Алпамыш», в казахском героическом дастане-эпосе «Чура батыр» и множестве других.

Несмотря на тот факт, что многие писатели-предшественники и последователи Пу Сунлина активно использовали мифологическую базу в своих произведениях, все же возникает вопрос: почему автор настолько активно прибегает к иносказаниям и столь часто вводит в свои произведения сказочных существ? Можно предположить, что данный прием используется автором для того, чтобы привлечь внимание общества на пороки существующей государственной социально-экономической системы, причем сделать это таким образом, чтобы не навлечь на себя гнев цензуры и власть имущих. Ядовитая сатира автора направлена против бюрократии, которая была одной из основных составляющих государственного правления во времена маньчжурской династии, правившей Китаем вплоть до конца первого десятилетия XX века. Автор высмеивает узость мысли, попытки «задушить» подлинных таланты, насадить начетничество и т.д., что можно хорошо видеть в таких новеллах, как: «Святой Хэ», «Единственный чиновник» и др. Автор также с огромным осуждением относится к таким порокам, как зазнайство и высокомерие («Остров блаженных людей»), хвастовство («Даос с гор Лао»), невежество («Врачебное искусство Чжана»), скупость и корыстные устремления («Речь птиц» и др.), продажность («Как он решил дело»).

Будучи весьма образованным и разносторонне развитым человеком, Пу Сунлин не мог не понимать, что все те пороки, которые присущи Китаю описываемого им периода, крайне негативно сказываются на развитии свободной мысли людей, их талантов, тяги к знаниям и возможность состояться в жизни без необходимости продирается сквозь дебри бюрократии, кумовства и чиновничества. Не случайно главным героем-человеком его новелл выступает студент, причем, как правило, бедный студент, часто не имеющий даже необходимого минимума для выживания. Так, например, в новелле «Лиса-урод», описывая главного героя, автор говорит о нем следующим образом: «Студент Му из Чанша был совершенно бедный человек, так что зимой оставался без ватных одежд» [8, с. 75]. Дело в том, что в Китае времен Пу Сунлина предъявлялись очень высокие требования к человеку, желающему занять любую государственную должность. Для того, чтобы подтвердить свой уровень знаний и соответствие желаемой квалификации, студенту необходимо было выдержать крайне сложные многочасовые экзамены, на которых проверялись не только знания в конкретной области деятельности, но также и общая широта кругозора, начитанность, умение оперировать фактами и т.д. Все это вело к тому, что очень большой процент студентов не мог выдержать эти экзамены. У выдержавших, однако, была возможность достаточно быстро подняться по социальной лестнице, в особенности если человек не гнушался нечестными способами получения желаемого. Так, например, практически все чиновники, вне зависимости от ранга, были коррумпированными, практически все готовы были оказать большую благосклонность тому, кто больше заплатит, и т.д. Пу Сунлина, как передового мыслителя своего времени, возмущало такое положение дел, и он пытался бороться с ним единственным доступным ему способом – посредством своих фантастических историй, открывающих глаза людям на то, что творится в государстве.

Необходимо также отметить тот факт, что несмотря на обличительный пафос большинства новелл из сборника «Описание чудесного из кабинета Ляо», Пу Сунлину совершенно чужды пессимистические настроения. Наоборот, его короткие новеллы настолько светлые и жизнеутверждающие, что после их прочтения возникает ощущение, что автор – большой жизнелюб, уверенный в том, что все невзгоды обязательно отступят, причем тем быстрее, чем более нравственным будет поведение героя. Авто безоговорочно верит в то, что в любом человеке больше добра, чем зла, а значит, его гуманистическое начало обязательно возьмет верх над низменными порывами его души. Защита светлого в человеке выдвигает Пу Сунлина, гневного обличителя мракобесия во всех проявлениях, в ряды стойких, славных поборников идеалов гуманизма.

Подводя итог исследованию, проведенному в рамках заявленной темы, можно сделать ряд выводов, основные из которых заключаются в следующем:

1. Пу Сунлин, будучи одним из передовых авторов своего времени, сумел таким образом построить свои произведения, чтобы максимально понятно донести до читателя те идеи, которыми ему хотелось поделиться с миром.

2. В произведениях Пу Сунлина активно используется прием соединения чудесного и обыденного, что в принципе было свойственно китайским писателям того периода, о котором идет речь в данной статье.

3. Основными героями новелл Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо» являются люди (как правило, студенты) и сказочные существа – лисы-оборотни, духи, бесы, феи и т.д. В подавляющем большинстве новелл встречается образ лисы, которая либо мешает, либо помогает главному герою.

4. В качестве наиболее часто встречающихся классических сюжетов китайской литературы в анализируемом сборнике можно назвать следующие: встреча героя-человека с мифическими существами, либо помогающими решить какую-то проблему, либо, наоборот, наказывающими человека за его пороки; сюжет чудесного исцеления или спасения; сюжет наказания тех, кто живет, не принимая во внимание рамки этики, морали и норм жизни в обществе.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что творчество Пу Сунлина нуждается в дальнейшем исследовании отечественных литературоведов и филологов с точки зрения их взаимосвязи с предшествующими пластами китайской литературы, поскольку произведения этого автора, безусловно, занимают достойное место в золотом фонде мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, В.М. Китайская народная картина: духовная жизнь старого Китая в народных изображениях / Ответственный редактор Л.З. Эйдлин. Составитель М.В. Баньковская. Предисловие Б.Л. Рифтина, М.Л. Рудовой. Комментарий и библиография Б.Л. Рифтина / В.М. Алексеев. – М.: «Наука», ГРВЛ, 1966. – 258 с.
2. Аликберова, А.Р. Китайская литература Нового времени XVII в. – начало XX в.: учеб. пособие / А.Р. Аликберова. – Казань, Казан. ун-т, 2014. – 244 с.
3. Алимов, И.А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня / И.А. Алимов // Религиозный мир Китая: Труды Института восточных культур и античности. – М.: РГГУ, 2006. – Вып 9 – С. 239–266.
4. Ершова, Ю.А. Китайский поздний прозаический сказ и книжная новелла / Ю.А. Ершова // Вестник РГГУ. – 2014. – № 6 – С. 177–193.
5. Ершова, Ю.А. Сюжеты и мотивы китайских поздних прозаических сказов / Ю.А. Ершова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 5 (90) – С. 151–157.
6. Зиямухамедов, Ж. Пу Сунглинг ва ўрта аср хитой новеллалари.: монография / Ж. Зиямухамедов. – Ташкент, типография “Чўлпон”, 2016. – 264 с.
7. Логинова, Т.А. Традиционное представление о лисице-оборотне в китайской культуре / Т.А. Логинова // Язык и культура. – 2016. – № 21 – С. 31–36.
8. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / пер. В.М. Алексеев. – М.: Худож. лит., 1988. – 558 с.
9. Соловьева, А. Жемчужины китайской литературы / А. Соловьева. – 14.04.2014. – Режим доступа: <http://rareearth.ru/ru/pub/20140414/00558.html>. Дата обращения: 25.01.2021.

Материал поступил в редакцию 03.02.21

**CLASSIC PLOTS OF CHINESE LITERATURE
AND THEIR REFLECTION IN THE NOVELS OF PU SONGLING**

Zh.T. Ziyamukhamedov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Department of Chinese Philology, Faculty of Chinese Studies
Tashkent State University of Oriental Studies, Uzbekistan

***Abstract.** This article is devoted to the analysis of the features of the reflection of classical subjects of Chinese literature in the collection of Pu Songling "Description of the miraculous from the cabinet of Liao". The author analyzes in detail the features of Pu Songling's work in the context of the period of time in which the author lived and worked. Summing up the research, the author makes a general conclusion that the most common subjects of Chinese literature are widely used in Pu Songling's novels: encounters with the supernatural, miraculous healing, as well as punishment for inappropriate behavior or lifestyle.*

***Keywords:** classical Chinese literature, plot, collection, supernatural, fox, author, student, short story, collection.*

Russian Literature
Русская литература

УДК 82-32

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «КАВКАЗ»*

Лю Цзыюань¹, Мяо Хуэй²¹ кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка,² кандидат культурологии, профессор кафедры русского языка¹ Цзямусский университет,² Цицикарский университет, Китай

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности хронотопа рассказа И.А. Бунина «Кавказ». Автор исследования приходит к заключению, что неоднородная структура хронотопа рассказа, его контрастная суть и противоречивость служат отражению антитетичных образов системы героев, выражению неоднозначного отношения автора к понятию «любовь». Бунин показывает контрастную суть любви и переносит это понимание на систему противопоставленных образов персонажей: я – она – он (я – она, он – она, я – он).*

***Ключевые слова:** русская литература начала XX века, И.А. Бунин, рассказ «Кавказ», хронотоп, система образов, позиция автора.*

По мнению М. Бахтина, «приметы времени раскрываются в пространстве», а «пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 341]. Между тем хронотоп как важный элемент художественного произведения отражает не только взаимосвязь между временем и пространством, но и своеобразие авторской позиции, особенности черт созданных писателем персонажей, помогает формированию специфики сюжета.

Рассказ И.А. Бунина «Кавказ» впервые был опубликован в парижской эмигрантской газете «Последние новости» 14 ноября 1937 года. Как отмечают исследователи, основная мелодия цикла рассказов «Тёмные аллеи» – любовь, как правило, неудавшаяся любовь, память и разлука авторского персонажа. И в рассказе «Кавказ» Бунин продолжит размышлять о сути любви, о ее противоречиях, чему, несомненно, способствует сложный и неоднозначный хронотоп рассказа.

В рассказе «Кавказ» Бунин создаёт три картины мира, соответственно им три хронотопа: Москва, поезд, Кавказ. Героев в рассказе тоже три: «я», «она» и «он» (где «я» обозначает не самого автора, но рассказчика). Например, «приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею» [3, с. 127]. Как видно, уже с самого начала хронотоп характеризует не только ограниченное пространство, в котором оказался персонаж, но психологическое состояние героя.

Обратим внимание: события происходят в большой Москве, но я-рассказчик выбирает незаметный номер в переулке возле Арбата. Хронотоп знаменует противоречия: Арбат находится в центре Москвы, это большая оживлённая улица, но номер — «незаметный» и «в переулке» [3, с. 127]. Это означает, что рассказчик по понятным причинам не хочет быть на виду, быть замеченным другими, особенно «её» мужем (он-герой). Хронотоп раскрывает систему отношений между героями: «я» и «она» любовники, «он», муж, — их антипод.

По словам «осенние вечера», «лето уже прошло и не вернётся» можно установить художественное время рассказа и первых картин в частности — это осень. Осенние вечера у Бунина обычно холодные, грязные, мокрые, вызывают тяжёлое чувство героев. В том числе и поэтому герои-любовники — «я» и «она» — стремятся покинуть это мрачное пространство и устремиться в другое, свободное и счастливое, светлое и доброжелательное — уехать на Кавказ, обрести (хотя бы временное) счастье.

Пространство первой картины — маленький номер, замкнутое пространство. Второй хронотоп предлагает путь к другому пространству, большому и безграничному, и на этом пути вокзал — уже более открытое место. Определённый сюжетный этап.

Но и здесь герои снова оказываются не одни, они среди «других» людей. Более того появляются не только разные люди, но и предметы, вещи: и герой и героиня снова оказываются противопоставлены обществу — толпе, и по-прежнему мужу, невидимому пока «он»-герою.

Поездка в поезде меняет пространство и время повествования. Выстраивается хронотоп «дороги», который означает *путь*, надежду на новую жизнь.

Между тем пространство у Бунина по-прежнему не обретает цельности: тесный и душный вагон противопоставляется миру за окнами, широким дорогам и бескрайней равнине: «ровная <...> степь», «широкие дороги», «безграничный простор» [3, с. 129]. Пространство в вагоне и пространство за окном разные, антитетичные. Гармонии в мире влюблённых не наступает.

По мере того, как поезд идёт дальше, пространство за окнами начинает наполняться трагическими чертами-деталью, образами-мотивами, знаками. Акцентируется дорожная пыль, законная испепеляющая жара, даже образы цветов оказываются символическими — «смертными», «могильными». Яркость живой жизни («будки с канареечными кругами подсолнечников и алыми мальвами в палисадниках» [3, с. 129]) противопоставляется (будущей, грядущей, уже ожидаемой) смерти.

Поначалу кажется, что иной хронотоп выстраивается на Кавказе. Даже осень Кавказа не имеет ничего общего с осенью в Москве — она тепла и солнечна. Однако образ Кавказа в рассказе Бунина снова дробится, появляются две линии: путь от Геленджика и Гагры до южного берега («я» и «она»); другой — из Геленджика и Гагр до Сочи («он»). Эти пути (и их события) идут параллельно, но в разных пространствах и с разными героями.

В Геленджике и Гагре происходит что-то, что не описал автор, здесь время героев сжимается. Но Бунин подробно описывает утренний пейзаж, вечерний пейзаж в лесу, пейзаж на деревенском базаре, пейзаж берега моря.

Утром в лесу: «Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор...» [3, с. 130]. Эта картина наполнена радостью, чистотой, светом, волшебными ароматами — все это как бы очищает человеческую душу от греховности, и душа человека становится всё более сильной и чистой.

Но тут же Бунин изображает ночь. «Ночи были теплы и непроглядны...» [3, с. 130], в такую ночь все «в чёрной тьме», вокруг «глухо», звучит «заунывный», «безнадёжный вопль», поднимается «поздняя луна», «страшные тучи», «злая буря», «шумная гробовая чернота лесов», слышны «допотопные удары грома», «мякали орлята, ревел барс, тьякали чекалки...» [3, с. 131]. В ночной картине обнаруживают себя черты тревоги, даже страха. «Эти картины как бы подводят к трагическому финалу — смерти одного из героев.» [1, с. 47]

Вместо описания героев Бунин дал описание пейзажа. Он создал пейзаж утренний и вечерний. Время разное, пейзажи разные — и, как следствие, отношения и настроение героев тоже различное. Утро — начало нового дня, оно полно света, ночь — конец дня, мир покрывает темнотой, которая предвещает финал истории, трагедию героев. Бунин противопоставил пейзаж света и темноты, и тем самым через «суточный» хронопот показал два лика любви: ее свет и тьму, счастье и боль, приносимые ею.

Береговой, морской хронотоп рассказа включает в себя, кажется, спокойную, равномерную, красивую жизнь героев. Но видимость благополучия и бесконечности счастья героев призрачна. Смена дневного и ночного хронотопа словно предупреждает героев (и читателя) о грядущей трагедии.

Кавказский «двойственный» хронотоп разрабатывает и другую линию («он») — муж в поисках жены приехал на Кавказ, искал «её», не смог найти, и это подтвердило его предположение об измене. В конце концов герой решает покончить жизнь самоубийством, чтобы защитить «свою честь, честь мужа и офицера» [3, с. 127]. Финал рассказа разрешён: прекрасный кавказский хронотоп — противоречивый и неоднозначный — становится фоном для разворачивания трагических событий.

В этом рассказе Бунин не повествует о прошлом и будущем героев, он сужает время событий в несколько дней и даже эти несколько дней описывает не полностью, а избирательно. Причем главная особенность рассказа (и, следовательно, специфика хронотопа) — контраст: открытое пространство и замкнутое, город и природный мир, горы и море, утро и вечер, день и ночь, холодная осень в Москве и жаркая осень на Кавказе, а в итоге — контраст счастья и несчастья, любви и разочарования, жизни и смерти.

Таким образом, можно сделать заключение, что хронотоп рассказа «Кавказ», противоречивый по своей сути, помогает писателю отразить контрастность окружающей его жизни, тех обстоятельств, в которых оказываются его герои. Бытовое пространство героев служит для автора способом выражения бытийных слагаемых человеческого мира.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Хэйлунцзянского провинциального отдела народного образования в рамках научного проекта «Молодежной инновационной программы между общими вузами бакалавриата в провинции Хэйлунцзян в 2020 г.», № UNPYSCT-2020058*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абулова, Е.А. И.А. Бунин и Кавказ / Е.А. Абулова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2005. – № 3-4. – С. 47–51
2. Бахтин, М.М. Собр. Соч. / М.М. Бахтин. – М.: Языки славянских культур, 2012. – Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). – 880 с.
3. Бунин, И.А. Собр. соч.: в 6 т. / И.А. Бунин. – М.: Лисс, 1994. – Т. 4. Рассказы. – 448 с.

Материал поступил в редакцию 13.02.21

FEATURES OF THE CHRONOTOPE IN THE STORY OF I. BUNIN “THE CAUCASUS”

Liu Ziyuan¹, Miao Hui²

¹ PhD in Philology, Teacher of the Department of Russian Language

² PhD in Cultural Studies, Professor of the Russian Language Department

¹ Jiamusi University,

² Qiqihaer University, China

Abstract. *The article discusses the features of the chronotope of the story of I. Bunin “Caucasus”. The study’s author concludes that the heterogeneous structure of the chronotope of the story is pure contrast. The inconsistency is reflected antitetic images of heroes. The contrast expresses the ambiguous relationship of the author to the concept of “love”. Bunin contrast shows the essence of love. He brings this understanding to the system of the opposed images of the characters.*

Keywords: *Russian literature of the early twentieth century, Ivan Bunin, “The Caucasus”, chronotope, the system of images, the position of the author.*

УДК 80

ИСТОРИЦИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

Уччелло Ирис, аспирант

Санкт-петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению возможного применения современных исторических теорий в области литературоведения и в особенности в русской литературе. Преимущественно рассматривается итальянская микроистория и теории, сближающие исторический нарратив к литературному. В современных исторических науках нет больше чёткого разделения между историей и литературой, такое положение открывает новые исследовательские возможности для литературоведа.*

Ключевые слова: *микроистория, новый историзм, русская литература XIX века, история, историографического поворота, текст, постмодернизм.*

Микроистория и Новый историзм – это два направления, принадлежащие к новой исторической концепции, развивающейся в рамках постмодернистской парадигмы. Во второй половине XX века учёные стали отказываться от позитивистского взгляда на историю, и она начала восприниматься совершенно иначе, чем раньше. Можно указать два основных аспекта этого «историографического» переворота. Прежде всего, постмодернисты стали трактовать ход истории через понятие «текст». Если история текстуальна, то она подлежит интерпретации, исторический факт может передаваться посредством языковых приемов, и потому язык формирует исторический нарратив. Соответственно, возникают новые вопросы в изучении истории, касающиеся искажений фактов, роли идеологии и масштабов исторического исследования. Второй аспект исторического переворота заключается в вопросе о том, как писать историю во время кризиса больших нарративов.

Мы допускаем, что оба положения имеют большое значение в изучении русской литературы. Говорить о текстуальности истории, значит признавать ее филологический аспект. Более того, история приближается к литературному тексту, так как им обоим присущи сходные условия возникновения, строения и функционирования. Такой подход привёл к идее о риторичности истории, например, в теории «метаистории» Хейдена Уайта [7]. Исследователь фактически рассматривает исторический рассказ как литературный. Архивы, исторические документы и источники ничего не могут рассказать, рассказывает только историк. Однако даже если он стремится говорить о самой реальности, риторике невозможно отменить, репрезентация реальности без тропов и риторики невозможна.

Микроистория и все современные исторические теории близки филологии, поскольку в поле их обсуждения важнейшую роль играет язык. В микроистории важная идея о личном вкладе человека, роли идеологии, маленьком событии, и все это роднит ее с литературоведением.

С.Н. Зенкин в статье «Микроистория и филология» рассматривает сходство филологии и микроистории.

Несмотря на все сходства между историей и филологией, Зенкин заявляет о чёткой границе, разделяющей эти науки. Текст, в отличие от истории, литературный текст «все равно останется интеллектуальным конструктом, а не материальным объектом» [3, с. 370]. С другой стороны, историки работают с материальными объектами, источниками, документами прошлого, поэтому и в историческом тексте присутствует интенция автора, история является текстом историков.

Зенкин проводит границу между филологией и историей, заявляя, что литературный текст может существовать сам по себе без опоры на реальность. Мы наоборот считаем, что необходимо всегда излагать историческую действительность. Несмотря на то, что смысл текста не может быть сведён к исторической действительности, игнорировать ее нельзя.

В итальянском литературоведении техника исторического письма самого главного представителя микроистории была сопоставлена со стилем Алессандро Мандзони в работе Лука Поччи «Гинзбург и Мандзони: между историей и романом» (Итал. Ginzburg e Manzoni: Tra storia e romanzo) [6].

Работа учёного интересна тем, что она через анализ литературного и исторического произведения подтверждает установленную современной историографией связь между двумя нарративами.

Возможно ли применить эти историографические методологии в литературоведении? И как это возможно?

Мы полагаем, что микроистория применимая особенно к литературе XIX века. Когда речь идёт о русской литературе, необходимо иметь в виду важный фактор — литературоцентризм русской культуры. Для русской литературы, в особенности XIX века, характерно не только влияние общественных процессов на литературу, но также и влияние литературы на общественные процессы культуры. Психолингвист Ю.А. Сорокин провёл интересный эксперимент, в котором и русские, и американцы должны были назвать ассоциации с определёнными странами и с Америкой. Выявилось, что «Россия доминантно представлена в сознании россиян и американцев русскими писателями» [4, с. 1051]. Этот факт интересен тем, что показывает, что даже в восприятии обычных людей, и не только русских, но и иностранцев, литература оказывается на первом месте как выражение российской культуры.

Этот аспект оправдывает намерение изучать литературу с помощью исторических подходов. Возможно, литературное произведение стоит рассмотреть как исторический рассказ. Доказательством этого могут служить отклики современников на последний роман Толстого «Воскресение».

Сделать равными литературу и историю полностью нельзя, но нельзя и не осознать общие свойства двух дискурсов, особенно в России.

Невозможно литературу и историю рассматривать как единый дискурс, но нельзя и не отметить общие для этих дискурсов свойства, особенно в русской литературе.

Мы полагаем, что изучение литературы XIX века через призму современных исторических теорий, таких как микроистория и новый историзм, позволяет увидеть данный литературный период в новом свете. Изучение таких политических, общественных, религиозных аспектов художественного произведения помогает лучше понять творчество его автора.

Например, при анализе судебного процесса в произведениях Достоевского, нами было выявлено искажение фактов писателем. Мы рассмотрели описание громкого судебного дела (дело Кроуленберга) в оценке писателя и в его литературном произведении. При анализе записей судебного дела, их отражения в публицистике Достоевского и других писателей, таких как П.Д. Боборыкин, М.Е. Салтыков-Щедрин и А.С. Суворин, нами была выявлена условность рассказа [5]. Версии отличались друг от друга, к тому же риторика, использованная в суде, остро осуждённая Достоевским, оказалась инструментом самого писателя как в публицистических текстах, так и в литературных. Судебное разбирательство, в особенности риторические приёмы адвоката и прокурора, становясь художественным материалом в романе «Братья Карамазовы», не были представлены в своём первоначальном виде, но искажены определёнными представлениями писателя.

Микроистория свидетельствует о «незначительных» событиях, в нашем случае, это судебное заседание, которое позволило рассмотреть его с разных точек зрения. К тому же, такое событие становится частью большой истории. Такой подход дает возможность раскрыть историю в ее полноте, а не только в генерализации.

Итак, мы полагаем, что история и литература тесно взаимосвязаны и направление микроистории в литературоведении дает возможность лучше изучить автора, его стиль и исторический период произведения. Нами видится полезным всестороннее изучение произведения, учитывая и язык описания фактов, и то, как меняется сам исторический факт в литературе и почему он меняется. В этой связи видится особенно важным изучение документов, в которых отражаются важные исторические события. В работе Гинзбурга «Историк и судья» присутствуют две фигуры: судья и историк, которые стараются понять исторические факты, но судья судит, а историк объясняет [2]. Мы полагаем, что историк, и в том числе историк литературы, не только должен объяснить, но и понимать и судить, чтобы отделить историю от идеологии. Несмотря на то, что микроистория в литературоведении еще не прижилась, она может стать актуальным подходом в литературоведении.

Примечание

¹ См. Бабаев Э. Г. Судьба "Воскресения. см. онлайн: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/babaev-sudba-voskreseniya.htm> (Дата обращения: 08.10.2020)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, Э.Г. Судьба "Воскресения. см. онлайн: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/babaev-sudba-voskreseniya.htm> (Дата обращения: 08.10.2020)
2. Гинзбург, К. Судья и историк. Лекция на non/fictio№/weekend/online См. онлайн: <https://weekend2online.moscowbookfair.ru/karlo-ginzburg.-sudya-i-istorik.html> (дата обращения: 12.12.2020).

3. Зенкин, С.Н. Микроистория и филология / С. Н. Зенкин // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Альманах. 2006 / под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. – Л.: Наука, 2007. – С. 1049–1063.
4. Сипко, Й. Начало русского литературоцентризма: от сказок к известным авторам / Й. Сипко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – № 4. – 2016. – С. 1049–1063.
5. Уччелло, И. Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского / И. Уччелло // Мир русского слова. – № 4. – 2019. – С. 48–54.
6. Poggi, L. Ginzburg e Manzoni: Tra la storia e il romanzo / L. Poggi // Italica. – № 2. – 2012. – pp. 219–235.
7. White, H.V. Historicism, History, and the Figurative Imagination / V. H. White // History and Theory. – Vol. 14. – № 4. – 1975. – pp. 48–67.

Материал поступил в редакцию 15.02.21

HISTORICISM AS A TOOL OF A LITERATURE THEORIST

Uccello Iris, Postgraduate Student
Saint Petersburg State University, Russia

Abstract. *The article is devoted to the possible application of modern historical theories in the field of literary studies and especially in Russian literature. Italian micro-history and theories that bring the historical narrative closer to the literary one are mainly considered. In modern historical sciences, there is no longer a clear division between history and literature, this situation opens up new research opportunities for the literary theorist.*

Keywords: *microhistory, new historicism, Russian literature of the XIX century, history, historiographical turn, text, postmodernism.*

Literary Theory. Textology
Теория литературы. Текстология

УДК 80

ПОЭТИКА ВОСПОМИНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУ СИНЯ

С.В. Жилияков, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента
Старооскольский филиал федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается особенность поэтики сборника стихотворений в прозе китайского писателя и мыслителя Лу Синя. В частности, выявляется на текстуальном уровне, что в основе структурообраза большого количества произведений представленного сборника выступает феномен воспоминания. Он является не просто доминирующим, но и поэтологическим – мировоззренческим по своему основному принципу – многообразному представлению субъекта организации поэтической речи. Последний указывает на его соотносимость с реинкарнацией – переселением души из одного состояния в другое. В этой связи многочисленность точек зрения на современную действительность сквозь призму вечного кругообращения души, воплощённой в метафоре огня и составляющей главный текстообразующий стержень, свидетельствует о единстве прапамяти как кумулятивной стихии человеческой культуры.*

***Ключевые слова:** поэтика, мироотношение, стихи в прозе, прапамять, воспоминание.*

Один из крупнейших китайских писателей начала XX века, Лу Синь (настоящее имя – Чжоу Шужэнь) (1881-1936), от которого берет своё начало современная китайская литература, в «Кратком предисловии» к своему сборнику стихов в прозе «Дикие травы» (1924-1927) писал: «На грани света и тьмы, жизни и смерти, прошлого и будущего я приношу эти дикие травы в дар другу и врагу, человеку и зверю, любимым и нелюбимым – как моё свидетельство. Во имя себя самого, во имя друга и врага, человека и зверя, во имя любимых и нелюбимых я мечтаю о том, чтобы дикие травы умерли и истлели, чтобы как можно скорее пришел огонь» [3, с. 292].

Конечно же, метафорический язык, обилие образов китайской традиционной культуры непорочному читателю покажутся непонятными и скрывающими настоящий смысл книги писателя. Отчасти, это так. В оправдании нужно сказать, что, действительно, Лу Синю приходилось писать во времена реакции Чан Кайши, что само по себе уже требовало от писателя «тёмного» стиля, а во-вторых, способ трансляции поэтического текста в пограничном сознании, находящимся между прошлым и будущим, означает нечто иное, как поток воспоминания. Он ввиду его свойства представляет собой ассоциативное, часто нелогическое, сплетение смыслов. Воспоминание по своей природе – парадоксальный феномен, с одной стороны, как бы относящийся к прошлому, а с другой – актуализирующий его, поскольку самого прошлого уже не существует в момент его представления в настоящем. Цель автора поэты – показать мираж прошлого, который только «привёл» настоящее, а сам, послужа этому, исчез. Вот почему образ огня, поглощающего дикие травы (символ безмятежного и свободного прошлого) так важен для Лу Синя. Демонстрируя то, что осталось от прошлого – воспоминания – Лу Синь прибегает к разным поэтическим приёмам. Об этом и пойдет речь.

Образ лирического героя «Диких трав» Лу Синя вещает из центра бытия – китайского Дао, того Единого, которому соответствует «Срединное состояние “всего во всем”» [1, с. 152]: граница всех мыслимых разделенностей, так называемых, бинарных оппозиций – жизнь и смерть, друг и враг, свет и тьма и проч. В помощь лирическому герою приходит пустота-молчание, ассоциируемая с «недеянием» (увэй) – соответствующим типом мироотношения, которым тот руководствуется, согласно сложившейся традиции даосизма: «Когда я молчу, я чувствую полноту жизни...» [3, с. 291]. Все

дальнейшее лирическое описание-повествование пронизывает своей бесконфликтностью, прагматичностью сборник. Для этого и понадобилось введение образа сна – нейтрального состояния с отсутствием активности, в котором и происходит нарративность многих стихотворений в прозе.

Сон как образ сознания, погруженного в самое себя, взаимосвязанного с явью и памятью (с последней, повторимся, ассоциирован своей рубежностью), становится лейтмотивом-рефреном всего сборника, оформленным в зачинах многих стихотворений в прозе: «Мне снится, будто я мчусь среди ледяных гор» [3, с. 310] («Мёртвый огонь»); «Мне снится, будто я прохожу узким переулком» [3, с. 312] («Возражение собаки»); «Мне снится, будто я лежу в постели, в холодном диком поле, у самой преисподней» [3, с. 313] («Прекрасный, но потерянный ад»); «Мне снится, будто я перед могильной плитой и читаю вырезанные на ней слова» [3, с. 314] («Надгробная надпись»); «Мне снится, будто я вижу сон» [3, с. 315] («Дрожь в предчувствии гибели»); «Мне снится, будто я сижу в классе начальной школы и готовлюсь писать сочинение» [3, с. 317] («Суждение»); «Мне снится, будто я умер на дороге» [3, с. 318] («После смерти»).

Нарочито поэтика воспоминания в большей степени проявляется в «Засушенном листе»: «При свете лампы читаю «Яньмэньци» и вдруг нахожу меж страниц засушенный кленовый лист. Это рождает у меня воспоминания о поздней осени прошлого года» [3, с. 324].

Такой многоликий лирический субъект – организатор поэтической речи – подсказан Лу Синю центральным принципом китайской традиционалистской философии – буддизмом – реинкарнацией. Переселение души, ее метемпсихоз вторит самому названию сборника «Дикие травы» в его репрезентации различных состояний человеческого существования, подобного многообразию растительного мира. Это дает возможность автору сборника стихотворений в прозе взглянуть на себя и на мир с самых различных позиций – с точки зрения мертвеца, нищего и проч. Так в указанных стихотворениях в прозе воплощены поэтологические и текстологические характеристики, а сам принцип ведения лирического повествования обнаруживает сродство с поэтикой литературы «потока сознания» с той лишь разницей, что он в данном случае интегрируется с реинкарнационной сущностью единства человеческой памяти, собранной с помощью воспоминания по лоскуткам, подобно листьям травы, в один пучок Дао.

Так как Лу Синь придерживался и оставался до конца верен даосизму, главным принципом которого является вездесущий, вечный, единый Дао – путь, то через все творчество он пронёс соответствующие идеи. Следование Дао – в одно и то же время единому и многоликому – есть главная цель в жизни человека, заключающаяся в том, чтобы не идти наперекор естественному порядку вещей, согласно которому «все во всем» находится в едином потоке существования – несуществования, временности – вечности, жизни – смерти, прошлого – будущего, прапамяти – воспоминания.

Воспоминание, как мы говорили выше, у Лу Синя символизируется сном, который, образуя переходное состояние между жизнью и смертью, продуцирует серию актов метемпсихоза, в конце концов, подготавливающих душу к пробуждению, к возврату в исходное состояние – к самому себе. Отсюда логично наименование финального стихотворения в прозе – «Пробуждение». Напрашивается сравнение с заключительной четвертой строфой «Прапамяти» (1918) Н.С. Гумилева: «Когда же, наконец, восставши / От сна, я буду снова я, – / Простой индеец, задремавший / В священный вечер у ручья?» [2, с. 176].

Таким образом, поэтика воспоминания в творчестве Лу Синя – явление индивидуально-авторское, а значит – стилистическое. В то же время она (шире) есть показатель симптома времени – переходного периода конца XIX-XX века, времени обращения многих европейских и азиатских культур к человеческим истокам [4] – прапамяти, в попытке отыскать там истину и ответить на главный вопрос: что же такое человек?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева, Т.П. Дао и логос: (Встреча культур) / Т.П. Григорьева. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. – 672 с.
2. Гумилев, Н.С. Стихотворения / Н.С. Гумилев. – М.: Эксмо, 2019. – 288 с.
3. Синь, Лу. Повести и рассказы / Лу Синь // Библиотека всемирной литературы. – Серия третья. – Т. № 162. – 496 с.
4. Шахматова, Е.В. Метемпсихоз в культуре Серебряного века / Е.В. Шахматова // Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 183–196.

Материал поступил в редакцию 19.02.21

THE POETICS OF MEMORY IN LU XIN'S WORKS

S.V. Zhilyakov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Management
Sary Oskol Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education “Belgorod State National Research University”, Russia

***Abstract.** The article examines the peculiarity of the poetics of the collection of poems in prose by the Chinese writer and thinker Lu Xin. In particular, it is revealed at the textual level that the structure of a large number of works of the presented collection is based on the phenomenon of memory. It is not just dominant, but also poetological – ideological in its basic principle – the diverse representation of the subject of the organization of poetic speech. The latter indicates its correlation with reincarnation – the transmigration of the soul from one state to another. In this regard, the multiplicity of points of view on modern reality through the prism of the eternal circulation of the soul, embodied in the metaphor of fire and constituting the main text-forming core, testifies to the unity of ancestral memory as a cumulative element of human culture.*

***Keywords:** poetics, attitude to the world, prose poetry, pre-memory, recollection.*

УДК 811.133.1

**О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ****С.В. Кузнецова**, старший преподаватель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются возможные пути формирования социокультурной компетенции студентов неязыковых специальностей в обучении иностранному языку в вузе. Новизна исследования состоит в том, что использованная автором образовательная платформа была впервые апробирована в группах студентов второго года обучения неязыкового вуза, изучающих французский язык «с нуля». Проведенное исследование показало, что применение социокультурного подхода к обучению иностранному языку на базе учебной веб-платформы “Français Authentique” может оказать положительное влияние на развитие социокультурной компетенции обучающихся.*

***Ключевые слова:** образовательная платформа, развитие социокультурной компетенции, французский язык, обучение иностранному языку, аудиотексты, контент.*

Современный информационный и глобализирующийся мир предъявляет новые требования к иноязычной подготовке будущих специалистов в системе высшей школы. В настоящее время высшее образование нацелено на формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов, благодаря которой в будущем выпускники будут способны моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур; преодолевать влияния стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения; соблюдать правовые и этические нормы в профессиональной деятельности, включая социокультурные различия, принятые в инокультурном социуме; ориентироваться в системе общечеловеческих ценностей и ценностей мировой и российской культуры [4]. Последние социологические исследования по межпоколенческому анализу показывают необходимость «учить большинство студентов именно академическим навыкам, как дженералистским, то есть навыкам эффективной и корректной коммуникации, умениям обнаруживать и решать важные проблемы, умениям работать по четким, воспроизводимым процедурам» [6], которые нужны буквально на любом рабочем месте. В этой связи, была предпринята попытка изучить проблематику формирования социокультурной компетенции у студентов и определить возможные пути ее развития в обучении иностранному языку в вузе, в частности, на примере использования образовательной веб-платформы в учебном процессе. В свете изучения существующих подходов к определению «социокультурной компетенции» в настоящее время заслуживают внимания работы А.И. Иванченко [3], В.В. Сафоновой [8], Н.Д. Гальсковой [2], Е.И. Пассова [5]. Исследования этих авторов подтверждают тезис о том, что формирование и развитие социокультурной компетенции у обучающихся, как части иноязычной коммуникативной компетенции, способствует лучшему достижению самого учебного результата. В статье мы рассматриваем ряд новых аспектов социокультурного подхода к обучению иностранному языку в вузе, посредством использования образовательной платформы “Français Authentique” [16] и проведения соответствующего диагностического исследования среди групп обучающихся.

Социокультурная компетенция

Широкое освещение проблема социокультурной компетенции, как составная часть иноязычной коммуникативной компетенции, получила в XXI веке [12]. Рассмотрим существующие трактовки определения «социокультурная компетенция». Как отмечается многими известными отечественными учеными-лингвистами и преподавателями-методистами в этой области (А.И. Иванченко [3],

В.В. Сафонова [8], Е.Н. Соловова [9], Г.В. Рогова [7], Е.И. Пассов [5], И.Л. Бим [1] и др.), социокультурная компетенция включает в себя совокупность знаний о национально-культурных особенностях страны изучаемого языка (знаний лингвострановедческих, страноведческих, культурологических), а также способность пользоваться такими знаниями в процессе общения с носителями языка. Социокультурный аспект в обучении иностранному языку – это тот фундамент, на котором формируются знания о реалиях, нравах, обычаях, традициях, особенностях национального менталитета страны изучаемого языка; знания и навыки коммуникативного поведения в актах речевой коммуникации; навыки и умения вербального и невербального поведения. Так, исследователь А.И. Иванченко определяла социокультурную компетенцию «как способность организовать свое речевое и неречевое поведение с носителями языка в соответствии с его субъективными характеристиками и национально-культурной спецификой; как социолингвистические и страноведческие знания» [3, с. 20]. В.В. Сафонова считала, что социокультурная компетенция включает в себя умения осуществлять речевое поведение в соответствии со знаниями о национально-культурных особенностях страны изучаемого языка, а также готовность и способность жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире [8, с. 6]. Профессор Е.Н. Соловова отмечала, что социокультурная компетенция является инструментом воспитания международно-ориентированной личности и предполагает усвоение обучающимися социального опыта, традиций, их учет в процессе взаимодействия, а также преодоление страха и недоверия по отношению к другим культурам. Социокультурная компетенция тесно связана с процессом обучения самому языку, то есть с формированием лингвистической компетенции [9]. И.Л. Бим пришла к заключению о том, что изучение иностранного языка ориентировано прежде всего на формирование пяти составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, важной из которых является социокультурная компетенция – овладение фоновыми знаниями, страноведческими, общекультурными знаниями, навыками и умениями [1, с. 30]. Профессор Е.И. Пассов признавал, что процесс иноязычного образования заставляет обучающегося находиться в диалоге культур – родной и иностранной [5, с. 21]. «Усвоение социокультурных знаний и умений должно научить обучающихся воспринимать и понимать феномены иной культуры в их сопоставлении с собственной, исходящей культурой», – писала Н.Д. Гальскова [2, с. 48]. В то же время, зарубежные исследователи трактуют социокультурную компетенцию как способность к коллективным действиям и сформированные навыки и стратегии социального взаимодействия [11]; навыки позитивного межличностного общения; умение выбрать эффективную стратегию взаимодействия; умение ненасильственно разрешать конфликты; способность узнавать и реагировать на культурные различия социально приемлемым способом [15, с. 161]. Мы видим, что западные исследователи рассматривают социокультурную компетенцию как вспомогательную по отношению к социолингвистической и налицо так называемый деятельностный подход к процессу обучения. Проанализировав различные трактовки этого понятия, можно согласиться с выводом большинства исследователей о том, что под термином «социокультурная компетенция» подразумеваются лингвострановедческие, страноведческие, социолингвистические знания и умения, адекватно используемые в межкультурной коммуникации. Следовательно, процесс формирования социокультурной компетенции будет означать расширение объема лингвострановедческих и культурологических знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения; углубление знаний о стране изучаемого языка, о науке и культуре, исторических и современных реалиях, общественных деятелях, положении страны в мировом сообществе, вкладе в мировую культуру, взаимоотношениях с нашей страной; расширение объема лингвистических и культуроведческих знаний, навыков и умений, связанных с адекватным использованием языковых средств и правил речевого и неречевого поведения в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка. Если речь идет о социокультурном аспекте в содержании обучения иностранным языкам, то В.В. Сафонова определяла его как «взаимосвязанное коммуникативное и социокультурное развитие личности изучающего иностранный язык средствами этого языка» [8, с. 12]; по мнению И.Л. Бим, современный подход к обучению предполагает сделать особый акцент на социокультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции, это должно обеспечить культуроведческую направленность обучения, включение обучающихся в диалог культур [1]. А.Н. Тубельский считал, что задачи современного образования призваны решить приближенные к содержанию жизнедеятельности человека подходы, такие как культурологический, антропологический, компетентностный и деятельностный [10, с. 7]. Г.В. Рогова писала, что в программу обучения иностранному языку «обязательно должен быть включен речевой материал разного уровня, в том числе тексты для аудирования и чтения, которые должны содержать страноведческие сведения по географии, истории, социальной жизни»

[7, с. 103]. Таким образом, социокультурный аспект содержания обучения иностранным языкам представляет собой совокупность различных социокультурных, страноведческих и лингвострановедческих знаний, а именно:

- страноведческие «энциклопедические» знания (история, география и т.д.);
- знания реалий повседневной жизни (культура, быт, образ жизни и т.д.);
- знания национальных ценностей в обществе (мнения, стереотипы, особенности менталитета);
- социокультурные знания (современная информация о стране, о культурных традициях, религиозных и духовных ценностях, о различных этнических группах, говорящих на этом языке);
- лингвострановедческие знания (коннотации лексических единиц, безэквивалентная лексика, крылатые выражения).

Значение социокультурного аспекта в содержании обучения иностранным языкам заключается в том, что он предполагает не только информирование о стране изучаемого языка, но и способствует осмыслению феномена собственной национальной культуры сквозь призму иноязычной культуры. Так, Е.И. Пассов писал, что «вхождение в мир иностранной культуры может в высшей степени способствовать развитию личности обучающегося как субъекта родной культуры» [5, с. 21]. В процессе обучения иностранному языку, важным условием для развития социокультурной компетенции студентов, для познания лингвострановедческих особенностей страны изучаемого языка может стать использование и применение подкастов образовательной платформы «Français Authentique» [16] формата онлайн. Официальные образовательные веб-платформы предоставляют большие возможности применения сети Интернет для целей обучения иностранному языку.

Образовательная платформа “Français Authentique” [17] была представлена широкой публике молодым преподавателем Жоаном Текфак [13]. В своем обращении он подчеркивал, что рад приветствовать пользователей сети Интернет в официальном бесплатном приложении Français Authentique. Сообщество было основано в 2011 году, чтобы помочь обучающимся освоить французскую разговорную речь, получая удовольствие от самого процесса. «Если вы понимаете французский, но испытываете трудности с устной практикой, платформа – для вас!», – писал преподаватель. Ж. Текфак создал оригинальную методику изучения французского языка; причем она самая востребованная на сегодняшний день среди пользователей сети Интернет: 571 тысяча подписчиков по всему миру и 29 миллионов просмотров видеоблога “Français Authentique” на платформе YouTube. Это приложение предназначено для пользователей, имеющих невысокий уровень владения языком, изучающих французский язык «с нуля». Оно представляет доступ к бесплатному контенту напрямую с мобильных устройств. Каждую неделю выкладывается в онлайн-доступ очередной эпизод подкаста, состоящий из аудиоматериалов в формате MP3 и текстовой версии в PDF, а также видео-версии на канале в YouTube. Спикер образовательной платформы, выступающий в эпизоде подкаста, предлагает слушателям прослушать текст, сделать короткие записи незнакомых слов и выражений, постараться понять содержимое, обсудить новую тему с единомышленниками и таким образом, повторить пройденный материал подкаста и использовать его в дальнейшем в своей разговорной речи. Рассмотрим контент предлагаемых студентам аудиотекстов платформы. Он представляется достаточным и целесообразным для целей обучения, заявленным в данной статье. Подкасты Жоана Текфака включают в себя многочисленные рубрики: основные принципы обучения французскому разговорному языку, интересные факты, история Франции, крылатые выражения, саморазвитие и психология, книги и др. В любом видео и подкасте преподавателя можно почерпнуть много новых сведений об особенностях языка, о новых выражениях и языковых конструкциях, о культурных, социальных и лингвистических реалиях французской жизни. Жоан Текфак представляет на рассмотрение заинтересованного сообщества свои оригинальные 7 правил инновационного обучения иностранному языку (чтобы лучше понять используемый метод), поясняет их на примерах, подсказывает, как и что лучше изучать, чтобы «заговорить» по-французски легко и без усилий. Вот эти правила:

- 1) не надо учить грамматику, достаточно лишь просматривать видеoverсии эпизода и слушать подкасты платформы ежедневно по 30 минут;
- 2) повторяйте просмотр эпизода и прослушивание аудиотекста подкаста до 5 раз, если в этом есть необходимость;
- 3) учитесь в свое свободное время;
- 4) избавляйтесь от спешки, от стресса;
- 5) формируйте лексические ассоциации после прослушивания аудиотекста;
- 6) запоминайте новые слова и выражения, связанные с контекстом прослушанного отрывка;

7) слушайте настоящую живую речь, общайтесь с франкофонами, не бойтесь делать ошибки в речи.

Мы считаем, что все эти “инновационные” правила – есть не что иное, как хорошо забытые старые правила обучения устной разговорной речи, используемые в методиках “глубокого погружения в языковую среду”, только представленные в новом формате. Будет считаться верным правило о каждодневном прослушивании аудиотекстов и их повторении, если это необходимо. Безусловно, все это будет способствовать наилучшему запоминанию материала и доведения его до автоматического спонтанного воспроизведения, когда возникнет потребность. Преподаватель Жоан Текфак считает правильным проводить обучение в “расслабленном” состоянии, без спешки и волнений для наилучшего усвоения учебного материала, что полностью совпадает с современными исследованиями ученых-психологов в этой области. Также представляется, что правило о запоминании новых слов и одновременном образовании лексических ассоциаций – необходимое условие для начального обучения разговорному иностранному языку. Полностью мы согласны и с правилом относительно того, что необходимо слушать аутентичную иностранную речь (в исполнении носителей языка) для возможного будущего воспроизведения ее своими словами в речевой ситуации. Правда, в отсутствие нормальной коммуникации с носителями языка, в ситуации невозможности проживания в стране изучаемого языка, например, как в современных условиях пандемии, затронувшей весь мир, – общение представляется крайне проблематичным. Поэтому, эти лакуны необходимо заполнить обучением иностранного языка с помощью современных образовательных платформ, таких, как например, “Français Authentique”. Преподаватель данного курса, Ж. Текфак несколько раз подчеркивает в своих подкастах, что его метод – это не научная диссертация, а скорее практические указания по обучению разговорному французскому языку для начинающих. Главный слоган цели обучения звучит следующим образом: «Научиться говорить по-французски спонтанно, легко и без усилий». Ниже представлен образец-отрывок из подкаста образовательной платформы [16] на тему: «Фразеологический оборот «плыть по течению, по волне» [14] или выражаясь по-современному, “как быть в тренде”»:

Transcription de l'épisode :

Salut à tous ! Bienvenue dans ce nouvel épisode du podcast de Français Authentique et aujourd'hui, je vais t'expliquer le sens d'une expression idiomatique française, le type d'expressions qu'on utilise très souvent en français et qui pose problème aux non-francophones qui apprennent notre belle langue. Donc, cette expression, c'est “surfer sur la vague”. On va commencer par le mot “vague”. Une vague, ça se trouve soit à la mer ou au bord de l'océan ou au bord d'un lac. C'est quand de l'eau se lève à cause du vent ou des courants ...

J'espère que toi qui écoutes cet épisode du podcast, tu fais des progrès en français. Alors, ce que je te suggère maintenant, c'est de surfer sur la vague tant que tu es en pleine écoute et motivé pour, eh bien, pratiquer ta prononciation et pour répéter exactement après moi. Tu répètes en copiant exactement ma prononciation. Ça va être court aujourd'hui, mais c'est important de bien le faire. Donc, c'est parti !

Таким образом, рассматриваемая французская образовательная платформа содержит материалы страноведческого и социолингвистического характера, которые позволяют обеспечить реализацию социокультурного аспекта в содержании обучения иностранным языкам. Разнообразный культурологический и лингвострановедческий материал учебной платформы обеспечивает формирование социокультурной компетенции студентов, предлагая к прослушиванию аудиотексты о культуре и истории Франции, об особенностях современного французского языка; развивает умения обучающихся коммуницировать с иностранными коллегами. Студенты учатся строить свое речевое и неречевое поведение с учетом культурных и национальных особенностей страны изучаемого языка.

Теоретическое обоснование исследования

Основной целью исследования является определение возможных путей формирования и развития социокультурной компетенции студентов 3-го курса неязыковых специальностей в процессе обучения иностранному языку. К задачам исследования относятся: анализ существующих трактовок к понятию «социокультурная компетенция»; рассмотрение вопросов применения на практике в процессе обучения французской учебной веб-платформы “Français Authentique”; проведение диагностического опроса среди студентов и обработка полученных данных; анализ влияния практического использования материалов образовательной платформы в обучении на формирование социокультурной компетенции бакалавров. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что использование контента данной образовательной платформы в учебных целях будет способствовать формированию и развитию социокультурной компетенции студентов гуманитарных неязыковых специальностей. На первом этапе, который описывается в данной статье, задачами исследования было:

- 1) выявить уровень понимания, усвоения и степень воспроизведения иноязычной устной речи студентами;
- 2) выявить уровень развития социокультурной компетенции у обучающихся;
- 3) определить проблемы, связанные с уровнем формирования социокультурной компетенции у студентов во время проведения обсуждений прослушанного курса;
- 4) найти возможные пути решения выявленных проблем.

Таким образом, наше исследование призвано найти новые подходы в области практического применения теории межкультурной коммуникации в контексте развития сформированности такой компетенции, как социокультурной, как основного звена иноязычной коммуникативной компетенции [12]; а также призвано продемонстрировать, что повышению уровня развития социокультурной компетенции у студентов будет способствовать использование контента образовательной платформы “Français Authentique” в процессе обучения.

Участники исследования и процедура

Площадкой для исследования был выбран НИУ “Высшая школа экономики”. Исследование проводилось среди студентов 3-го курса второго года обучения, изучающих французский язык с «нуля», специальностей «История» и «Философия» факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. В группах было опрошено 18 (из 24) человек, среди которых были студенты и студентки возраста 18-20 лет. Уровень владения французским языком среди обучающихся колебался от А1 до В1 (в соответствии с общеевропейской классификацией компетенций владения иностранным языком). Исследование прошло в январе – июне 2019 года; и было продолжено в следующих учебных годах. Первый этап исследования состоял из нескольких стадий: 1) проведение дополнительных занятий к основному курсу (практические семинары по французскому языку – 2 академических часа в неделю) в течение шести месяцев; 2) диагностический опрос среди студентов; 3) сбор и обработка полученных данных.

Первая стадия исследования

В январе 2019 года было принято решение о привлечении дополнительных учебных аудиоматериалов по формированию и развитию социокультурных компетенций у студентов третьего курса второго года обучения французскому языку факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ на базе подкастов образовательной платформы “Français Authentique” [17]. Обучение проводилось по 20-30 минут после основного курса семинарских занятий и касалось всех студентов двух групп, то есть 24 человек. Необходимо отметить, что студенты второго года обучения, изучающие французский язык с «нуля», не обладали на начальный момент исследования достаточно высоким уровнем владения языком и соответственно, и уровнем социокультурной компетенции, поэтому оценивание собственных знаний было невысоким. В процессе обучения по страноведческим материалам образовательной платформы были прослушаны аудиотексты на французском языке и поставлены задачи на понимание и воспроизведение основной мысли текста; было проведено обсуждение между участниками курса прослушанного материала; была поставлена задача студентам использовать пройденные языковые/речевые конструкции и лексические единицы в собственной речи. После окончания занятий (в июне 2019 года) по предложенной методике был проведен анонимный опрос среди участников для того, чтобы выявить уровень развития социокультурной компетенции у студентов. Было решено провести диагностическую стадию исследования в два этапа: первый этап – попросить студентов оценить свой собственный уровень владения французским языком и развития социокультурной компетенции; второй этап – обработать полученные данные и определить проблемы, выявленные на первом этапе диагностической стадии. Предполагалось, согласно гипотезе нашего исследования, что использование контента образовательной платформы “Français Authentique” в целях обучения французскому языку, как социокультурный подход к преподаванию, будет способствовать формированию и развитию социокультурной компетенции у студентов гуманитарных неязыковых специальностей. По нашему мнению, оценка уровня развития социокультурной компетенции является очень субъективной и проблематичной. В связи с этим, было решено изучить основные составляющие социокультурной компетенции (как части иноязычной коммуникативной компетенции) в процессе опроса, при этом студенты должны были сами оценить свой уровень знаний, отвечая на определенные вопросы анкеты. Такая методика предполагает проведение диагностического опроса среди респондентов с целью выявить уровень сформированности желаемой компетенции и возможные недочеты/недостатки методики в процессе обучения по данному курсу. На этом этапе диагностической стадии студентам была предложена анкета, состоящая из восьми стимулирующих вопросов, в которых использовалась так называемая «шкала Лайкерта». Шкала Лайкерта (или Ликерта) – это шкала суммарных оценок

по каждому суждению, вынесенному на рассмотрение. При работе со шкалой респондент оценивает степень своего согласия или несогласия с каждым суждением опроса. Рейтинговая шкала делится на 5 частей, от «0» до «5», где «0» обозначает отсутствие умения, «1» – самый низкий уровень умения, «2» – низкий уровень, «3» – средний (удовлетворительный) уровень, «4» – хороший уровень, а «5» – наивысший уровень развития умения. Ниже представлена диагностическая Таблица 1, предложенная студентам для опроса после проведения занятий на базе образовательной платформы.

Таблица 1

Уважаемые студенты! Ниже представлена Анкета, позволяющая оценить ваш собственный уровень владения французским языком и уровень развития социокультурной компетенции. Постарайтесь ответить максимально честно и беспристрастно. В течение обучения вам был предложен для прослушивания курс образовательной платформы “Français Authentique”.

Был ли он полезен?

1. Насколько вы готовы понимать спонтанную речь на французском языке?					
0	1	2	3	4	5
2. Насколько хорошо, по вашему мнению, при прослушивании аудиозаписей вы понимаете содержание отрывка?					
0	1	2	3	4	5
3. Насколько хорошо, по вашему мнению, при обсуждении прослушанного текста вы понимаете, что говорит ваш сокурсник?					
0	1	2	3	4	5
4. Насколько быстро, по вашему мнению, вы можете реагировать на высказывания собеседника на французском языке?					
0	1	2	3	4	5
5. Насколько легко, по вашему мнению, вы можете выразить свою мысль на французском языке?					
0	1	2	3	4	5
6. Насколько вы себя уверенно чувствуете, когда обсуждаете прослушанный отрывок /текст/ на французском языке?					
0	1	2	3	4	5
7. Насколько хорошо вы усваиваете /запоминаете/ новый текстовый материал в аудиозаписи?					
0	1	2	3	4	5
8. Насколько вы готовы, по вашему мнению, использовать в дальнейшем материал прослушанных аудиозаписей?					
0	1	2	3	4	5

Рассмотрим предложенную Таблицу 1. Вопросы составлены таким образом, чтобы максимально более точно определить уровень владения французским языком студентами, который они должны сами оценить. Представленные оценочные суждения касаются уровней понимания устной иноязычной речи, возможности правильного выражения своей мысли, обсуждения прослушанного, усвоения материала, готовности использования в будущем материалов образовательной платформы. Необходимо осознавать, что при использовании шкалы Лайкерта возможны погрешности в оценивании по причине того, что респонденты зачастую склонны избегать крайних ответов (тенденция к среднему суждению), склонны соглашаться с предложенным суждением, не задумываясь над ответом, и/или пытаются произвести благоприятное впечатление своими ответами (несмотря на анонимность анкетирования). Подробные результаты диагностического опроса представлены в Таблице 2.

Таблица 2

1. Насколько вы готовы понимать спонтанную речь на французском языке?					
0 = 0	1 = 1	2 = 3	3 = 10	4 = 4	5 = 0
2. Насколько хорошо, по вашему мнению, при прослушивании аудиозаписей вы понимаете содержание отрывка?					
0 = 0	1 = 0	2 = 6	3 = 8	4 = 3	5 = 1
3. Насколько хорошо, по вашему мнению, при обсуждении прослушанного текста вы понимаете, что говорит ваш сокурсник?					
0 = 0	1 = 0	2 = 1	3 = 6	4 = 7	5 = 4
4. Насколько быстро, по вашему мнению, вы можете реагировать на высказывания собеседника на французском языке?					
0 = 0	1 = 1	2 = 3	3 = 11	4 = 3	5 = 0
5. Насколько легко, по вашему мнению, вы можете выразить свою мысль на французском языке?					
0 = 1	1 = 0	2 = 3	3 = 11	4 = 3	5 = 0
6. Насколько вы себя уверенно чувствуете, когда обсуждаете прослушанный отрывок /текст/ на французском языке?					
0 = 0	1 = 0	2 = 4	3 = 8	4 = 4	5 = 2
7. Насколько хорошо вы усваиваете /запоминаете/ новый текстовый материал в аудиозаписи?					
0 = 0	1 = 0	2 = 2	3 = 4	4 = 10	5 = 2
8. Насколько вы готовы, по вашему мнению, использовать в дальнейшем материал прослушанных аудиозаписей?					
0 = 0	1 = 0	2 = 2	3 = 4	4 = 10	5 = 2

Второй этап диагностической стадии касался обработки оценок и подсчета полученных данных по шкале Лайкерта. Проведенный опрос показал следующее:

- Большинство студентов (более 61 %) считают, что они не могут быстро реагировать на высказывания собеседника на французском языке и испытывают сложности, чтобы выразить свои мысли на языке (средний результат);
- Более 56 % респондентов утверждают, что они хорошо усваивают новый текстовый материал в аудиозаписи на языке («4»), но при этом, не всегда готовы понимать спонтанную речь (средний уровень);
- Около 44 % студентов считают возможным для себя в будущем использовать прослушанные материалы («4»); а также чувствуют себя неуверенно при обсуждении текста на языке и не в полной мере понимают содержание прослушанного материала (средний результат);
- Почти 40 % респондентов понимают хорошо, что говорит их сокурсник; при этом 33 % – понимают недостаточно («3»);
- Около 43 % ответов респондентов приходится на средний уровень развития умения («3»).

Результаты

С помощью проведенного исследования были выявлены следующие проблемы в процессе обучения по материалам учебной веб-платформы:

1. Студенты не умеют ясно и четко сформулировать собственную мысль на французском языке;
2. Студенты не могут довольно быстро реагировать на высказывания собеседника на языке;
3. Студенты считают, что они удовлетворительно понимают спонтанную иноязычную речь, но не в полной мере;
4. Студенты испытывают сложности в понимании и обсуждении прослушанного материала веб-платформы;
5. Студенты недостаточно хорошо понимают, что говорит их сокурсник при обсуждении текста;
6. У студентов не всегда сформирована позитивная мотивация к обучению;
7. У студентов недостаточно развита лингвистическая и дискурсивная компетенции;
8. Студенты избегают крайних ответов в опросе, стремятся к среднему уровню оценочного суждения («3»), что искажает результат исследования.

Анализ опроса студентов выявил противоречие между тем, как респонденты оценивали свой собственный уровень владения языком и каким образом они на самом деле участвовали в обсуждении пройденного материала. В частности, ярким примером разночтений может служить проблема понимания содержания прослушанного и усвоения нового материала образовательной платформы. С одной стороны, студенты написали, что они хорошо усваивают новый аудиоматериал, а с другой – что не в полной мере понимают содержание прослушанного материала. Наблюдается и некоторое расхождение между желаемой и действительной оценкой собственного уровня владения языком. Так, студенты отметили, что понимают многое из того, что говорит их сокурсник при обсуждении, но при этом испытывают сложности в понимании спонтанной иноязычной речи (что несколько противоречит одно другому). По итогу проведенного анкетирования студентов в течение первой стадии исследования было выявлено, что следующие компоненты социокультурной (а также и тесно связанной с ней – лингвистической) компетенции нуждаются в развитии и улучшении:

- 1- способность активно слушать собеседника, понимая главную идею его высказываний, и быстро реагировать на подобные высказывания;
- 2- способность четко и ясно сформулировать главную мысль своего высказывания;
- 3- способность выбирать правильные языковые формы и конструкции в зависимости от речевой ситуации;
- 4- способность понимать спонтанную речь на языке, а также реалии французской культурной среды;
- 5- способность работать в команде с людьми, говорящими на французском языке.

Обобщая результаты, полученные с помощью диагностического опроса среди групп второго года обучения, ранее не изучающих французский язык, можно констатировать тот факт, что студенты (за период проведения занятий по методике образовательной платформы) добились лучшего понимания аудиоматериалов, стали увереннее в своих высказываниях при обсуждении прослушанных текстов, а также у них оптимистические ожидания от прохождения подобного учебного курса. Также произошли положительные изменения в уровне владения иностранным языком и в уровне развития социокультурной компетенции, но в то же время – эти выявленные изменения еще недостаточны высоки в своем процентном измерении и нуждаются в совершенствовании на следующем этапе обучения.

Исследование, организованное с целью определения влияния практического использования материалов образовательной платформы “Français Authentique” на формирование и развитие социокультурной компетенции студентов гуманитарного профиля неязыкового вуза в процессе обучения, было поделено на несколько этапов. После проведения первого этапа исследования, которое представлено в данной статье, можно сделать следующие выводы:

1. Исследование показало недостаточную сформированность социокультурной и коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей. В частности, были выявлены следующие проблемы в таких компонентах компетенций, как способность понимать иноязычную речь собеседника, способность формулировать свою мысль на языке, коммуницировать с сокурсниками, понимать реалии культурной среды.
2. Выявлено явное противоречие между оценкой студентами своего уровня владения иностранным языком и реальными показателями.
3. Полученные в ходе исследования результаты показали, что студенты, которые проходили курс обучения по данной методике, достигали более быстрого учебного результата, чем обучающиеся других групп, которые не использовали контент учебной веб-платформы в процессе обучения.
4. Проведение занятий с помощью образовательной платформы “Français Authentique”, скорее всего, будет способствовать развитию социокультурной компетенции студентов, помогая решить проблемы, связанные с непониманием аутентичной французской речи. Однако для полного доказательства выдвинутой гипотезы нашего исследования необходимо продолжить работу по данной проблематике.

Основная задача следующего этапа исследования – это проведение повторного анализа уровня развития социокультурной компетенции у студентов (второй этап), проводя семинарские занятия с использованием контента учебной веб-платформы и осуществляя анкетирование респондентов для выявления динамики уровня социокультурной компетенции и владения французским языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим, И.Л. Цели обучения иностранным языкам на современном этапе//Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А.А. Миролюбова / И.Л. Бим. – Обнинск: Титул, 2010. – С. 26–34.
2. Гальскова, Н.Д. Современные педагогические технологии обучения иностранным языкам (учебно-методическое пособие) / Н.Д. Гальскова. – М.: МГПУ, 2012.
3. Иванченко, А.И. Практическая методика обучения иностранным языкам / А.И. Иванченко. – Санкт-Петербург: КАРО, 2016.
4. Колесникова Е.А. Концепция образовательной программы бакалавриата «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» / Е.А. Колесникова. – М., НИУ ВШЭ, 2019. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/203991681> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Пассов, Е.И. Урок иностранного языка / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – Ростов н/Д: Феникс; М.: Глосса-Пресс, 2010.
6. Радаев, В.В. Пять моих главных вызовов в преподавании. Круглый стол. Москва, НИУ ВШЭ, 2017. / В.В. Радаев, С.А. Медведев, Е.В. Талалакина и др. // Вопросы образования. – М., 2018. – № 1 – С. 200–233.
7. Рогова, Г.В. Социокультурный компонент при изучении иностранных языков / Г.В. Рогова. – М.: Просвещение, 2006.
8. Сафонова, В.В. Социокультурный подход: основные социально-педагогические и методические положения / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – М.: Релод, 2014. – № 11 – С. 2–13.
9. Соловова Е.Н. Программа дисциплины «Теория и методика преподавания иностранных языков» / Е.Н. Соловова. – М., НИУ ВШЭ, 2016. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2017/01/24/1082459644/program717173431_ab_w_mbdw.pdf (дата обращения: 09.10.2019).
10. Тубельский, А.Н. Антропологический, деятельностный и культурологический подходы. Тезариус / А.Н. Тубельский // Новые ценности образования. – М.: НЦО, 2005. – № 5 (24).
11. Définitions: Discours/competence de communication – Dictionnaire de français Larousse#27784. Available at: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/français/efficacite#27784> (дата обращения: 08.10.2019).
12. Des compétences linguistiques, 2019. URL: http://www.ecml.at/portals/1/mtp4/language_descriptors/documents/language_descriptors-fr.pdf (дата обращения: 08.10.2019).
13. Johan Tekfak (@Francaisauthentique). Available at: <http://twitter.com/francaisauthentique> (дата обращения: 08.10.2019).
14. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Le Robert, 2016.
15. Parker J. Palmer. The courage to Teach, 2007. San Francisco, California. 231 p.
16. Podcast Français Authentique, 2019. Available at: <http://www.francaisauthentique.libsyn.com> (дата обращения: 07.10.2019).
17. Site officiel de la plate-forme « Français Authentique». Parler le français facilement et rapidement, 2019. Available at: <http://www.francaisauthentique.com> (дата обращения: 07.10.2019).

Материал поступил в редакцию 09.02.21

ON THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCY IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING FOR HIGHER EDUCATION

S.V. Kuznetsova, Senior Lecturer

National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Russia

Abstract. *This article explores possible approaches to form the sociocultural competencies of students from nonlinguistic fields in foreign language teaching for higher education. The research has the following novelty: the author has tested the educational platform for the first time in groups of students of the second year of education from a nonlinguistic university, which started to learn the French language from zero. The results of the research support that sociocultural approach in foreign language teaching based on the educational web-platform “Authentic French” can have a positive effect to develop the sociocultural competency of students.*

Keywords: *educational platform, development of sociocultural competence, French language, foreign language teaching, audiotexts, content.*

УДК 80

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР ПРИ РАБОТЕ НАД ТЕКСТАМИ МЕДИЦИНСКОЙ И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Л.В. Токарева¹, О.А. Краснова², О.В. Черединова³, М.Н. Романькова⁴

^{1, 3, 4} старший преподаватель, ² доцент

Новосибирский государственный медицинский университет, Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы использования специальных медицинских терминов студентами медицинских вузов; источники их образования; группы, на которые делятся основные медицинские термины и терминологические элементы. В статье также рассматриваются способы образования новых медицинских терминов, которые появляются очень быстро. Специальное внимание уделяется аббревиатурам, которые особенно часто используются в области фармации.*

***Ключевые слова:** термин, терминологический элемент, заимствования, аббревиатуры, калькирование, транскрипция, транслитерация, источники, словарный состав, единицы речи.*

Иностранный язык в настоящее время является необходимой частью любой профессиональной сферы, в том числе и медицины. Профессиональное общение на иностранном языке способствует целенаправленному и активному использованию достижений науки и техники. В особенности, специалистам-медикам необходим иностранный язык, т.к. они изучают зарубежную медицинскую литературу и используют ее материалы для практического применения. В библиотеке и в сети Интернет есть в наличии и доступны многие материалы медицинского характера. Они позволяют расширить и углубить научную базу исследовательской работы, проводить сравнительный анализ многих явлений, которые изучает медицина, почерпнуть новую информацию о лечении заболеваний, новых лекарственных средствах. Нужно также сказать и о появлении многочисленной иностранной литературы по медицине – различные медицинские журналы, публикации в интернете, газеты, которые содержат аутентичные статьи на языке оригинала, где перевод отсутствует совсем. Поэтому если студент – медик (и будущий врач, фармацевт в перспективе) не владеет иностранным языком, он не сможет быть в курсе новейших медицинских разработок, новых лекарств, а это приведёт к невысокому уровню профессиональной подготовки.

Медицина – это одна из самых древних сфер человеческого познания. Медицинская терминология всегда отражала историю развития мировой цивилизации: термины, дошедшие до нас через много сотен лет, являются следами той культуры и профессиональной медицинской сферы, в рамках которых они являлись средством передачи и сохранения информации о различных медицинских явлениях.

Словарный состав языка – самая подвижная и меняющаяся его сторона, которая сразу реагирует на то, что происходит в мире реальных явлений, в ней отражаются все наши представления о различных явлениях неязыковой деятельности. Словарь разрастается за счет новых слов и новых значений, а они образуются разными путями. Необходимость называть новые предметы и явления, которые отражают результаты развития общества, в частности медицины, и способствует появлению новых терминов.

Современная медицинская терминология – является одной из самых обширных и сложных в содержательном, понятийном отношении систем терминов. В мире каждый год появляется более 1000 новых медицинских терминов. В Оксфордском словаре английского языка, который является одним из крупнейших в мире, содержится более 240 000 слов, из них более половины иностранного происхождения и имеет отношение к науке. Во всём мире широко исследуются проблемы изучения здоровья населения, (это показало и объединение усилий врачей в борьбе с коронавирусом). Язык медицины ежегодно пополняется тысячами новых терминов и терминологических элементов. В систему медицинских терминов включены не только термины, относящиеся к человеку – объекту и предмету медицины и к его болезням, но и к методам диагностики заболеваний и их лечения. Медицинская терминология – это отражение научных инноваций на лексическом уровне. Большая часть медицинских

терминов образовано с помощью греко-латинских заимствований, но в этом случае нужно отметить, что в настоящее время большинство терминов сформировано с помощью латинских и греческих корней (это касается фармацевтической терминологии), эти термины нужно отнести к разряду неоклассицизмов. Очень много заимствований из английского языка. Это в большинстве своём слова, вошедшие в русский язык в XX веке; они относятся к таким областям медицины как микробиология, генетика, иммунология. Английские заимствования отличаются высокой степенью ассимиляции и имеют много производных. В некоторых случаях эти заимствования утратили своё значение и больше не употребляются в медицинской терминологии, а некоторые поменялись и послужили основой для создания новых терминов. Много слов из английского языка перешло в русский язык с помощью транслитерации (*microbe, atrophy, anesthetic, Down's syndrome*). Среди английских заимствований часто встречаются случаи калькирования для обозначения анатомических терминов, лекарственных компонентов и т. п. (*antibody, antibiotic*).

Термины (от лат. *terminus*-предел, граница) – это слова, дающие точное обозначение предметов, явлений, процессов в данном случае в области медицины. Обязательные требования к терминам – это полная определённость значений и устойчивость определений. Использование терминов – это необходимое условие для языка и науки. Использование терминов является необходимым условием для языка и науки. Их развитие идёт параллельно, потому что каждое новое понятие должно быть зафиксировано словом-термином. Как уже было сказано, медицинская наука использует, в основном, латино-греческие терминологические элементы. При этом некоторые термины уже устарели и выходят из употребления; другие термины меняют свои значения, а для новых научных понятий появляются новые термины. У каждого термина нужно рассматривать его этимологию (происхождение) и семантику (смысловое значение). Часто семантика (толкование) медицинского термина может не совпадать с его этимологией. Смысловое значение того или иного термина только тогда становится всеобщим достоянием, когда оно зафиксировано точным термином, который не допускает различные толкования, является простым, однозначным.

Выделяют несколько групп медицинских терминов. Это термины, которые давно вошли в медицинский язык и составляют неотъемлемую часть повседневной медицинской лексики (интернациональное употребление). Например, “*fertile*” – плодотворный, способный к деторождению, “фертильный” (лат. *fertilis*- то же значение). Они заимствованы из двух классических языков медицины – латинского и греческого. Это термины, которые нужны в медицинском профессиональном языке. Например, “*deposits*” – вклады, накопления, отложения (лат. *depositum* – вклады, сбережения), в английском – отложения.

Есть несколько способов образования новых медицинских терминов. Прежде всего это **перевод** – т.е. обозначение понятия готовыми средствами языка. Перевод, как известно, представляет собой вторичный текст, и среди студентов медвузов, начинающих заниматься переводом, бытует мнение о том, что их деятельность при переводе сводится только к приблизительному копированию текста оригинала, приблизительной передаче содержания. Это мнение абсолютно ошибочно. Чтобы обеспечить точное и полное понимание замысла автора, в тексте перевода должны быть соблюдены все особенности изложения информации, и перевод должен быть исчерпывающе точным в передаче смыслового содержания первичного текста, то есть текста оригинала. Главное требование к переводу – это адекватность, то есть точная передача формы и содержания подлинника равноценными средствами. Медицинская тематика считается одной из самых сложных, поскольку медицинские тексты характеризуются широким использованием терминов, сокращений и специальных слов. Например, термин “эрадикация” (от англ. *eradication* – уничтожение), “ресивер” (от англ. *receive* – приёмник, получатель), “клининг” (от англ. *cleaning* – очистка, чистка, чистящий).

Калькирование – это способ перевода лексических единиц оригинала путем замены его составных частей – морфем, - минимальных значимых частей слова или слов их лексическими соответствиями в языке перевода при максимально полном сохранении их семантики, то есть смысла. К примеру, “вестернизация питания” (англ. *western nutrition*– западный) – переводится как “питание на западный пример”. В качестве примера словообразовательных калек, переведённых с английского языка на русский, можно привести такие слова: *host cell* (клетка-хозяин), *killer cell* (клетка-убийца), *memory cell* (клетка памяти), *parent cell* (родительская клетка), *daughter cell* (дочерняя клетка), *incompatibility* (несовместимость) и много других слов.

Заимствования – переход слов из одного языка в другой. Многие из них давно и прочно вошли в русский язык. Например, гормон (“*hormone*” (от греч. *hormon*), акушерство (от франц.

accoucheur), “enzyme” (от греч. зуме дрожжи, закваска) фермент, энзим, (от латин. fermentum) и многие другие заимствованные слова.

Транслитерация – это способ воспроизведения графической формы слова, его буквенный состав, т.е. его фонетическая имитация (microbe – микроб, civilization – цивилизация, medicine – медицина, лекарство, trigger – пусковой процесс, крючок, импульс, начало действия, процесса).

Транскрипция – это воспроизведение звуковой формы иноязычного слова, т.е. его буквенная имитация. Можно привести следующие примеры: oral structure – структура полости рта, natural – натуральный, естественный, manufacture – производство, образование чего-либо.

В настоящее время многие лингвисты считают, что большое количество новейших иноязычных терминов в различных медицинских областях появляются в процессе заимствований и активизации иноязычной, особенно англоязычной лексики. В статье мы показали это на приёмах и примерах образования новых терминов.

В наш скоростной век возрастает роль информации и ее давление на людей настолько, что воспринять и обработать большую часть новых сведений невозможно без использования в языке такой информационно ёмкой единицы как аббревиатура.

Аббревиатура – это процесс образования слов путем соединения сокращённых начальных элементов (букв, слогов, морфем) словосочетания. Новые термины, которые являются знаками вторичной культуры, употребляются в языке для того, чтобы заменить длинные описательные конструкции более краткими и нейтральными в эмоциональном отношении. Лексические терминологические сокращения тоже являются ресурсами экономии времени и языкового пространства. В этом смысле аббревиатура служит незаменимым средством передачи и хранения информации и очень важным средством компрессии. В связи со склонностью английского языка компрессии, упрощению грамматических конструкций, экономии языковых средств, образовалась довольно развитая система аббревиатур и большие перспективы для ее последующего развития. С одной стороны, это широкие возможности для создания новых аббревиатур и их быстрой адаптации в языковой системе, а с другой – это некоторые сложности, которые связаны с несовершенством в ее системе; особенно это связано с проблемами перевода аббревиатур. Точность и однозначность аббревиатуры важна в любой области науки, а в медицине она является жизненно важной, т.к. есть случаи нанесения непосредственного вреда пациентам из-за неверного толкования, неправильной интерпретации медицинских аббревиатур. Словари медицинских терминов, которые имеются в распоряжении медицинских работников, не полностью удовлетворяют растущим потребностям специалистов в области медицины, потому что медицинские аббревиатуры, которые являются частью терминологической лексики врачей, лексики которую широко используют также и фармацевты, представлены в них минимальным количеством. Пока нет словаря русских медицинских аббревиатур, несмотря на то, что их имеется достаточное количество. В английском языке накоплен уже богатый опыт создания специальных словарей сокращений. Однако объёмные словари английских медицинских сокращений подчас не успевают регистрировать все неологизмы, которые регулярно появляются в больших количествах. Аббревиация медицинских терминов – это очень активный способ терминообразования. Наибольшую продуктивность аббревиатуры в медицине получили именно в английском языке, а в русском языке они менее репрезентативны, хотя растут постоянно. На процесс аббревиации влияют несколько причин, а именно внеязыковые и внутриязыковые. Среди первых – это: увеличение скорости и потока информации, формирование новых объектов окружающей действительности, из которых каждому надо дать название, определение, термин. Научно-техническая революция вызвала резкое увеличение новых понятий, а, следовательно, и их обозначающих слов. В медицине вообще, и в фармации в частности, происходит постоянная разработка и внедрение новых методов обследования, диагностики и лечения, появляются новые лекарства, лекарственные средства и новая аппаратура и приборы. Аббревиатуры по-новому отражают области профессиональной сферы, выполняют разнообразные функции: номинативную, функцию оптимизации текста, функцию стилистического маркирования, а также коммуникативную функцию. С точки зрения структуры лексические сокращения медицинской и фармацевтической терминологии можно разделить на такие типы:

1. Слова-слитки (первая часть первого компонента и вторая часть второго): англ. Garasone = garamuscine + dexamethasone (гаразон, комбинированный противовоспалительный препарат); рус. Торбазон = тобрамицин + дексаметазон (антибиотик, который применяют в офтальмологии).

2. Телескопические образования (первая часть второго компонента и вторая часть первого компонента): англ. Pasomuscine = dihydrostreptomuscine (пасомицин, антибиотик). Рус. Никотинамид = амид никотиновой кислоты (витамин).

3. Стяжения (произвольно соединяются слоги сложных, но однословных лексических единиц): англ. Acemine = acetylaminocarponicacidsodiumcompound (ацемин, ранозаживляющее средство); рус. Метацил = метилурацил (препарат, стимулирующий обменные процессы); англ. bact+у (bacteriology), chem (istry), biol(ogy).

4. Сложносокращенные слова (соединяются несколько усечений сложного прототипа): англ. Ampiox = ampicillin + oxacillin (антимикробный препарат).

5. Частичносокращенные слова (сочетания начальной аббревиатуры и словосложения): англ. Warfarin = от WARF (от английского названия организации) + -arin (окончание, указывающее на связь с кумарином, англ. HIV resistant (устойчивый к ВИЧ-инфекции).

6. Чистое сложение: англ. teleworkstation; англ. Selfmonitoring.

7. Апокопа (частичное усечение – характерная черта фармацевтических терминов). В названиях препаратов: Raunatinum – Раунатин, Rauvasanum – Раувазан употреблён частотный отрезок: gau- который обозначает тропическое растение раувольфию.

Есть инициальные аббревиатуры – сокращение до начальных букв: a.c. – “Ante cibum” “before meals”, b. i. d. – “Bis in die”, “twice a day”, p.o. – “Per os, orally” – это лексические аббревиатуры; T.S.T.H. – “Too sick to send home”; “H.B.D.” – “Has been drinking” – “ill with alcoholism”, B.P. – “Blood Pressure”, G.B. – “gallbladder”, R.K. – “right kidney”, L. K. – “left kidney”, HEAR – “hospital emergency ambulance radio”, Dx – “Diagnosis” - это графические аббревиатуры.

При переводе аббревиатур нужно знать основные способы передачи иностранных сокращений на русском языке. Такими способами являются: а) заимствование иностранного сокращения (с сохранением латинского написания): англ. LEC – “lupus erythematosus cell” – рус. LE-клетка – “Волчаночная клетка”; б) создание аббревиатуры от русского термина-эквивалента: англ. A/B – “acid-base ratio” – рус. “Кислотно-основное состояние”; HDL – “high density lipoproteins” – рус. ЛПВП – “липопротеиды высокой плотности”; в) транслитерация – PPD – “purified protein derivative” – рус. “очищенный от белка туберкулин”, англ. DTIC – “Dacarbazine” – рус. “дакарбазин” – противоопухолевый.

Подводя итог вышесказанного, нужно отметить, что аббревиатурный процесс имеет определённые закономерности, которые особенно видны на примере структурной классификации. Упорядочения аббревиации в данной сфере можно добиться с помощью более тщательного изучения медицинских аббревиатур-неологизмов и путем обучения студентов медицинских вузов – будущих медицинских специалистов - их грамотному использованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов, В. Иноязычные слова в русском языке / В. Белоусов // Наука и жизнь. – 1993. – № 8. – С. 40–48.
2. Бельская, А.Е. Специфика перевода английской медицинской терминологии на русский язык / А.Е. Бельская. – Текст: непосредственный / А.Е. Бельская // Молодой учёный. – 2017. – № 4 (138). – С. 275–277.
3. Казакова, Т.А. Практические основы перевода [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб: Изд-во Союз, 2001. – 316 с.
4. Крысин, Л.П. Толковый словарь иностранных слов / Л.П. Крысин. – М.: Экспо, 2005. – 944 с.
5. Лотте, Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
6. Луговая, А.Л. Современные средства связи: учебное пособие по английскому языку / А.Л. Луговая. – М.: Высшая школа, 2004. – 213 с.
7. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. – М.: Олимп: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2000. – 784 с.
8. Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary. – New York, 1989. – 752 p.

Материал поступил в редакцию 12.03.21

**PECULIARITIES IN USING SPECIFIC ABBREVIATIONS
IN THE WORK WITH MEDICAL AND PHARMACEUTICAL TEXTS**

L.V. Tokareva¹, O.A. Krasnova², O.V. Cheredinova³, M.N. Roman'kova⁴

^{1, 3, 4} Senior Lecturer, ² Associate Professor
Novosibirsk State Medical University, Russia

***Abstract.** The article considers the questions of usage special medical terms by the students of medical university; the sources of their formation; the groups the main medical terms and terminoelements are divided into. We also examine the ways of building up new medical terms, which appear very fast. Special attention is paid to pharmaceutical abbreviations.*

***Keywords:** term, terminoelement, borrowings, abbreviations, translation loan words, transcription, transliteration, sources, vocabulary, units of speech.*

UDC 80

**PRESUMPTION OF INNOCENCE IN LINGUISTIC
HUMOR (UNINTENTIONALITY IN LINGUISTIC
JOKES BASED ON LEXICAL-SEMANTIC AMBIGUITY)**

I.A. Taghiyev, PhD Candidate, Lecturer
Khazar University (Baku), Azerbaijan

***Abstract.** The present paper investigates unintentionality in English linguistic humor based on lexical-semantic ambiguity. The objective of the study is analysis of linguistic jokes based on lexical-semantic ambiguity in terms of probability of unintentionality in them and finding out the factors that influence the responses or reactions of the characters of jokes in potential humorous situations. The researcher made attempt to distinguish between insiders (the characters of jokes) and outsiders (the readers or listeners and joke-tellers) in humor. Thus, in this research, the approach to humor study is emic rather than etic. Having analyzed English linguistic jokes, the researcher came to the following conclusion: intentionality or unintentionality of the joke depends on the intention of the insiders, rather than outsiders. Lexical-semantic ambiguity is socially relative occurrence and depends on the recipient of the text. Knowledge gap is the main sociolinguistic factor and source of unintentional humor.*

***Keywords:** English humor, linguistic jokes, ambiguity, unintentionality, communication-cognition butterfly.*

Introduction

Ambiguity-based linguistic humor as an indivisible phenomenon of human life has not been investigated deeply enough from all aspects, especially from interdisciplinary ones though humor study can be traced back to Plato and Aristotle. One of the aspects of linguistic humor that has almost stayed out of research interest is its unintentionality. The present article investigates English linguistic humor based on lexical-semantic ambiguity where the humorous effect of the joke is induced by an ‘innocent’ answer of the insider of the joke who has no intention to make a joke at all. The criteria for distinguishing between intentionality and unintentionality of insiders, i.e. the characters of humorous situation, is the focus of this study. The objective of the study is analysis of linguistic jokes based on lexical-semantic ambiguity in terms of probability of unintentionality in them. The nature of the research problem guided the choice of research methodology that would accommodate the analysis the factors that can influence the characters of the jokes and their responses or reactions in potential humorous situations. The present study is neither ‘pure’ theoretical nor ‘pure’ empirical. Thus, the researcher made attempts to introduce a new approach to humor study by distinguishing between emic and etic approaches – in other words, from the perspective of insiders (the characters of jokes) and outsiders (the readers or listeners). Some researchers (e.g. Farghal 2006) consider accidental humor, i.e. humor that emerges in the process of conversation, to be unintentional comparing it to contrived humor. But the problem is that accidentality does not necessarily mean unintentionality. In the process of communication, one of the interlocutors can choose a non-bona-fide communication manner deliberately to make a joke. As to contrived or ‘canned’ humor, any so-called accidental humor being retold over and over or published, sooner or later becomes a ‘canned’ one. Thus, accidentality and contrivedness cannot be the criteria for distinguishing between intentional and unintentional humor. Accidentality means that the potential humorous situation was not planned beforehand but occurred spontaneously. But it does not prove that the potential humorous situation was exploited unintentionally. The criteria should be sought inside the humorous situation taking into consideration the insiders (characters) of the joke. Moreover, the present research, dealing with the difference between ‘what is said (written)’ and ‘what is understood’ can shed light

on the problem of cognition in general and semiotics in particular as it seeks the factors influencing on the process of communication where one and the same linguistic sign means different things to the sender and the recipient of that sign or evokes a different concept in the recipient's mind.

Theoretical Background

In the field of humor investigation, the leading theory is Raskin's Semantic Script Theory of Humor (SSTH). According to this theory, a text can be characterized as a single-joke-carrying text if both of the following conditions are satisfied: 1) The text is compatible, fully or in part, with two different scripts, 2) The two scripts with which the text is compatible are opposite... These two scripts are said to overlap fully or in part of this text (Raskin, 1985; 99). In other words, the text contains ambiguous linguistic signs that can be interpreted in more than one way. Raskin's one more interesting postulate is that joke-telling is a specific kind of "non-bona-fide" communication which violates Grice's Cooperative Principle (Grice, 1975; 45-49) and in the case of joke-telling four different situations may occur, depending on whether the speaker makes the joke intentionally or unintentionally, and/or whether the hearer expects or does not expect the joke. But neither the theory, nor these postulates answer the question regarding to the criteria distinguishing between intentional and unintentional linguistic jokes. According to Ross, 'unintentional humor may well be caused by some lapse in expression, but deliberate humor is carefully planned (Ross, 2005; 7). As it is seen, unintentionality in verbal humor has been only noticed but not deeply investigated by researchers.

Discussion

From Raskin's above-mentioned theory, it is not quite clear who the 'speaker' and 'hearer' are. Are they 'insiders', i.e. the characters in the jokes whose speech is 'canned' in written language or 'outsiders', i.e. a joke-teller and a listener? As joke-tellers are often 'outsiders' rather than 'insiders', i.e. the characters in the joke, in this case, there are at least two speakers (a character in the joke and a joke-teller) and two hearers (another character in the joke and a person who listens to the joke-teller). Humorous effect in jokes is based on the reply or reaction of the character of the joke no matter it is done intentionally or unintentionally. Thus, intentionality or unintentionality depends on the 'insiders', i.e. the characters in the humorous text and the joke-teller's intention (unless he himself is one of the characters in the joke) has nothing to do with the intentionality or unintentionality of the jokes. Moreover, it is impossible to make a joke unintentionally, but it is possible to be laughed at due to wrong response or reaction induced by misunderstanding and misinterpreting what is said by the interlocutor as most of linguistic jokes are based on ambiguity.

Salvatore Attardo et al. (1994), in their study of a corpus of two thousand jokes, found out that four hundred and thirty-one of the four hundred and forty-one verbal jokes, i.e. about ninety-eight percent, were ambiguity based. Linguistic ambiguity is defined as words, phrases or sentences that express more than one meaning (Crystal, 2008, p.22). For the purpose of the present study, R. Lew's definition of ambiguity seems to be the most suitable: "Linguistic ambiguity is that property of a fragment of text which allows for two or more significantly different semantic interpretations to be arrived at by a substantial proportion of typical text recipients" (Lew R. 1996, p. 22). It seems to me, the expression '*by a substantial proportion of typical text recipients*' in above definition is a very crucial contribution to the definition of linguistic ambiguity as it takes into account the human recipient and thus, implies that ambiguity is a socially relative occurrence. Lew further writes: "Although ambiguity, as seen here, is essentially the property of the text itself, I have deemed it desirable to refer to the (statistically average) human recipient (= reader or hearer) of the text as the ultimate judge of what is and what is not ambiguous." (ibid) Thus, linguistic signs are not ambiguous per se, but they can be considered to be ambiguous by a particular recipient or recipients depending on the extent of their 'knowing' the language, the culture, the science and history etc.

As it is known, linguistic signs (words, expressions) acquire meaning in a context. It means that one and the same linguistic sign can carry different meanings in different contexts. In this regard, Finegan writes: "Besides meaning and expression, then, the base of language use is *context*, and language can be best viewed as a three-sided figure of expression, meaning, and context..." (Finegan E. 2008, p. 6). But according to Lew's definition of ambiguity, it turns out that the "expression – meaning – context" triangle is not the ultimate judgement for the linguistic signs to acquire a meaning. Otherwise, then so-called 'ambiguous' signs would be as such for all recipients of that sign. But it is not the case. Then, there must be a fourth factor – the recipient – without which meaning simply does not exist because the linguistic sign can acquire meaning only when it is observed and 'measured' by the recipient – the user of the language. In the case of linguistic humor based on lexical-semantic ambiguity, where the difference between 'what is said' and 'what is understood' is evident, one and the same linguistic sign (word, expression) evokes different concepts in sender's and recipient's minds. Then, even the contextual meaning is not 'absolute' for everyone, and the recipient

may have their 'own' semantic (sign-concept-referent) triangle depending on the degree of their 'knowing' which differs from that of the sender's. The first conclusion we arrive at is that the understanding of linguistic signs is based on a 'concept-referent-SIGN-referent-concept 'butterfly' consisting of two joint semantic triangles (sender's and recipient's), where the SIGN vertex is the same but referent and concept vertices are different (Taghiyev I. 2020, p. 125). The particular meaning of the linguistic sign depends on the concept evoked in the recipient's mind when they receive (hear, read) the linguistic sign. Thus, lexical-semantic ambiguity is not merely the property of the linguistic sign, it is a socially relative occurrence that depends on the recipient's 'knowing'. Consequently, humorous situations in which the response or the reaction of the characters in the joke is without the intention of making a joke but is said or done due to the knowledge gap of the characters, can be a source of unintentional humor. It means that humor is a sociolinguistic phenomenon and thus, is "...a rich source of information about the ways language interacts with society and culture" (Al-Khatib, 1999, p. 285). In the analyzed jokes, we found three types of knowledge gap, with linguistic gap (in jokes with the presence of native and non-native speakers), information gap (in jokes with the presence of kids or ignorant people), skill gap (in jokes with the presence of people that are unfamiliar with the new technology or know-how). The existence and the number of such jokes, i.e. the jokes the humorous effect of which is induced due to the knowledge gap of the characters demonstrates that unintentionality in jokes is not a rare case caused by 'lapse in expression', but a wide-spread case. As to the so-called 'canned' jokes, i.e. the jokes that are published in different collections, every joke and every humorous situation in a real life being retold over and over and published, sooner or later becomes a 'canned' one but it does not necessarily mean that all 'canned' jokes are contrived ones.

Analysis of Jokes

(1) Next-door neighbor, to small boy: "Come again, Johnny. We'd like **to see more of you.**" Johnny: "But there isn't any more of me!" (Hoke, 1965, 82 – cited by Lew, 1996).

Unintentionality of the innocent reply by little Johnny is evident. The small boy (as it is deliberately indicated in the text of joke) is not familiar with the expression 'to see more of you'. For him the expression is not even ambiguous – it has only one meaning that the boy knows. Thus, the answer to the question whether the expression 'to see more of you' is ambiguous, is 'no' and 'yes' simultaneously though the first law of formal logic (the law of contradiction) seems to be violated. The case is, the answer depends on whether the question is considered from the perspective of the insider of the joke (here the small boy) or the outsider.

(2) Judge, to a young girl: "Have you ever appeared as a witness in a **suit** before?"

G.: "Why of course!" J.: "Will you please tell the jury what suit it was?"

G.: "It was a pink suit, with collar and buttons all the way down the front" (Miszdal, 1990, 786 – cited by Lew, 1996).

Again, the young girl does not know the other meaning of the word 'suit' and for her, 'suit' is an outer garment. This way of thinking is natural for girls and to my mind, it is not by chance that the character of this joke is namely a girl, not a boy.

(3) At small village station the booking clerk says to a villager who was unused to travelling: "You'll have **to change twice** before you get to York."

Villager says: "Goodness me! And I've only brought the clothes I be standing up in!" (Potcheptsov 1974:159).

In this text, the expression 'a villager who was unused to travelling' is a clear indicator of the unintentionality of the response by the villager.

Conclusion and Further Study

Humor and jokes are inseparable part of everyday life and one of the aspects of linguistic humor that has almost stayed out of research interest is its unintentionality. Thus, the objective of the study was analysis of linguistic jokes in terms of probability of unintentionality in them and finding out the factors that influence the reactions of the characters of jokes in potential humorous situations. The researcher made attempt to distinguish between insiders (the characters of jokes) and outsiders (the readers or listeners and joke-tellers) in humor. Thus, in this research, the approach to humor study is emic rather than etic. Thus, the researcher considers linguistic ambiguity not to be merely the property of the text, but socially relative occurrence depending on the recipient of the text. Having considered the relevant linguistic works and analyzed English linguistic jokes, the researcher came to the following conclusion:

- Intentionality or unintentionality of the joke depends on the intention of the insiders, rather than outsiders.

- Linguistic ambiguity is socially relative occurrence and depends on the recipient of the text.
- Knowledge gap is the main sociolinguistic factor and source of unintentional humor.

The main limitation of the present study is that it dealt with only so-called 'canned', i.e. published joke texts. Conducting an experiment by recording and analyzing conversations in terms of potential humorous situations and their unintentional realization can shed light on the problem more deeply.

REFERENCES

1. Al-Khatib. (1999). Joke-telling in Jordanian Society: A Sociolinguistic Perspective. *Humour*, 12 (3), 261-288.
2. Attardo S. (1994). *Linguistic Theories of Humour*. Berlin-New York: Mouton de Gruyter
3. Attardo S. et al. (1994). The Linear Organization of Jokes: Analysis of Two Thousand Texts. *International Journal of Humour Research*, 7 (1). Pp. 27-54
4. Crystal D. (2008). *A Dictionary of Linguistics and Phonetics 6th Edition*. Oxford: Blackwell Publishing.
5. Farghal M. (2006). Accidental Humor in International Public Notices Displayed in English. *Journal of Intercultural Communication*, 2006, issue 12.
6. Finegan E. (2008). *Language: It's Structure and Use. Fifth Edition*. Thomson Higher Education, Boston, USA.
7. Grice P. (1975). *Logic and Conversation. Syntax and Semantics 3*, Speech Arts, Cole et al, New York.
8. Lew R. (1996). *An Ambiguity-based Theory of the Linguistic Verbal Joke in English*. A PhD thesis submitted to Adam Mickiewicz University.
9. Raskin V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humour*. Dordrecht & Boston & Lancaster: D. Reidel Publishing Company
10. Ross A. (2005). *The Language of Humour*. London-New York. Routledge
11. Taghiyev I. (2020). Communication-cognition 'Butterfly' (Geometrical Model of Verbal Communication in Case of Ambiguity). *International Journal of Language and Linguistics*, 2020, Vol. 7, No. 2. Pp. 121-128

Материал поступил в редакцию 01.03.21

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЮМОРЕ (НЕПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШУТКАХ, ОСНОВАННАЯ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ)

И.А. Тагиев, PhD, преподаватель
Университет Хазар (Баку), Азербайджан

***Аннотация.** В настоящей работе исследуется непреднамеренность в английском языковом юморе, основанная на лексико-семантической двусмысленности. Целью исследования является анализ языковых анекдотов на основе лексико-семантической неоднозначности с точки зрения вероятности непреднамеренности в них и выяснение факторов, влияющих на реакции персонажей анекдотов в потенциальных юмористических ситуациях. Исследователь предпринял попытку провести различие между инсайдерами (персонажами анекдотов) и сторонними лицами (читателями или слушателями и рассказчиками анекдотов) в юморе. Таким образом, в данном исследовании подход к изучению юмора является скорее эмическим, чем этическим. Проанализировав английские лингвистические шутки, исследователь пришел к следующему выводу: преднамеренность или непреднамеренность шутки зависит от намерения инсайдеров, а не посторонних. Лексико-семантическая неоднозначность является социально относительным явлением и зависит от реципиента текста. Пробел в знаниях – главный социолингвистический фактор и источник непреднамеренного юмора.*

***Ключевые слова:** английский юмор, лингвистические шутки, двусмысленность, непреднамеренность, коммуникативно-познавательная «бабочка».*

УДК 811.111-26

ФУНКЦИЯ ЦИТАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

С.Л. Яковлева, кандидат педагогических наук, доцент, магистр лингвистики
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются функции цитат, используемых в романе Д. Брауна «Происхождение» (*Origin by Dan Brown*). Автор представляет своим читателям высказывания знаменитых политических и религиозных деятелей, философов, архитекторов, поэтов, в частности: У. Блейка, Дж. Кэмпбелла, А. Гауди, Ф. Ницше, У. Черчилля и изречения из Библии. Анализ показал, что используемые в романе цитаты выполняют информативную, аргументативную, эмоциональную функции с целью убеждения, формирования нравственных ориентиров и моральных установок. В статье приведены некоторые приемы перевода используемых в романе цитат.

Ключевые слова: Д. Браун, «Происхождение», цитата, функции цитат, приемы перевода цитат.

Цитата в силу своей авторитетности включается во все виды дискурса: научного, публицистического, рекламного и т.д. В данной работе мы рассматриваем употребление и особенности перевода цитат в художественном дискурсе на материале романа Д. Брауна «Происхождение» [1], (*Origin by D. Brown* [5]).

Очередной бестселлер Д. Брауна был опубликован в октябре 2017 года и уже через три месяца вышел на русском языке. Роман повествует наряду с другими темами о возрастающей роли искусственного интеллекта в жизни современного общества. Все приведенные в тексте Д. Брауна цитаты мы проверили на их подлинность и представили на языке оригинала (английском и немецком).

В научной литературе цитата как интертекстуальный элемент может рассматриваться в узком смысле и в широком. В узком смысле цитата приводится в новом тексте в дословном виде; в широком смысле к ней относят и аллюзии, и реминисценции. М.В. Саблина называет первые артоцитатами, вторые – уницитатами. Она подчеркивает, что артоцитаты выполняют в тексте, как правило, информативную и аргументативную функции, уницитаты – эмоционально-оценочную, ассоциативную и композиционную. Однако цитаты могут выполнять не только одну, а сразу несколько функций [3, с. 46–48]. Автором данной статьи также был рассмотрен перевод интертекстуальных элементов на примере романа Д. Тратт «Щегол» [7].

Д. Браун включает в свой роман высказывания известных исторических деятелей, ученых, композиторов, архитекторов, философов, поэтов, религиозных деятелей: Уинстона Черчилля, Фридриха Ницше, Уильяма Блейка, Антонио Гауди, Джозефа Кэмпбелла и других лиц, а также библейские изречения.

Рассмотрим функции цитат в указанном романе и их перевод на русский язык. Первая принадлежит У. Черчиллю: *Success is the ability to go from one failure to another with no loss of enthusiasm* [5, p. 126]. – *Успех – это способность преодолевать неудачи одну за другой, не теряя оптимизма* [1, с. 123].

Функция цитаты – аргументативная, апеллирующая к читателю с целью не терять веру в свои способности, не отчаиваться при борьбе с трудностями. Высказывание, как ценностный ориентир, висело в рамочке над дверью кабинета главного героя романа Эдмонда Кирша, представленного одним из величайших умов своего времени. Его гениальное творение – компьютер по имени Уинстон декодирует высказывание с некоторой долей превосходства над человеком и отмечает, что компьютеры не впадают в отчаяние от ошибок и неудач, а ищут все новые и новые решения.

Следующее любимое высказывание главного героя принадлежит Фридриху Ницше: *God is dead. God remains dead. And we have killed him. How shall we comfort ourselves, the murderers of all murderers?* [5, p. 82]. – *Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!* [1, с. 79].

Это высказывание из «Веселой науки» Ф. Ницше о безумном человеке имеет продолжение: «Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими

ножами — кто смоет с нас эту кровь? ... Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершенно дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!» [6].

Функция цитаты информативная и оценочная. Главный герой романа собирается познакомить человечество с великим открытием, отвечающим на вопросы «Откуда мы пришли?» и «Куда мы идем?» На его взгляд, ответы на них могут сокрушить устои всех мировых религий.

Оригинальное предложение «*God remains dead*» (на немецком языке «*Gott bleibt tot*») в переводе звучит как «*Бог не воскреснет!*». В данном случае использован прием смыслового, логического развития; произошла замена словосочетания языка оригинала единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы, а значения слов оригинала и перевода связаны логическими причинно-следственными отношениями.

Кроме того, в переводе использован антонимический перевод: положительная форма исходного глагола передана на русском языке отрицательной формой. В дополнение переводчик решил усилить эмоциональную составляющую рассматриваемого предложения, сделав из повествовательного предложения восклицательное. Как известно, для английского языка, в отличие от русского, характерна более низкая форма экспрессивности.

Д. Браун неоднократно цитирует Ф. Ницше. Рассмотрим еще одно высказывание: *Whoever fights monsters should see to it that in the process he does not become a monster*. — [5, p. 87]. — *Wer mit Ungeheuern kämpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird* (нем.). — *Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем* [1, с. 84].

Герой романа профессор Лэнгдон цитирует Ф. Ницше, когда узнает о его преследовании полицией и средствами массовой информации. Компьютер Уинстон в данном случае использует библейское изречение: *Поднявший меч, от меча и погибнет*. Функция цитаты аргументативная, предостерегающая слишком ретивых людей, потерявших нравственные ориентиры, преднамеренно или необдуманно совершающих зло, о неминуемом наказании.

В предложении на английском языке сочетание «*in the process*» из цитаты Ф. Ницше на русском языке звучит «*при этом*». В английском предложении выражена мысль о длительности процесса борьбы с чудовищами, когда человек теряет душевные качества и уподобляется своим врагам вследствие изменения моральных установок. Это превращение в монстра происходит не одномоментно, человек сам может и не заметить, в какого чудовища он превратился. В переводе эта идея выражена имплицитно.

Главный герой романа был прекрасно знаком с различными архитектурными стилями и жанрами, и сам выступал в роли создателя и дизайнера архитектурных проектов. Своим идеалом он считает Антонио Гауди. Учитывая это, вполне естественно цитирование в романе знаменитого испанского архитектора: *Nothing is invented, for it is written in nature first. Originality consists of returning to the origin* [5, p. 82]. — *Нет ничего придуманного, все изначально существует в природе. Оригинальность — это возвращение к истокам* [1, с. 78].

Как известно, величайшим творением А. Гауди является Саграда Фамилия – Собор Святого Семейства в Барселоне, считающийся шедевром мирового зодчества и вершиной творчества А. Гауди. Не случайно именно в Барселоне находится дом главного героя, созданный по его собственному проекту в соответствии с жизненным кредо А. Гауди.

Данная цитата, убеждающая в совершенстве творений природы, имеет аргументативную функцию. С испанского, родного языка А. Гауди, фраза на английский язык переведена как «*It is written in nature first*». Можно только догадаться, как она звучит в оригинале. Мы, как получатели перевода полагаем, что глагол «*is written*» мог быть использован великим архитектором. Переводчик на русский язык использовал контекстуальную трансформацию, извлекая смысл путем сопоставления ситуационной и семантической информации: «Все изначально существует в природе».

«*Originality consists of returning to the origin*». — «*Оригинальность — это возвращение к истокам*». Переводческая эквивалентность наблюдается на синтаксическом уровне, кроме того, происходит замена на уровне слов. Из нескольких значений многозначного имени существительного «*origin*» переводчик выбрал имя существительное «истоки». При этом была изменена форма единственного числа на множественное в соответствии с коммуникативной ситуацией на русском языке.

Американский исследователь мифологии ирландского происхождения Джозеф Кэмпбелл был автором трудов по религиоведению и поклонником философии З. Фрейда и К. Юнга. В романе мы

встречаем следующее его изречение: *We must be willing to get rid of the life we've planned, so as to have the life that is waiting for us*» [5, p. 1]. – *Нам следует отказаться от собственных жизненных планов, чтобы прожить жизнь, которая нам уготована*» [1, с. 1].

Аргументативная функция цитаты, одновременно оказывающая эмоциональное воздействие на читателя, напоминает о неоднократно испытываемом любым человеком чувства горечи и неудовлетворенности от крушения собственных планов.

Фраза из цитаты Дж. Кэмпбелла *«to have the life that is waiting for us»* в переводе представлена «жизнь, которая нам уготована». Глагол «уготовить», имеющий значение «предназначено, определено» считается устаревшим. Однако учитывая, что Дж. Кэмпбелл является автором трудов по сравнительной мифологии и религиоведению, употребление именно этой формы представляется вполне естественным. Кроме того, она тесно перекликается с христианским воззрением на жизнь как уготованную высшими силами.

Значительная часть романа описывает столкновения на религиозной почве представителей различных верований и псевдорелигий. По этой причине в романе мы находим в тексте многочисленные библеизмы в аргументативной функции, имеющие целью регламентировать поведение человека в различных жизненных ситуациях и в целом сформировать его воззрения и устои. Приведем несколько примеров, в которых отражены духовные постулаты христианства:

– *“If you hold anything against anyone, forgive them, so that your Father in heaven may forgive you your sins”* [5, с. 88]. – *«И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши»*. Переводчик приводит Толкование 25 из Священного писания, Главы 11 Евангелия от Марка [1, с. 86].

– *“Do not resist an evil person. Whoever slaps you on your right cheek, turn the other to him. Love your enemies, do good to those who hate you, bless those who curse you, pray for those who mistreat you”* [5, с. 55]. – *«...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас»* [1, с. 54].

В переводе приведены строки 39 и 43 из Нового Завета, Святого благовествования от Матфея.

Как следует из представленных примеров, переводы на русский язык лексически и синтаксически выражены в соответствии с нормами и правилами религиозного дискурса.

Профессор Лэнгдон также цитирует строки талантливого английского поэта, художника и гравера Уильяма Блейка, непризнанного своими современниками: *And Man walks forth from midst of the fires, the evil is all consum'd* [5, с. 110]. – *И человек идет вперед сквозь пламя, все зло навеки им истреблено* [1, с. 112]. Эта строка из стихотворения Блейка «Четыре Зоа»:

The sun has left his blackness and has found a fresher morning, And the mild moon rejoices in the clear and cloudless night, And Man walks forth from midst of the fires: the evil is all consum'd. His eyes behold the Angelic spheres arising night and day [4].

Профессор Лэнгдон объясняет, что Блейк имеет в виду искоренение продажной религии. Безрелигиозное будущее – одно из его повторяющихся пророчеств.

Примеры, подвергнутые анализу, наглядно демонстрируют, что Д. Браун активно внедряет в нить повествования высказывания ярких представителей различных эпох: Уильяма Блейка, Фридриха Ницше, Джозефа Кэмпбелла, Антонио Гауди, Уинстона Черчилля и изречения из Библии. Все приведенные в статье цитаты были проверены на оригинальность и исключены те, что приписываются знаменитостям, но документально не подтверждены. Наиболее частотными функциями артоцитата являются аргументативная, информативная и эмоциональная, преследующие цели апелляции к чувствам и убеждениям человека, выработке им моральных норм поведения, стойкости в отстаивании своих убеждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун, Д. Происхождение [пер. с англ. И. Большева, М. Литвиновой-Комненич] / Д. Браун. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 576 с.
2. Кэмпбелл, Д. Тысячеликий герой [пер. с англ. А. П. Хомик] / Д. Кэмпбелл. – М.: Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997. – 384 с.
3. Саблина, М.В. Функции цитаты в текстах современных российских газет / М.В. Саблина // Мир русского слова. – 2009. – № 14. – С. 46–48.
4. Blake, W. The Four Zoas (excerpt) / W. Blake. – University of Toronto Libraries. Available at: <https://rpo.library.utoronto.ca/poems/four-zoas> (accessed on: 12.01.2021).
5. Brown, D. Origin / D. Brown. – Transworld Publishers, 2018. – 640 p.
6. Nietzsche, F. Die fröhliche Wissenschaft / F. Nietzsche. – Edition Holzinger. Taschenbuch. Berliner Ausgabe, 2016, 4. Available at: <http://www.nietzschesource.org/#eKGWB/FW> (accessed on: 01.02.2021).
7. Yakovleva, S. Translation of intertextual elements in fiction (illustrated by D. Tratt's book "The Goldfinch"). / S. Yakovleva, R. Valeeva // INTCESS 2020 – 7th International Conference on Education and Social Sciences. – Dubai, UAE, 20-22 January, 2020. – Pp. 586–590.

Материал поступил в редакцию 23.02.21

FUNCTION OF QUOTATIONS IN ARTISTIC DISCOURSE AND THEIR TRANSLATION IN FICTION

S.L. Yakovleva, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Master of Linguistics
V.G. Timiryasov Kazan Innovative University, Kazan

***Abstract.** The article describes the functions of quotations used by Dan Brown in his novel Origin. The book is riddled with quotes of famous political and religious leaders, philosophers, architects and poets such as W. Blake, G. Campbell, A. Gaudi, F. Nietzsche, W. Churchill and expressions from the Bible. The research shows that the quotes have informative, argumentative and emotional functions aiming at persuading the reader, forming their moral values and ethical guidance. In addition to that some examples of translation into Russian are presented in the article.*

***Keywords:** D. Brown, Origin, quotation, functions of quotations, translation into Russian.*

УДК 80

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ В РАМКАХ ИТ-ПРОЕКТА

Л.Е. Светличная, старший преподаватель
Кафедра английского языка естественных факультетов,
Факультет социокультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет (Минск), Беларусь

***Аннотация.** В данной статье рассматривается совокупность текстов, сопровождающих стандартный ИТ-проект. Каждый из этапов разработки продукта характеризуется созданием текстов, необходимых для обеспечения эффективного рабочего процесса. Автор выделяет языковые средства, применяемые на соответствующем этапе. Рассматриваются такие стадии проекта как переговоры с заказчиками, презентации, функциональные спецификации (создаваемые в контексте методологий Waterfall и Agile), пользовательские истории (User Stories), руководство для пользователя, руководство по установке продукта, техническая спецификация, тестовые случаи (Test Cases), тикеты (Tickets). Актуальность темы, выбранной для написания статьи, заключается в широком охвате всех текстов ИТ-проекта и рассмотрении их с лингвистической точки зрения. Данная статья будет интересна специалистам, работающим в сфере прикладной лингвистики.*

***Ключевые слова:** типы ИТ-текстов, Waterfall, Agile, User Stories, тикеты, спецификация.*

В ходе разработки стандартного ИТ-проекта его участникам на разных этапах с определенной степенью интенсивности приходится взаимодействовать с конкретными видами текстов, каждый из которых призван решить свою собственную коммуникативную задачу. Процесс документирования жизненного цикла развития ИТ-продукта подразумевает прохождение соответствующих этапов, маркированных присущими именно им дискурсивными характеристиками. Целью настоящей статьи является общий обзор совокупности научно-технических ИТ-текстов, а также выделение языковых средств, способствующих вербализации конкретной задачи ИТ-проекта на каждом этапе разработки продукта. Материалом для статьи послужили примеры технической документации ИТ-проектов, написанной на английском языке.

До непосредственного запуска проекта имеет место этап общения с заказчиками. Переговоры о будущих действиях, продукте, подлежащем разработке, можно рассматривать как коммуникативное событие, «осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [2, с. 14] и соответственно обладающее характеристиками дискурса. Участники переговорного процесса, как правило, топ-менеджеры заинтересованных компаний, выступают в качестве адресата и адресанта, имеют свои собственные намерения и применяют соответствующие коммуникативные стратегии и тактики в ходе дискуссии с целью достижения поставленных задач. В данном случае можно говорить о деловом типе институционального дискурса. Создание официальных протоколов заседаний и встреч, свойственных деловому дискурсу в иных областях, не является характерной чертой в ИТ-сфере, однако договорённости могут фиксироваться в ходе обмена сообщениями с помощью электронной почты либо корпоративных мессенджеров (Microsoft Teams, Skype for Business, Slack и др.).

В процессе переговоров демонстрируются презентации, призванные дать будущим клиентам представление о преимуществах и достижениях компании, берущей на себя разработку ИТ-продукта. Подобные презентации можно рассматривать как речевые произведения в рамках PR-дискурса.

Далее в работу вступают бизнес-аналитики. Их задача на данном этапе заключается в том, чтобы выявить потребности клиентов, понять проблему, которая должна быть решена в рамках

проекта. Следует отметить, что разработка проекта может развёртываться в контексте двух методологий (Waterfall и Agile), которые определяют тексты, создаваемые в ходе рабочего процесса.

Методика управления ИТ-проектом Waterfall («водопадная») предполагает последовательное выполнение требований на всех его этапах. Переход к следующей фазе возможен только после окончательного завершения предыдущей стадии [1, с. 709]. Соответственно, на начальном аналитическом этапе вырабатывается предварительная концепция описания и процесса решения будущего ИТ-продукта, которая оформляется в виде технического задания, называемого также функциональной спецификацией.

Под *функциональной спецификацией* понимается документ, содержащий требования со стороны заказчика к разрабатываемому продукту, структурированные и представленные в удобном для разработчиков виде. Производится оценка предполагаемых действий, а также имеющихся и необходимых ресурсов. Данный документ, составленный бизнес-аналитиками, выступает своеобразным связующим звеном между заказчиками, конечными пользователями и разработчиками, непосредственно занимающимися созданием данного продукта. Также в функциональной спецификации важную роль играет визуализация текста в виде иллюстраций, диаграмм, графиков, таблиц и иных наглядных форм представления материала.

Требования, предъявляемые к языковому оформлению функциональной спецификации, обусловлены выполняемыми ею задачами. Информация должна быть написана ясным, точным и доступным языком, исключая неоднозначное толкование. Можно отметить преобладающее использование повествовательных предложений, простых грамматических конструкций (Present Simple Tense, Future Simple Tense), модальных глаголов (*can, need, must*). Отмечено применение вопросительных конструкций в спорных ситуациях, требующих дальнейшего пояснения (*Questions to be discussed: Is it necessary to build...? Do you have data for ...?*). Также используются условные предложения (*If one of the following is true, then...*).

Если на начальном этапе спрогнозировать процесс развёртывания действий в ходе разработки ИТ-продукта и детально сформулировать требования представляется достаточно сложным, предпочтение отдаётся методике гибкой разработки Agile, «обеспечивающей постоянное сотрудничество между заинтересованными лицами и быстрый и частный выпуск функциональности небольшими порциями» [1, с. 454]. В этом случае объем создаваемых документов будет небольшим, тем не менее, достаточным, чтобы предоставить разработчикам чёткие указания по выполняемой работе на данном этапе.

Соответствующие требования могут оформляться в виде *пользовательских историй (User Stories)*. Их отличительной чертой является то, что они не создаются исключительно на начальном этапе разработки, как это свойственно методике Waterfall, а пишутся на протяжении всего жизненного цикла продукта. В User Stories кратко формулируется намерение конечного пользователя, которое он сможет осуществить благодаря реализации требуемой функциональности. Как правило, типичная пользовательская история состоит из предложения, построенного по стандартной схеме: «*As a ... I want to ..., so that ...*», что позволяет последовательно отобразить роль пользователя, его непосредственное намерение и желаемый результат. Далее списком перечисляются шаги, которым надлежит следовать для осуществления намеченного. Средством их вербализации выступают побудительные предложения (*Get access to the server ..., create a list of ..., define the objects ..., deploy scripts ..., generate diagrams ...*).

Следует отметить, что каждая из методологий управления проектами характеризуется соответствующей документацией и имеет свои преимущества и недостатки. При этом есть возможность совмещения обеих методик в рамках одного проекта.

Если функциональные спецификации и пользовательские истории создаются, главным образом, с целью донесения информации от пользователя к разработчикам, то в определённый момент работы над проектом возникает потребность в обратном процессе. На этапе, когда готовый ИТ-продукт подлежит эксплуатации, необходимо представить документ, описывающий, непосредственное взаимодействие конечного пользователя с продуктом. Данный документ, называемый *руководством для пользователя (User Manual, User's Guide)*, обычно создаётся техническими писателями. Как правило, руководство состоит из таких частей, как аннотация, введение, страница содержания, главы, описывающие функциональность ИТ-продукта и элементов пользовательского интерфейса (User Interface), а также возможные проблемы и способы их решения, глоссарий, предметный указатель. Это стандартные элементы документа, увидеть которые традиционно ожидает пользователь.

Руководство по установке продукта (Installation Guide) может являться частью общего руководства либо выступать как отдельный документ. Его предназначение – описать требования, предъявляемые к аппаратному обеспечению (серверному, клиентскому) на стороне пользователя, а также последовательные шаги по установке, развёртыванию и настройке ИТ-продукта.

При выборе языковых средств в ходе написания руководства для пользователя технические специалисты стараются последовательно излагать материал по принципу «от простого к сложному», избегают большого количества технических терминов и, вместе с тем, выражения личного мнения. Преимущественно используются короткие предложения и условные конструкции (*if ... , then ...*). Названия глав должны звучать сжато и в то же время достаточно ёмко, чтобы дать пользователю возможность легко ориентироваться в представленном материале и направить его в нужном направлении на конкретном этапе работы.

В процессе разработки ИТ-продукта возникает необходимость создать руководство не только для конечного пользователя, но и для технических специалистов как самой компании-разработчика (или продавца продукта), так и представляющих компанию заказчика. Важность подобного документа, называемого *технической спецификацией*, обусловлена большой вероятностью того, что в будущем на этапе поддержки именно этим специалистам придется решать вопросы, возникающие в ходе эксплуатации продукта. Техническая спецификация может быть составлена как отдельный, самостоятельный документ, либо выступать частью или приложением к функциональной спецификации. Языковые средства, которые используются в данном документе, коррелируют с описанными выше текстами, создаваемыми в ходе работы над проектом. Отличительной особенностью является допустимость высокого уровня сложности терминологии вследствие того, что данные тексты пишутся непосредственно самими разработчиками продукта для своих коллег.

Важным этапом процесса разработки ИТ-продукта является тестирование. Оно может осуществляться на всех этапах жизни проекта, в том числе после внедрения продукта. Можно говорить о различных видах тестирования, что обуславливает специфику создаваемых текстов. Основным элементом данного процесса является *тестовый случай (Test Case)*, который представляет собой задокументированное описание действий тестирующего или конечного пользователя для проверки соответствующего функционала и сравнение реального и ожидаемого результата. Уровень детализации описания тестовых случаев может различаться в зависимости от правил тестирования, принятых в компании-разработчике.

В ходе эксплуатации продукта пользователи также имеют возможность сообщить о выявленных недостатках, недоработках в ИТ-продукте. Свои жалобы либо пожелания они передают в виде заявок, получивших название «*тикеты*» (*Tickets*). Данные документы можно считать атрибутом конечной стадии разработки продукта, однако в случае применения методологии Agile они могут появляться на протяжении всего цикла. Тикеты представляют собой описание проблемы, созданное пользователем соответствующей системы регистрации проблем эксплуатации и направленное, в первую очередь, в службу технической поддержки. Поскольку специалисты данной службы имеют возможность ответить на заявку в рамках того же документа, тикет выглядит как переписка или диалог между разными сторонами (пользователями, техподдержкой, разработчиками и пр.).

Этот документ не обязан следовать установленному образцу, поэтому пользователю предоставляется определённая свобода в выборе языковых средств: тикеты могут быть написаны с использованием неформального стиля общения, близкого к разговорному. Допускается применение личных местоимений (*I want to ...*), сокращённых форм глагола (*don't, doesn't, couldn't*), сленга, опущение слов. Однако в интересах пользователя предоставить информацию чётким и доступным языком, максимально отражающим суть возникшей проблемы. Заголовок тикета является важным элементом, поскольку он, в первую очередь, должен привлекать внимание технических специалистов. В свою очередь, со стороны технической поддержки может быть направлен вежливый ответ-шаблон, сгенерированный автоматически с целью быстрого реагирования на запрос, либо предоставлена соответствующая информация по решению проблемы, описанной в тикете.

Таким образом, можно отметить, что процесс работы над ИТ-проектом сопровождается написанием текстов разных типов, выполняющих собственные задачи и направленных на обеспечение эффективного процесса разработки. Тексты создаются всеми участниками процесса коммуникации: от менеджеров компаний, бизнес-аналитиков, разработчиков, тестирующих до конечных пользователей. Представляется целесообразным более глубокое исследование языковых средств, используемых в каждом типе текста, поскольку оно может иметь прикладное значение и способствовать более высоким результатам разработки ИТ-продукта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вигерс, К. Разработка требований к программному обеспечению / К. Вигерс, Дж. Битти. – Изд. 3-е. – М.: Издательство «Русская редакция»: СПб.: БХВ-Петербург, 2014. – 736 с.
2. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистического исследования / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: науч. ст. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С. 11–22.

Материал поступил в редакцию 02.02.21

TYPOLOGIZATION OF TEXTS WITHIN THE FRAMEWORK OF AN IT PROJECT

L.E. Svetlichnaya, Senior Lecturer

The Department of English Language of Natural Sciences,
The Faculty of Socio-Cultural Communications
Belarusian State University (Minsk), Belarus

Abstract. *This article discusses the set of texts that accompany a standard IT project. Each of the stages of product development is characterized by the creation of the texts necessary to ensure an effective workflow. The author identifies the language tools used at the appropriate stage. Project stages such as negotiations with customers, presentations, functional specifications (created in the context of Waterfall and Agile methodologies), User Stories, user guide, product installation guide, technical specification, Test Cases, Tickets are considered. The relevance of the topic chosen for writing the article lies in the broad coverage of all the texts of the IT project and considering them from a linguistic point of view. This article will be of interest to specialists working in the field of applied linguistics.*

Keywords: *types of IT texts, Waterfall, Agile, User Stories, Tickets, Specification.*

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 2 (32), март / 2021

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»

Адрес типографии:

Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Подписано в печать 15.03.2021 г. Дата выхода в свет: 22.03.2021 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 43. Свободная цена. Тираж 100.